

Философия П права

№ 4 (77)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит шесть раз в год
Свидетельство о регистрации
№ 019290 от 30 сентября 1999 г.

2016

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации по философии, социологии и культурологии, праву, политологии

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Андреева О. А., Макарова Е. А.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА МИГРАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ, ПРАВОВОМ
И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 7

Баранов П. П.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 13

Лубеккий Р. А.

«ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ» И ЭТАТИСТСКО-ПАТЕРНАЛИСТСКАЯ
МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ 20

Макеев В. В., Брик А. Д.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОЙ
ПОЛИТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ДЕЮРИДИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИЗАЦИИ
ПРАВА 25

Мамычев А. Ю., Цзоу Л.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ 30

ДУХОВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА

Овчинников А. И., Гасанова З. Г., Фатхи В. И.

ОБРАЗ САМОДЕРЖАВИЯ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИДЕАЛЫ
В ПЕРИОД ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА 35

Рожковский В. Б. ФИЛОСОФСКАЯ ОНТОЛОГИЯ М. ХАЙДЕГГЕРА И ХРИСТИАНСКАЯ ТЕМА КЕНОСИСА БОГА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ	42
Фетисов Т. (протоперей). СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ИДЕАЛ ТЕОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА СВЯТОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА	48

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Брусенская Л. А. ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	54
Колесникова Е. Ю. СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РАКУРСЕ КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ	59
Салтыков К. Г. ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ИСТИННОСТИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ	65
Халиков А. Н. ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	70
Табакон А. Л. ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА И. А. ИЛЬИНА	76

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Головки В. А., Лавриченко Р. К. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	82
Москаленко С. Г. ЭТИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ ЭЛИТЫ КАК ОСНОВАНИЕ ТИПА ВЕРХОВНОГО ВЛАДСТВОВАНИЯ И ЛЕГИТИМНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	87
Григорьев Е. В. КОНСЕРВАТИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ: ПЛОДЫ ЛОГИЧЕСКОЙ ОШИБКИ	92
Лотарев К. А. К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПОИСКА ИДЕОЛОГИИ: ВОЗМОЖНОСТИ КОНСЕРВАТИЗМА В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ЧАСТЬ II)	99

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Конгарев А. А. НОРМАТИВНЫЙ И ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ СУЩНОСТИ ПРАВА ...	107
Шугуров М. В. ФЕНОМЕН ИДЕИ ПРАВА В ОСМЫСЛЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКО- ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ	115

**ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Гришин Д. А., Кутякин С. А., Напханенко И. П.

**ДУХОВНЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КРИМИНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ 123**

Каломен А. Г.

**ПРАВО НА ЖИЗНЬ КАК ОБЪЕКТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА: ФИЛОСОФСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ 129**

Главный редактор: **К. А. Плясов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Г. С. Працко, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф.
(заместитель главного редактора);
С. Н. Болдырев, канд. юрид. наук, доц.
(заместитель главного редактора);
П. П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
И. М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А. А. Конгарев, д-р филос. наук, проф.;
Е. Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Рожковский, д-р филос. наук, проф.;
Е. А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
П. В. Анисимов, д-р юрид. наук, проф.;
Н. Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
А. И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т. С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Устьянцев, д-р филос. наук, проф.;
В. Н. Цыганаш, д-р филос. наук, проф.;
В. Ю. Шпак, д-р филос. наук, проф.

Адрес редакции: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8(863) 207-86-35

Электронная почта: ruiperiodika@mail.ru

Официальный сайт журнала: periodika.ruimvd.ru

Учредитель: ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»

Подписка на наше издание осуществляется через подписное агентство «Книга-Сервис» (www.akc.ru).

Вопросы по оформлению подписки можно задавать по телефонам:

8 (495) 680-90-88, 8 (495) 680-89-87 или e-mail: public@akc.ru.

Подписной индекс: 79848

Над выпуском работали: И. А. Мосенцева, М. П. Шумилина
Компьютерный набор и верстка: Е. Е. Пелехатая

ЛР № 020788 от 23.06.98

Сдано в набор 7.07.2016. Подписано к печати 12.08.2016. Выход в свет 25.08.2016.

Формат 60x84 1/8. Объем 16,75 п.л. Набор компьютерный.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 15,8. Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF LEGAL POLICY OF THE STATE

Andreeva O. A., Makarova E. A.

INTERPRETATION OF THE IMAGE OF MIGRATION IN THE POLITICAL, LEGAL
AND SOCIO-CULTURAL DIMENSIONS: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECT 7

Baranov P. P.

POLITICAL BASIS OF THE CONSTITUTIONAL-LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN
FEDERATION 13

Lubsky R. A.

«POLITICAL PERSON» IS AND STATIST-PATERNALISTIC MODEL OF SOCIAL BEHAVIOR
IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY 20

Makeev V. V., Brik A. D.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF LEGAL
POLICY AND PROBLEMS OF A DEYURIDIZATION OF POLICY AND POLITICIZATION
OF LAW 25

Mamychev A.Yu., Tszou L.

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE THIRD MILLENNIUM: GEOPOLITICAL
AND SOCIO-CULTURAL BASES OF THE DEVELOPMENT 30

SPIRITUAL AND SOCIAL AND CULTURAL FOUNDATIONS OF LAW

Ovchinnikov A. I., Hasanova Z. G., Fatkhi V. I.

THE IMAGE OF AUTOCRACY AND STATE AND LEGAL IDEALS IN THE OLD RUSSIAN
STATE PERIOD 35

Rozhkovsky V. B.

PHILOSOPHICAL ONTOLOGY OF M. HEIDEGGER AND CHRISTIAN THEME KENOSIS
OF GOD IN EUROPEAN CULTURE 42

Fetisov T. (archpriest).

SOCIAL AND LEGAL IDEAL OF A THEOCRATIC STATE OF ST. PRINCE VLADIMIR 48

EPISTEMOLOGY AND METHODOLOGY OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL STUDIES

Brusenskaya L. A.

LEGAL LINGUISTICS AND LINGUOECOLOGY: ASPECTS OF INTERACTION 54

Kolesnikova E. Yu.

SOCIAL BEHAVIOR FROM THE PERSPECTIVE OF CLASSICAL AND CONTEMPORARY
APPROACHES IN SOCIAL SCIENCES 59

Saltykov K. G.

LINGUISTIC ASPECTS OF COMMUNICATIVE EPIDEMIOLOGICAL JUSTIFICATION
OF THE TRUTH IN THE LAW 65

Khalikov A. N.

PHILOSOPHY OF LAW AND SOCIOLOGY OF LAW: GENERAL AND SPECIAL 70

Tabakov A. L. THE CONCEPT OF EGUITY IN PHILOSOPHY OF LAW OF I. A. ILYIN 76

PHILOSOPHICAL AND LEGAL DIMENSION OF THE STATE POWER

Golovko V. A., Lavrichenko R. K.

MODERN PROBLEMS OF NATIONAL SECURITY 82

Moskalenko S. G.

ETHICAL STANDARD ELITE AS THE BASE TYPE OF THE SUPREME RULING
AND THE LEGITIMACY OF STATE COERCION 87

Grigorov E. V.

CONSERVATISM AND LIBERALISM: THE PRODUCT OF LOGICAL ERRORS 92

Lotarev K. A.

TO THE QUESTION OF INTERPRETATION AND THE SEARCH FOR IDEOLOGY:
CONSERVATISM IN TERMS OF IDEOLOGICAL CONVERGENCE IN CONTEMPORARY
RUSSIA (PART II) 99

THE UNDERSTANDING OF LAW AND LEGAL DOCTRINE

Kontarev A. A.

NORMATIVE AND PHILOSOPHICAL APPROACHES TO THE PROBLEM
OF THE ESSENCE OF LAW 107

Shugurov M. V.

THE PHENOMENON OF THE IDEA OF LAW IN THE INTERPRETATION OF THE DOMESTIC
PHILOSOPHICAL AND LEGAL TRADITION 115

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FIGHT AGAINST CRIME

Grishin D. A., Kutyakin S. A., Napkhanenko I. P.

SPIRITUAL AND MORAL ASPECTS OF THE COMBATING CRIMINAL ORGANIZATIONS
OF CONVICTS IN CORRECTIONAL FACILITIES OF CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM
OF RUSSIA 123

Kalomen A. G.

THE RIGHT TO LIFE AS THE OBJECT OF THE ENCROACHMENT ON LIFE
OF THE LAW ENFORCEMENT OFFICER: A PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS 129

Андреева Ольга Александровна
Andreeva Olga Aleksandrovna

профессор кафедры теории и истории государства и права Таганрогского института управления и экономики доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Taganrog Institute of Management and Economics, Doctor of Philosophy, Professor.
Тел.: 8(904) 346-70-43.

Макарова Елена Александровна
Makarova Elena Aleksandrovna

заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Таганрогского института управления и экономики доктор психологических наук, профессор.

Head of the Humanities Department, Taganrog Institute of Management and Economics, Doctor of Psychology, Professor.
Тел.: 8(905) 456-93-66.

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА МИГРАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ,
ПРАВОВОМ И СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ:
ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

**Interpretation of the image of migration in the political, legal and socio-cultural
dimensions: philosophical and legal aspects**

Статья посвящена анализу проблемы возникновения новых вызовов и угроз социальной стабильности и национальной безопасности, порождаемых современными миграционными процессами. Авторы доказывают, что исследование философско-правовой интерпретации образа миграции в общественном сознании позволит успешно адаптировать мигрантов к жизни в условиях чуждой страны на основе общепризнанных прав и свобод.

Ключевые слова: миграция, философия права, политика, толерантность, конфликты и противоречия, общественное сознание.

Article is devoted to the analysis of a problem of emergence of the new calls and threats of social stability and national security generated by modern migration flows. Authors prove that the analysis of the philosophical and legal interpretations of the migration image in the public consciousness allows us to adapt the migrants on the basis of universally recognized rights and freedoms.

Keywords: migration, philosophy of law, politics, tolerance, conflicts and contradictions, social consciousness.

В условиях массовой неуправляемой миграции закономерно возникают политические, правовые, социокультурные, этноконфессиональные конфликты и противоречия, имеющие как позитивный, так и негативный характер. Миграция в настоящее время приобретает геополитический масштаб, все чаще угрожая безопасности личности, общества и государства в целом. Проблемы миграции находятся в центре внимания не только общественности, но и философско-правовой рефлексии, поскольку неуправляемая миграция приводит к деформации человеческого сознания, росту ксенофобии и экстремизма, отсутствию религиозной и культурной толерантности, нетер-

пимости по отношению к другим этническим и социальным группам, нарушению прав и свобод человека и гражданина.

Различия, существующие в историческом, политическом, социокультурном и т. п. развитии стран и народов в условиях глобализации, универсализма и одновременно самоидентификации, не мешают им встраиваться в единый культурно-цивилизационный контекст евразийской общности. Там, где исторически мирно сосуществуют этносы и народы, благодаря толерантности процесс консолидации преобладает над процессом дезинтеграции. Для России эти проблемы актуальны в связи с непрекращающимся потоком в нашу страну

мигрантов из стран СНГ, Украины и других. Поэтому необходимо проанализировать образ миграции, сложившийся в общественном сознании и политико-правовом измерении, влияющий на процессы формирования, трансформации и выявления рисков миграционной политики.

В исследованиях Э. Паина, Д. Драгунского, Д. Игонина [1, с. 60] особое внимание уделяется изучению влияния иммиграционных процессов на межнациональные отношения и проблему толерантности, прогнозированию вариантов миграционной политики. Анализу воздействия миграционных потоков на этноконфессиональные отношения посвящены работы Е. С. Смирновой [2, с. 34], А. Крылова [3, с. 20] и других авторов, поставивших перед собой задачу показать причины, порождающие межэтнические конфликты. Лингво-культурологический анализ понятия «мигрант» содержится в трудах О. С. Иссерс, О. А. Михайловой и других ученых, исследующих влияние языка и культуры на адаптацию мигрантов. Особенности образного представления миграции и мигрантов в общественном сознании показаны в работах Е. Г. Кабаченко, Дж. О'Брайена, И. ван дер Валка, М. Тандонне [4, с. 185] и других, раскрывающих комбинаторику психологических состояний как основы их интерпретаций. С появлением новых вызовов и угроз международной стабильности и правопорядку, обусловленных неконтролируемой миграцией, стала актуальной проблема философской интерпретации образа миграции в политическом, правовом и социокультурном измерениях.

Перспективным направлением исследования образа миграции является его соотношение с общественной безопасностью (*securitization of migration*) [5]. В настоящее время еще мало работ, в которых даются ответы на вопросы о том, как формируется образ миграции и мигранта в общественном и индивидуальном сознании, почему происходит его трансформация в периоды политической нестабильности, когда он воспринимается как явление, несущее угрозу благосостоянию личности, общества и государства. В научной литературе формированию образа миграции и мигранта в общественном сознании, политическом, правовом и социокультурном измерениях посвящено недостаточное количество

исследований, что в основном и определило выбор темы представленной статьи.

Междисциплинарный характер проблемы обусловил комплексное использование системного, аксиологического и праксиологического, философско-правового и других методов, обеспечивающих получение результатов, объективно отражающих современное состояние проблемы формирования образа миграции и мигранта в индивидуальном и общественном сознании.

В обыденном понимании представления о миграции и мигрантах расплывчаты, поскольку их образ нечасто оказывается предметом научной рефлексии и формируется средствами массовой информации, которые не всегда объективны. Человек воспринимает мир на уровне эмоций, нечетко осознавая сущность происходящих процессов, включая миграционные, не воспринимая их в совокупности и не отделяя сущность от явления, воплощая свои чувства и оценки не в понятиях, а в образе, емком, но не полностью отражающем содержание предмета или явления. Он репрезентуется посредством абстрагирования от реальных явлений, формируя промежуточный продукт между ощущениями и понятиями, с целью перехода к теоретическому анализу диалектики сущности и явления адаптационных процессов миграции в политико-правовом и социокультурном пространстве принимающего государства.

Понятие образа миграции необходимо для научного его анализа, так как в своем происхождении и содержании оно является переосмыслением процессов, которые объективны как первичное бытие социума, и в этом смысле его можно презентовать как метаморфозу первичного бытия в индивидуальном сознании субъекта. В общественном сознании образ миграции зависит от субъектно-объектных характеристик миграционных процессов, которые формируются в зависимости от позитивного или негативного ситуационного подхода к их оценке со стороны политики и права. Вопрос о том, как субъект и объект соотносятся между собой, имеет не только теоретическое, но и праксиологическое значение, поскольку в процессе анализа они меняются местами. В зависимости от того, кто выступает субъектом – отдельный человек, общество, государство или союз государств, формируется образ миграции.

Увеличившиеся миграционные потоки не только в России, но и в мире обострили проблему адаптации и натурализации переселенцев. Для быстрой ассимиляции мигрантов должны быть созданы условия, позволяющие им воспринять особенности местной жизни, культуры, менталитета. При этом натурализация предполагает использование административного ресурса для закрепления их на определенной территории, предоставления им гражданских прав и обеспечения соблюдения ими законов. Н. Ф. Земченков пишет, что местное самоуправление «как форма самоорганизации населения, как способ управления общественными делами способно включать мигрантов в местное гражданское общество, тем самым формируя толерантное отношение к ним» [9, с. 68]. Вопросам миграции и мигрантов стало уделяться больше внимания и со стороны законодательных органов, местного самоуправления и научной общественности, так как только с помощью административного ресурса возможно решение проблем адаптации мигрантов, а, следовательно, для этого необходимо привлекать к их решению представителей гражданского общества.

В последнее время адаптацией мигрантов и формированием толерантных взаимоотношений между ними и местным населением занимаются не только административные органы, но и общественность в лице благотворительных фондов и организаций, педагогов, социальных работников и психологов. Мигранты, посещающие образовательные организации, также нуждаются в психолого-педагогической поддержке и помощи в адаптации к новым образовательным и воспитательным процессам с учетом их индивидуальных способностей, этнической, культурной, религиозной принадлежности.

Для населения представление о миграции выходит за пределы сложившегося мировосприятия и стабильной жизни, вызывая различные, не всегда положительные эмоциональные реакции. Поэтому одной из задач формирования позитивного образа мигрантов, независимо от их национальности и вероисповедания, должно стать воспитание толерантности как профилактики экстремизма и радикализма там, где протекают разнонаправленные процессы адаптации мигрантов к новой культурной среде.

На процесс формирования образа миграции оказывает влияние администрирование при распределении и пользовании установленными социальными благами. В процессе адаптации мигранты должны показать свою лояльность к принимающей стране, чтобы претендовать на удовлетворение собственных интересов в рамках международного гуманитарного и национального права. Без этого условия неконтролируемая миграция становится причиной конфликтов на социальной почве и порождает напряженность в общественных отношениях. По мнению философов, политиков и социологов, такая ситуация может значительно осложнить межэтнические отношения в государстве или даже изменить его идентичность, о чем свидетельствует современный опыт неконтролируемой миграции в Европу.

Проблемы миграции должны разрешаться на государственном и межгосударственном уровнях, так как конфликты в социально-бытовых отношениях приводят к системному кризису и переносят стереотипы и образы бытового мышления на институциональный уровень. Понимание миграции, осмысленное в категориях философии права, характеризует отношения между переселенцами и местным населением, регулируемые государством, которое должно проводить адекватную правовую политику, направленную на формирование положительного имиджа мигранта в условиях его вхождения в новую социальную и правовую среду.

Создание положительного образа миграции способствует более эффективному взаимодействию граждан иностранных государств с местным населением, являющимся умеренно консервативным субъектом адаптационных процессов. В результате сдержанный изоляционизм местного населения не становится препятствием на пути ассимиляции мигрантов, сохраняющих свой менталитет и самоидентичность в принявшем их обществе. Положение переселенцев в новых социальных условиях определяется возможностями их доступа к материальным, информационным, социальным и другим ресурсам, что является причиной появления противоречий между ними и местным населением, которое не всегда готово уступить им свою социальную нишу. В конкуренции с коренными жителями мигранты настроены на

клановость в рамках принимающего общества, что замедляет процессы их ассимиляции, формирует их негативный образ.

В условиях коррумпированности местной власти и пробелов в праве создаваемые мигрантами сетевые структуры стремятся к обособлению от местных условий, демонстрируя независимость от существующего социального и правового порядка. Попытки регулирования миграционных потоков встречают сопротивление со стороны диаспор, что ухудшает образ миграции и мигрантов в целом. Другой проблемой, негативно влияющей на имидж миграции и мигрантов, является тенденция к их оседлости в мегаполисах, что создает дополнительные трудности для местного самоуправления и гражданского общества, вызывая законное недовольство населения, видящего в этом ущемление своих прав. Региональная политика государства в отношении мигрантов должна быть направлена на оптимизацию их размещения по всей территории страны, тем самым реализуя программы освоения малонаселенных районов.

Между тем создание положительного образа миграции и мигрантов есть результат социально ориентированной политики государства. Так, Конституция РФ защищает права и свободы всех лиц, законно находящихся на территории нашего государства. К их числу относятся беженцы, переселенцы, лица без гражданства и другие иностранцы, пользующиеся правами и наделенные обязанностями наравне с гражданами России. Поэтому управление миграцией должно стать согласованной и целенаправленной программой органов публичной власти по созданию правопорядка, обеспечивающего стабильные отношения между местным населением и мигрантами, что обеспечит регулирование интенсивности и направленности миграционных потоков и, как следствие, формирование положительного образа миграции и мигрантов в общественном сознании.

Миграционные процессы в России, в отличие от Западной Европы, не содержат высокого риска дестабилизации государственной безопасности и правопорядка, так как страна, располагающая большими природными богатствами, нуждается в притоке трудовых, интеллектуальных ресурсов, а также в освоении малонаселенных территорий. Э. Гидденс считает, что миграция влияет на преобразование как пространственных, так и социальных от-

ношений в государстве, и предлагает совместить идею нации с этническим и культурным плюрализмом в условиях глобализации [10, с. 436]. Социальные изменения, происходящие на макро- и микроуровнях, оказывают влияние на характер миграционных процессов и менталитет принимающего общества, в котором происходят трансформации образа миграции и мигрантов в политико-правовом и социокультурном пространстве.

Образ миграции и мигрантов может формироваться на основе следующих критериев:

- негативного отношения к аллохтонам, то есть сегрегации как исключения мигрантов из социокультурного и правового пространства местного населения;

- плюрализма как принципа невмешательства и мультикультурализма межгрупповых отношений;

- ассимиляции, то есть натурализации мигрантов в социокультурное и правовое пространство принимающей среды;

- различные модели интеракций мигрантов с принимающим населением как на индивидуальном, так и групповом уровнях, которые могут быть положительными и отрицательными, выражаться в форме ксенофобии по этническому, религиозному и другим признакам.

Следует отметить, что проблемы адаптации мигрантов в новой социокультурной и правовой среде связаны с формированием ее положительного образа в политическом, философско-правовом, общественном сознании принимающей стороны.

Адаптация мигрантов происходит в процессе разрешения противоречий между привычными потребностями и интересами иностранцев, моделью их социальной активности и социокультурной и правовой средой. Согласно теории самореферентных систем Н. Лумана [6, с. 245] идентичность образа миграции можно определить как процесс и результат самореферентной системы, представляющей сообщество мигрантов. При таком подходе структурообразующей социокультурного образа миграции становится интерактивная матрица, формирующая его в комбинаторике субъектно-объектных отношений, возникающих в социальной среде, что позволяет выстраивать философско-правовые модели адаптационных стратегий как основу для создания теории миграций – универсально-

го научного инструмента регулирования стабильности социума.

Другой аспект теоретических построений, связанных с неурегулированностью миграционных процессов, заключается в необходимости анализа асимметричных либо замкнутых гипотез о сущности миграции и мигрантов как социальных феноменов. Способ их исследования должен соответствовать критериям научного познания и стать для гипотезы инструментом изучения науки о современном феномене миграции как исторического, политического и социокультурного явления.

В обыденном сознании образ миграции и мигранта формируется под воздействием общественной психологии, включающей в себя чувства, настроения и эмоции, которые формируются средствами массовой информации, представителями религии, культуры и так далее на уровне эмоционального восприятия. Но для науки нужны понятия и категории, то есть такой инструментарий, который на основе абстрагирования становится аналитической, релевантной формой научного знания. Следовательно, абстрагирование способствует выбору подструктур из двух рядов структур – формы и ментальной характеристики перцептивного образа миграции и мигранта, что будет заменой одной части образа соответствующей частью другого образа, то есть логическим приемом образования понятий.

Можно констатировать, что в области ментальной характеристики образа миграции и мигранта функции абстрагирования заключаются в следующем:

- определении форм общности людей, которые стали по своей воле или в силу обстоятельств мигрантами, для восприятия их более широким кругом местного населения;
- обобщении ментальной характеристики социокультурного образа миграции и мигранта и его корреляции с общественным сознанием;
- признании невозможности полного воспроизведения образа миграции и мигранта без абстрагирования соответствующего среза со-

циальной реальности и ментальности;

– создании образа миграции и мигранта как инструмента оценки структурной сложности данного феномена.

Таким образом, метод абстрагирования как мысленное выделение предмета без учета его связей с другими явлениями и в отвлечении от их самих служит способом анализа образа миграции и мигранта в философско-правовой рефлексии как познавательной деятельности, создающей адекватный реальным явлениям образ, отражающий свойства объекта.

В заключение можно сделать вывод о том, что философско-правовой анализ образа миграции и мигранта в индивидуальном и общественном сознании содержит не только угрозы стабильности государственному порядку, но и новые возможности его интерпретации и использования. В научной литературе показано как положительное, так и отрицательное влияние миграционных процессов на общество и государство. В рамках концепции создания философско-правового образа миграции можно утверждать, что она не всегда может являться источником угроз национальным интересам. Постепенно, сначала на государственном уровне, а затем и в общественном сознании, мигранты признаются общностью, обладающей признанными правами и свободами.

В настоящее время более эффективным становится «мягкий» контроль миграции посредством ее легализации и формирования социокультурного образа в индивидуальном и общественном сознании. Тем самым достигается целостное видение проблемы толерантности принимающей среды, решить которую без участия организаций самих мигрантов невозможно. Вместе с тем невнимание к этнокультурному аспекту миграции может создать угрозу идентичности мигрантов в принимающем сообществе, что затруднит их взаимную адаптацию в условиях мультикультурализма.

Литература

1. Игонин Д. И. Определение стратегических приоритетов в государственной миграционной политике России // Политика и общество. 2010. № 9.
2. Смирнова Е. С. Проблемы демографи-

Bibliography

1. Igonin D. I. Defining strategic priorities in the state migration policy of Russia // Politics and society. 2010. № 9.
2. Smirnova E. S. Problems of demographic and ethno-cultural security in the conditions of high

ческой и этнокультурной безопасности в условиях высокого уровня миграции: мировой опыт // Политика и общество. 2013. № 6.

3. Кириллов А. И. Интеграция мигрантов-мусульман в российское общество // Тренды и управление. 2013. № 2.

4. Тандонне М. Иммиграционная политика во Франции и проблема нелегальной миграции. Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России. М., 2002.

5. Питухина М. А. К вопросу о секьюритизации миграции в России // Национальная безопасность / nota bene. 2014. № 2.

6. Земченков Н. Ф. Управление и самоуправление в философско-правовой рефлексии: проблемы и подходы // Философия права. 2011. № 1.

7. Гидденс Э. Навстречу глобальному веку / пер. с англ. С. П. Баньковской // Отечественные записки. 2002. № 6.

8. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. М., 2007.

9. Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: a new framework for analysis. L., 1998.

10. Flockhart T., Rees G. W. A Core Europe? The EU and the WEU // Rethinking Security in Post-Cold War Europe / by W. Park & G. W. Rees (eds.). L.; N. Y., 1998.

levels of migration: international experience // Politics and society. 2013. № 6.

3. Kirillov A. I. Integration of Muslim migrants into the Russian society // Trends and management. 2013. № 2.

4. Landonne M. Immigration policy in France and the problem of illegal migration. Immigration policy of Western countries: alternatives for Russia. Moscow, 2002.

5. Pitukhina M. A. To the question of the securitization of migration in Russia // National security / nota bene. 2014. № 2.

6. Zemchenkov N. F. Management and self-management in the philosophical-legal reflection: problems and approaches // Philosophy of law. 2011. № 1.

7. Giddens E. Towards the global century / trans. from English by S. P. Bankovskaya // Domestic notes. 2002. № 6.

8. Luhmann N. Social systems. General theory review. Moscow, 2007.

9. Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: a new framework for analysis. London, 1998.

10. Flockhart T., Rees W. G. A Core Europe? The EU and the WEU // Rethinking Security in Post-Cold War Europe / by W. Park & G. W. Rees (eds.). London; New York, 1998.

Баранов Павел Петрович
Baranov Pavel Petrovich

заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации доктор юридических наук, профессор.

Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of Russian Federation, Doctor of Law, Professor.
Тел.: 8(928) 904-92-78.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Political basis of the constitutional-legal regulation in the Russian Federation

В статье проанализированы основные направления воздействия политики на конституционное право, выявлены закономерные тенденции влияния конституционного права на политику в современной России. Автор выделяет несколько важнейших блоков общественных отношений в политической сфере, регулируемых конституционным правом, обозначает каналы воздействия политики на него.

Ключевые слова: конституционное право, конституционное правосудие, конституционно-правовое регулирование, конституционный контроль, публичная власть, политология конституционного права, политическая конкуренция.

In article analyzes the main directions of the policy impact on the constitutional right direction and found inverse effect of the constitutional right to a policy in modern Russia. The author identifies several key units of public relations in the political sphere governed by constitutional law. Marked channels of policy effects on Constitutional Law.

Keywords: constitutional law, constitutional justice, constitutional and legal regulation, constitutional review, public power, political science, political competition.

Политика в ее социально-правовом измерении подразумевает многостороннюю и разноплановую деятельность различных субъектов общественной и государственной жизни, среди которых государству в лице его органов отводится особое место. Вместе с тем круг субъектов политической жизни обладает большим разнообразием, а сама политическая деятельность выступает как исключительно многоплановый и разнородный по своему содержанию процесс принятия и воплощения в жизнь различных политических решений и инициатив, преследующих разнообразные цели, в большей или меньшей степени учитывающие интересы общества в целом, а также отдельных социальных и политических групп. Однако наибольшими возможностями для осуществления политической деятельности обладают органы публичной власти.

Политическая деятельность неразрывно связана с правом, предопределена им и находится под его защитой и охраной, одновремен-

но выступает одной из базовых составляющих его формирования и функционирования. В свою очередь право, в позитивном своем выражении представленное системой соответствующих юридических норм и предписаний, выступает как юридическое воплощение совокупной воли большинства населения, а также представителей политических элит, и основано на обобщенном понимании идей правды, справедливости и общего блага.

Проблемы соотношения политики и права всегда волновали ученых. Вопросы, затрагивающие базовые основы политико-правового взаимодействия и касающиеся того, в какой степени политика должна ограничиваться правом и на каких условиях право должно формироваться под влиянием политики, как и многие другие, всегда находились в центре внимания как политической, так и правовой науки.

На почве тесного взаимодействия двух направлений исследования возникла идея выделения самостоятельной и относительно обо-

собленной отрасли научного и практического знания. В качестве одного из вариантов ее названия часто фигурирует «политическое право» [1], однако данную отрасль можно было бы обозначить и как «право политики», и как «правовые основы политической деятельности». По мнению исследователей, основной задачей, стоящей перед новой научной отраслью, можно считать выработку формально-юридических основ политической деятельности, адресованных всем участникам политических отношений, но в большей степени органам публичной власти, так как именно они являются основными участниками политической деятельности на современном этапе развития российского общества. Однако данная отрасль правоотношений, безусловно, касается отдельных граждан и их объединений, а также иных институтов гражданского общества. При этом система политических отношений не должна ограничиваться проблематикой реализации избирательных и иных политических прав граждан, а должна выходить на принципиально иной политико-философский и правовой уровень, призванный обозначить всю важность политико-правовых аспектов функционирования государственных и общественных структур.

Проблемы выработки оптимальных механизмов сосуществования права и политики не имеют однозначных решений. Любые выводы в данной связи изначально основываются на политических пристрастиях исследователя, что накладывает отпечаток политической конъюнктуры на научные работы по соответствующей проблематике. Обобщенный анализ различных направлений в рассмотрении обозначенной проблемы позволяет выделить три основных подхода к пониманию вопроса о соотношении права и политики.

В первую очередь следует выделить этатистский подход, в соответствии с которым политика обладает приоритетом над правом. Эта идея является закономерным развитием такого подхода к государству, при котором последнее рассматривается в качестве высшей ценности. При этом право является его производным, необходимым придатком и никакой самостоятельной ценности из себя не представляет. Соответственно, и приоритет политики в отношениях с правом является неоспоримым. Такое «утилитарно-прагматическое» [2] понимание проблемы было необходимой со-

ставляющей советского государственного политического режима и долгие десятилетия являлось, пожалуй, единственным в юридической науке. Этому немало способствовало и своеобразное понимание нормотворческого процесса в СССР, суть которого сводилась к формально-юридической легитимации политического решения избранного круга лиц.

Идея неотчуждаемости естественных прав человека легла в основу второго подхода, который предполагает безусловный приоритет права над политикой. В свою очередь деятельность органов публичной власти предполагает обязательное подчинение праву, которое олицетворяет не только общую коллективную волю, но и воплощает в себе идеи правды, гуманизма и справедливости. Именно право, наряду с основными институтами гражданского общества, рассматривается как главный ограничитель государственной власти и средство ее гуманизации.

Третий подход старается примерить политику и право, рассматривая их как равноправных «партнеров» в механизме реализации общественных и государственных интересов. В соответствии с данным подходом, который представляется нам наиболее верным, между правом и политикой существует тесная взаимосвязь, определяющая основу их взаимовыгодного взаимодействия. Именно тесное взаимодействие позволяет политике, пользуясь правовым инструментарием, осуществлять управление обществом, а праву – объективно контролировать политическую деятельность.

Следует согласиться с тезисом о том, что вопросы соотношения политики и права всегда будут в центре внимания как юридической, так и политологической науки. В зависимости от того или иного этапа развития конкретного общественного и государственного механизма одни проблемы такого взаимодействия будут отходить на второй план, другие, наоборот, актуализироваться. Так, например, в последнее время все чаще обсуждается вопрос о том, что заметная часть политических решений по обстоятельствам как объективного, так и субъективного характера находится вне правового поля. Вопросы так называемого «надправового» поля принятия политических решений вполне закономерно получили свое самостоятельное рассмотрение. Отдельные исследователи в этой связи вводят в научный оборот такие категории, как «надзаконодательное усмотрение» и

«политическое усмотрение» [3]. На наш взгляд, основная проблема политического усмотрения состоит в том, что возможность принятия решений по формальным признакам, не поддающимся под регулирование специальных отраслей российского законодательства, налагает чрезвычайно огромную ответственность на субъектов принятия таких решений, представителей органов публичной власти.

Конституционное право Российской Федерации является базовой основополагающей и, без сомнения, ведущей отраслью российского права. Особенностью данной отрасли права традиционно выступает тот факт, что она регулирует процесс создания позитивного права. Органы государственной власти непосредственно участвуют в выработке основных направлений законодательной политики, разработке нормативных правовых актов, одновременно содействуя в принятии основных политических решений. При этом конституционное право одновременно санкционирует и легитимизирует государственную власть, формы ее организации и принципы функционирования. Испанский ученый Д. Валадес в этой связи отмечает, что конституция не устанавливает точку равновесия, ее нахождение является вопросом политики [4].

На наш взгляд, наиболее тесное взаимодействие между политикой и конституционным правом можно наблюдать в процессе правотворчества и правореализации.

Во-первых, формирование базовой конституционной доктрины государства, включающей как политические, так и юридические элементы, напрямую зависит от политических решений специальных органов. На определенных этапах развития общества наука конституционного права может серьезно политизироваться. В этой связи конституционное право, с одной стороны, достаточно чутко реагирует на изменение политической ситуации, с другой – вынужденно участвует в выработке антикризисных конституционных решений в законодательной сфере.

Во-вторых, политика непосредственно участвует в формировании конституционных принципов, идеалов и ценностей, которые в целом характеризуют достигнутый в обществе уровень общественной правовой и политической культуры.

В-третьих, в процессе правотворчества, являющегося следствием принятия государст-

венной властью политических решений, создаются и учреждаются конституционные нормы, включающие политические идеи и правовые идеалы российского общества.

В-четвертых, политика оказывает непосредственное влияние на формирование всей системы источников конституционного права и их структуризацию и конкретизацию исходя из конкретных социально-политических и международных жизненных реалий.

В-пятых, реализация конституционно-правовых норм, их соблюдение, исполнение, использование и применение происходит при непосредственном участии государства с использованием возможностей его политического воздействия. Одной из задач современной российской политики является сохранение и обеспечение конституционного порядка, в том числе посредством государственного принуждения.

Учитывая тесную двустороннюю связь между политикой и конституционным правом, необходимо отдельно остановиться на вопросах обратного влияния конституционного права на политику. В данной связи, на наш взгляд, следует выделить несколько направлений такого влияния.

Во-первых, конституционное право выступает базовой отраслью права, определяющей допустимую степень и границы вмешательства политики государства в частную жизнь своих граждан. Отдельно здесь стоит упомянуть конституционно-правовой институт правового статуса личности в Российской Федерации, регламентирующий в том числе имманентные пределы осуществления прав и свобод, а также их допустимые ограничения.

Во-вторых, конституционное право устанавливает официальные рамки политической деятельности и легализует ее. В конституционном законодательстве, таким образом, воплощается политическая воля лиц, стоящих во главе государства, а также политической элиты в целом.

В-третьих, конституционное право выступает как реальное и действенное средство эффективного конституционного контроля за всеми отраслями власти и всеми составляющими элементами государственного механизма.

В-четвертых, конституционное право, устанавливая основания, формы, методы и границы государственного принуждения, выступает важнейшим средством легитимации по-

литического принуждения в российском обществе, делая его официальным и публичным. Большое значение для данного процесса, наряду с другими органами правоохранительного назначения, имеет деятельность Конституционного суда Российской Федерации.

Такое тесное взаимодействие политики и конституционного права в практической области находит свое выражение в целом ряде теоретических понятий и категорий. В своей системе и относительной автономности эти понятия и категории дают возможность говорить о самостоятельном выделении политологии конституционного права как теоретическом политологическом измерении конституционного права и его закреплении в конституционно-правовой доктрине. Следует отметить, что в отечественной юридической литературе автором данной статьи и профессором В. Ю. Шпаком уже ставился вопрос о подобной характеристике российского права [1]. На наш взгляд, политика конституционного права в современном содержательном выражении выступает как практическая технологическая деятельность политико-властных субъектов в конституционно-правовой сфере российского общества, а самостоятельная конституционно-правовая политика является весьма существенным направлением деятельности политических субъектов, при котором она обуславливается верховенством конституционного права и стремлением его постоянно совершенствовать в соответствии с новейшими политическими задачами.

Конституция как основной закон государства является не только важнейшим правовым, но и политическим документом. Исследователям данной проблемы, как правило, волнует вопрос о том, насколько существующие в государстве политические практики соответствуют тексту и духу Конституции РФ. На наш взгляд, в тексте действующей российской Конституции были изначально заложены некоторые основания для последующих противоречий между политикой и правом, ведущих к коллизиям и пробелам, влияющим на состояние конституционно-правовой стабильности в российском обществе.

Говоря об изначально заложенных в конституционный текст противоречиях, в первую очередь необходимо упомянуть тот факт, что закрепление отвечающих международным стандартам в области прав человека принципов общественно-государственного устройст-

ва и приоритета прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности (гл. 1 и 2 Конституции РФ) серьезно нивелируется механизмом жесткого вертикального осуществления публичной власти и совершенно лишенным гибкости бюрократическим государственным аппаратом (гл. 4–8 Конституции РФ). Что же касается ответственности государственной власти в части обеспечения субъективных прав и свобод, а также реализации различных программ в социальной сфере, то она не получила своего достойного закрепления на уровне Основного закона нашей страны. В целом социально-экономические начала современной российской Конституции вызывают массу вопросов как у консервативно, так и либерально настроенных исследователей.

Тот факт, что в Конституции РФ 1993 года получил свое закрепление именно естественно-правовой подход к обеспечению прав и свобод личности, справедливо объясняется желанием публичных политиков начала 90-х годов прошлого века показать открытое «либеральное» лицо новой России, отказавшейся от гипертрофированного государственного начала в ущерб общественному, а также от злоупотреблений властью, которые были характерны для прошлых периодов развития российской государственности. Однако реализация идеи правового государства, а именно таким молодое государство мыслилось в соответствии с текстом новой Конституции (ч. 1 ст. 1), явно откладывается на далекое будущее. То, что четкого и единого понимания правового государства в юридической науке не существует, не может служить оправданием тому обстоятельству, что соответствующая идея в России очень слабо приживается. По причине того, что наша страна длительное время существовала в условиях примата политики над правом и игнорирования неотъемлемых прав личности, существующий конституционный механизм концентрации и жесткой централизации власти требует четкой проработки конституционных рамок государственной власти, соответствие которым в конечном счете должно контролироваться судебной системой Российской Федерации.

В целом конституционное право выступает одним из основных регуляторов властных отношений, как и всей политической деятельности, устанавливая границы и рамки прав и полномочий субъектов этих отношений. С дру-

гой стороны, политика активно воздействует на конституционно-правовые нормы, наполняя их политическим содержанием. Таким образом, конституционное право регулирует отношения между основными институтами политической системы общества, устанавливая их правовой статус и правовые формы отношений между ними. Можно сказать, что отрасль конституционного права регулирует несколько относительно самостоятельных сфер политических отношений. Первая сфера касается прав и свобод человека и гражданина как одного из наиболее важных конституционно-правовых институтов, являющихся воплощением политической воли в части определения допустимого уровня свободы в обществе и государстве. Вторая сфера затрагивает основы организации государственной власти на принципах народного суверенитета, разделения властей, правового и социального государства. Третья сфера – это федеративное национально-территориальное государственное устройство Российской Федерации, взаимоотношения федеральной власти и субъектов, а также взаимодействие субъектов между собой. Четвертая сфера затрагивает принципы внешнеполитической деятельности Российского государства, регулирования вопросов войны и мира, соотношения международных и внутригосударственных законодательных актов, сотрудничества в области защиты прав человека.

Как мы уже отмечали, взаимодействие политики и конституционного права основано на взаимном проникновении и включает всех субъектов властных отношений не только на этапах создания конституционно-правовых актов, но и в процессе их толкования и реализации. При этом политико-правовая сфера Российской Федерации характеризуется большим числом разнообразных политических документов – доктрин, посланий, концепций, заявлений, положений и так далее, которые напрямую воздействуют на содержание конституционно-правовых норм. Но и этим средства воздействия политики на конституционное право Российской Федерации не исчерпываются. Следует также обратить внимание на такие средства, как политическое сознание граждан, политическая идеология, существующая в российском обществе, политическое сознание законодателей и всего общества, функционирующие политические принципы и политический процесс, результаты деятельности

средств массовой информации, независимых блогеров и различных социальных сетей и сообществ. Такая ситуация, на наш взгляд, предполагает выделение различных относительно самостоятельных каналов политического воздействия на конституционное право – государственное ценностно-ориентационное политическое воздействие, политическое регулирование и политическое информационное воздействие.

Таким образом, влияние политики на конституционное право Российской Федерации можно рассматривать как совокупное проявление всех политических факторов, характеризующих различные элементы политической системы и в первую очередь государство. В широком плане воздействие политики на конституционное право можно представить как зависимость от политики конституционной доктрины в целом, отражающейся на всем массиве конституционного законодательства. Одновременно политика влияет и на отдельные конституционно-правовые нормы и институты. Качественные характеристики такого воздействия не могут рассматриваться в отрыве от конкретной исторической, социально-политической и экономической ситуации как на внутригосударственном, так и на международном уровне. В зависимости от ряда объективных и субъективных обстоятельств может существенно изменяться характер такого воздействия: от умеренного до интенсивного. Однако процесс воздействия политики на конституционное право никогда не прекращается, хотя и является прямым продолжением существующей политической практики, так как в его основе лежат преимущественно латентные политические интересы. Как отмечают некоторые исследователи, в последнее пятилетие наблюдается даже чрезмерное негативное воздействие политики на конституционное право Российской Федерации, при котором «право незаметно подменяется политическими или идеологическими установками, которыми можно будет оправдать любой произвол» [5].

Данные выводы, на первый взгляд, достаточно категоричны, однако нельзя не согласиться с тем, что в последние годы конституционное право действительно находится под серьезным и интенсивным влиянием современной политической элиты. Отметим только наиболее существенные моменты этой политики: поправки в законы о митингах и демон-

страциях, некоммерческих организациях, Счетной палате, а также усиление контроля за силовыми структурами и судами, крупнейшими средствами массовой информации, крупным бизнесом. Некоторые авторы даже предлагают рассматривать современное состояние основных конституционно-правовых тенденций в контексте идеи политической реакционности России последних лет [5]. В вину современному российскому государственному аппарату также ставится его неготовность обоснованно, конструктивно и рационально отвечать на вызовы, обусловленные современным «политическим протестом», как и в целом двигаться по пути институционализации современной политической внесистемной оппозиции, что в конечном счете приведет к совершенно необязательному накалу страстей в области реализации института политических свобод граждан [6]. Действительно, данные вопросы на сегодняшний день являются достаточно актуальными и часто осуждаемыми, и, несмотря на тот факт, что мнения исследователей часто расходятся, следует признать, что культура политической конкуренции в современной России так практически и не сложилась.

Учитывая, что программные положения в области политической конкуренции заложены в тексте Основного закона Российской Федерации и являются гарантом стабильного и адекватного развития ее правовой и политической системы, то в политической конкуренции серьезно нуждаются все участники политических отношений, так как именно она является одним из стимулов улучшения государственной деятельности [7]. Однако, несмотря на формально имеющуюся возможность реализовать идею политической конкуренции в нашей стране, властвующие политические элиты, к большому сожалению, еще не пришли к пониманию ее важности и необходимости.

Продолжая анализировать процесс воздействия политики на конституционное право и учитывая его непрекращающийся характер, можно выделить следующие его разновидности: чрезмерное, интенсивное, умеренное и слабое. Умеренное и слабое воздействие политики на конституционное право характеризует такие периоды развития нашего государства, когда властные структуры и политические элиты считали, что в обществе установился стабильный политический режим, тогда как представители оппозиции называли такое

положение дел застоєм и стагнацией. Последние годы, характеризующиеся объективной геополитической напряженностью, дополнительно осложняемой возможными террористическими угрозами, ожидаемо привели к интенсивному воздействию политики на конституционное право. Нелегкие времена даже потребовали некоторых особых мер, таких, например, как создание Национальной гвардии, на которую возлагаются задачи по борьбе с терроризмом, обеспечению правового режима контртеррористической операции, участию в территориальной обороне Российской Федерации, охране важных государственных объектов и специальных грузов и др. Деятельность обозначенной силовой структуры регламентируется указами Президента РФ. Серьезная работа, предполагающая принятие соответствующего федерального закона, и значительное реформирование нормативных актов в данной сфере еще впереди.

Анализируя данную проблему, нельзя обойти вниманием деятельность Конституционного суда Российской Федерации. Разрешая соответствующие дела по существу и вынося свои решения с позиции права, Конституционный суд не мог не оказаться под влиянием политики, особенно учитывая исключительно специфичный характер своей деятельности. О том, что его деятельность вынужденно находится над правом, говорят не только исследователи данной проблемы, но и сами судьи, которые поднимают, например, вопросы о «высшем праве». Как правило, решения Конституционного суда РФ, связанные с оценкой конституционности тех или иных правовых норм, имеющих уже политический характер, вырабатываются на таких критериях, как принципы справедливости, равенства, соразмерности, целесообразности и разумности. Судьи Конституционного суда РФ при определении конституционности тех или иных нормативных правовых актов не могут абстрагироваться от внутренних и внешних реалий в конкретный момент времени. Именно по этой причине многие позиции и выводы Конституционного суда РФ имеют в том числе политический характер. Однако, как отмечают некоторые исследователи данной проблемы, тот факт, что Конституционный суд Российской Федерации зачастую при вынесении решений руководствуется факторами не только правового, но и политического характера, еще не означает, что подобного рода факторы, хоть их и

нельзя полностью игнорировать, должны ложиться в основу принимаемого решения. Речь идет о том, что «внеюридические обстоятельства» должны всегда оставаться факультативными и учитываться в процессе осуществления конституционного правосудия в случае, когда они оказывают непосредственное воздействие на реализацию конституционно-правовых норм [8]. Отдельные исследователи, анализируя политические практики в целом и участие в принятии политических решений органов публичной власти, предлагают наделить органы конституционного правосудия дополнительными функциями по оценке конституционности тех или иных публичных политических решений, а также создавать и утверждать специальные нормы, регулирующие осуществление своих полномочий так называемыми «профессиональными политиками» [9].

Литература

1. Погодин А. В. Взаимодействие политики и права и проблемы правореализации в политической сфере // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 4. Т. 154.
2. Гришнова Е. Е. Политика и право: вектор взаимодействия // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3.
3. Шарнина Л. А. Основания выделения политического усмотрения в конституционном праве // Юридический мир. 2015. № 1.
5. Валадес Д. Конституционные проблемы правового государства. М., 2009.
6. Баранов П. П., Шпак В. Ю. Политическое право в многообразии своих определенностей: философский анализ // Философия права. 2007. № 1.
7. Шаблинский И. Г. Развитие российского конституционного права в 2009–2014 годах и состояние демократических институтов // Вопросы правоведения. 2016. № 11.
8. Шевердяев С. Н. О некоторых общих аспектах развития российского конституционного права в контексте актуализации темы политического протеста // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7.
9. Оспанов Т. А. К вопросу о политической конкуренции в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3.

Взаимодействие политики и конституционного права – процесс многосторонний и неоднозначный. В интересах современной власти сделать его более гармоничным и уравновешенным, одновременно развивая идеи политического плюрализма и политической конкуренции. Современная публичная политика остро нуждается в контроле со стороны конституционного права, бережном отношении к институтам прав и свод личности, а также адекватной реакции на возможные политические риски и угрозы. В условиях, когда значительная часть политических решений органов публичной власти попадает в неправовое поле, хочется надеяться, что современная политическая власть владеет способами самоограничения и сможет удержаться в созданных ею же конституционно-правовых рамках.

Bibliography

1. Pogodin A. V. Interaction of policy and the right and problem of right implementation in the political sphere // Scientific notes of the Kazan university. Series: Humanities. 2012. Iss. 4. Vol. 154.
2. Grishnova E. E. Policy and right: interaction vector // Theory and practice of social development. 2010. № 3.
3. Sharnina L. A. The bases of allocation of a political discretion in a constitutional right // Legal world. 2015. № 1.
5. Valades D. Constitutional problems of the constitutional state. Moscow, 2009.
6. Rams P. P., Shpak V. Yu. The political right in variety of the determinancy: philosophical analysis // Philosophy of law. 2007. № 1.
7. Shablinsky I. G. Development of the Russian constitutional right in 2009–2014 and a condition of democratic institutes // Questions of jurisprudence. 2016. № 11.
8. Sheverdyayev S. N. About some general aspects of development of the Russian constitutional right in the context of updating of a subject of a political protest // Constitutional and municipal law. 2013. № 7.
9. Ospanov T. A. To a question of the political competition in a constitutional right // Constitutional and municipal law. 2014. № 3.

Лубский Роман Анатольевич
Lubsky Roman Anatolievich

преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
доктор философских наук, доцент.

Lecturer, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

Тел.: 8(903) 406-54-21.

**«ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ» И ЭТАТИСТСКО-ПАТЕРНАЛИСТСКАЯ
МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ***

**«Political person» is and statist-paternalistic model of social behavior
in contemporary Russian society**

В статье исследуется социальное поведение, которое в условиях повседневности не является рациональным, так как тот или иной тип социального поведения не сочетается с осознанными целями и установками людей. Автор высказывает мысль о том, что человек, оказываясь в социальной ситуации, повторяющейся с определенной периодичностью, реагирует на нее по-разному, реализуя при этом различные модели социального поведения.

Ключевые слова: человек политический, социальное поведение, модель социального поведения, этатизм, патернализм.

In the article the social behavior considered in the conditions of daily occurrence, as a rule, isn't rational. It is connected with the fact that this or that type of social behavior isn't combined with the conscious aims and installations of people. The author also suggests that the person, appearing in the similar social situation repeating with a certain frequency reacts to her differently, realizing at the same time various models of social behavior.

Keywords: political person, social behavior, model of social behavior, etatism, paternalism.

Анализ моделей социального поведения человека в условиях повседневности [6, с. 32–40] создает предпосылки для уяснения специфики коммуникативных практик, сложившихся в современном российском обществе. В свою очередь понимание специфики коммуникативных практик, сформировавшихся в условиях нынешней российской социальности, придаст актуальность, с одной стороны, познавательному интересу к исследованию человека в рамках научного дискурса, наполненного самыми разнообразными теориями и междисциплинарными концептами, одним из которых выступает «человек политический», с другой – изучению моделей социального поведения, обусловленных его ментальной программой.

Современные социально-гуманитарные исследования характеризуются наличием различных представлений о «человеке политическом», обусловленных дисциплинарной спецификой его изучения.

В рамках культурологии «человек политический» понимается прежде всего как «человек своей культуры и своего времени», а проблема «человека политического» заключается в соотношении его социального поведения с определенными мотивами и действиями.

В политологии «человек политический» рассматривается в качестве концепта личностного измерения политики в рамках институциональных практик поддержания общественного порядка и реализации функций государственного управления. В этом случае че-

* Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе».

ловек, выступающий в качестве движущей силы, обеспечивающей развитие социума, – основной источник тех социальных изменений, которые рассматриваются в качестве индивидуальных действий – способов определения «политической сущности» человека.

В социальной философии «человек политический» понимается как участник социального процесса, действующий в системе социально-политических коммуникаций.

В социальной психологии «человек политический» – это субъект психологического «переживания» власти государства. В силу этих причин государственная власть, «переживаемая» в рамках неформальных структур политической ментальности, встраивается в систему однородных понятий: «власть», «государство», «государственная власть», «государственная политика», «подавление», «сила», «авторитет», «сильный лидер».

Некоторые исследователи считают, что концепт «человек политический» «придуман» для создания социально-психологической модели властной легитимации. Переноса проблематику изучения «человека политического» как рационального и независимого участника политических отношений в сферу повседневных социальных практик, они оправдывает его любые действия. Человек, выступающий объектом социальной манипуляции, уже не рассматривается как существо политическое по своей природе (*zoon politikon*), а проблематика определения политической «сущности» человека утрачивает актуальность [7, с. 82–90].

В политической антропологии «человек политический» рассматривается как тип личности, в ментальных структурах которой приоритетными являются такие социально-политические ценности и установки, которые предполагают экстраполяцию любых, в том числе частных, проблем в сферу государственной власти.

В политической антропологии понятие «человек политический» служит для обозначения базовой формы социального поведения и политического сознания в контексте разнообразных способов взаимодействия государства с человеком, реализуемых в сфере прав и обязанностей, а также политической самоидентификации посредством приобретения уважения через «власть». Одновременно с этим складывается авторитарный тип «человека политиче-

ского». Его отличительными признаками являются приоритет формальных ценностей, мышление стереотипами, «иммунитет» к политическому давлению, перенесение ответственности на окружающие условия и людей, ориентация на политический авторитет и нетерпимость.

В научном дискурсе существуют различные представления об этатизме в России, в рамках которых это явление рассматривается в качестве авторитарного политического института, объединяющего комплекс этатистских традиций, отличающихся максимальной концентрацией государственной власти [3, с. 156–157].

Существуют различные представления о патернализме в России, в рамках которых он трактуется как предмет научного дискурса [4, с. 79–80], принцип взаимоотношений государства и общества, где особое место занимает государство [5, с. 19–21].

В современном социально-гуманитарном знании социальное поведение исследуется, как правило, с позиции человеческого измерения или с учетом сложившихся социальных обстоятельств [8, с. 59–91; 9]. При этом любой из подходов научного исследования социального поведения учитывает специфику его интернальных или экстернальных факторов.

В современном российском социуме «человек политический» очарован величию государства и убежден в абсолютном характере государственной власти. Подобного рода социальные установки заставляют «человека политического» перекладывать решение индивидуальных проблем на государство, которое воспринимается как политический абсолют в условиях повседневности, поэтому оправдание государства и безусловное принятие государственной власти необходимо рассматривать как системную характеристику «человека политического». Преклонение перед государством, обладающим символическим капиталом политического господства, обуславливает авторитарность «человека политического», которая выражается в «агрессивном подчинении» и абсолютном смирении перед начальством, в безынициативности и желании установить «настоящую» справедливость.

Помимо этого, традиционный пиетет перед государством способствует формированию таких характеристик политической менталь-

ности «человека политического», которые проявляются в стремлении подавлять, отсутствии желания принимать чужое мнение, самомнении, выражающемся в чрезвычайно высоком уровне личных амбиций.

Все эти параметры и характеристики политической ментальности «человека политического» позволяют сделать вывод о наличии особой ментальной программы «человека политического», в неосознанных структурах которой преобладают два типа социальной установки – «не высывываться» и «быть как все».

В современном российском обществе «человек политический» – это такой тип человека и гражданина, который обладает этатистско-патерналистским характером общественного сознания. Его отличительными особенностями являются: страх неизвестности и нежелание перемен; неопределенность будущего и ностальгия о прошлом; неприятие и отторжение разнообразных форм социальной агитации и политической пропаганды; преклонение перед государством.

Основу этатистско-патерналистской модели социального поведения составляет представление о государстве как абсолютной политической силе, которая творит историю «человека политического» и общества, в котором он живет, и базируется на представлении, абсолютизирующем государство и государственную власть, обладающих сакральной природой. Это связано с тем, что именно от данной власти зависит то, как проживет свою жизнь «человек политический» в современном российском обществе.

Абсолютизация политической силы государства обусловлена тем, что в неформальных структурах ментальной программы «человека политического» государство воспринимается как этатистско-патерналистский политический институт, призванный обеспечить условия для всей его настоящей и будущей жизни. Вместе с тем страх перед будущим, усиленный недоверием, заставляет «человека политического» относиться к государству и его институтам с еще большим недоверием.

Одной из особенностей этатистско-патерналистской модели социального поведения «человека политического» выступает неверие в закон как универсальное средство установления социальной справедливости. Другой ее особенностью в современном российском обществе

является то, что ее основу составляет, во-первых, патернализм как принцип взаимоотношений государственных и социальных институтов; во-вторых, этатизм, выступающий в качестве культурного маркера цивилизационной идентичности в России [2, с. 90–103].

При этом этатистско-патерналистская модель социального поведения «человека политического» не приемлет легальные способы и процедуры разрешения социальных и межличностных конфликтов, что свидетельствует о ее этатистской природе и обусловлено спецификой цивилизационного контекста патриархальной традиции, которая создает благоприятные условия для формирования «общества-семьи», где роль отца выполняет глава государства, а дети – обычные люди. При этом нужно иметь в виду, что, как и положено в большой семье, в таком обществе есть младшие и старшие дети, братья, сестры и даже внуки. Старшие должны заботиться о младших.

В основе данной модели лежит представление о государстве, которое рассматривается в качестве основного источника патерналистской заботы и социальной опеки. Потребность в социальной опеке представляет собой социальный запрос к государству о социальной поддержке в связи с необходимостью обеспечения общественного порядка, поэтому проведение патерналистской политики – это неотъемлемая характеристика социальной государственности в современном российском обществе. Важно подчеркнуть, что наличие патерналистских практик в государственно-центристском обществе свидетельствует о преобладании элементов социальной государственности над государственностью правового типа. В этой связи российский инвариант патернализма представляет собой определенный социальный «тренд», предполагающий конклюдентное «согласие» населения на социальную пассивность, социальную опеку, социальные льготы и гарантии со стороны государства.

Также этатистско-патерналистская модель социального поведения «человека политического» базируется на определенном его типе, выступающем в качестве социальной реакции «человека политического» на социально значимый объект или социально значимую ситуацию. Эта реакция представляет собой разновидность социального действия, направленно-

го на обеспечение первоочередных условий индивидуального бытия и адаптацию к социальной среде, особенно в условиях социальных трансформаций [1, с. 11–19], осуществляемого «человеком политическим» самостоятельно или совместно с другими представителями общества. Совместное обеспечение первоочередных условий индивидуального бытия представляет собой особую форму социальной адаптации населения, а также разновидность социального поведения «человека политического», предусматривающего истолкование особенностей социального поведения иных лиц, соотнесение своего поведения в обществе с поведением других лиц, «вовлечение» своего социального поведения в «общую» модель социального поведения, реализуемую в самых разнообразных сферах социальной действительности, включая экономику, политику, право, культуру и идеологию.

В связи с тем, что «человек политический» представляет собой условный тип личности, существующий в современном российском обществе, то и этатистско-патерналистская модель его социального поведения также носит условный характер, детерминированный ее нормативной природой. В свою очередь нормативная природа этатистско-патерналистской модели социального поведения «человека политического» обусловлена его ментальной программой, обладающей рядом особенностей, которые связаны с тем, что она, во-первых, является ментальной программой архетипического типа, которая практически не подлежит модификации; во-вторых, реализуется «человеком политическим» в обществе государствоцентристского типа. В условиях такой социальности «человек политический» как бы «растворяется» среди бесчисленных государственных институтов, которые устанавливают правила, заставляющие его выполнять определенные социальные функции и роли.

Этатистско-патерналистская модель социального поведения «человека политического» обладает рядом отличительных черт, обуславливающих специфику его ментальной программы. Среди этих отличительных черт необходимо выделить стремление объяснять наличие индивидуальных проблем несовершенством государственной власти и политическим управлением. По этой причине в ментальной

программе этатистско-патерналистской модели социального поведения «человека политического» широкое распространение получили интенции видеть страну могучей державой, силу которой возможно экстраполировать на себя. Иными словами, «человек политический» хочет жить в таком государстве, которое бы брало на себя функции социальной опеки взамен на его лояльность.

Еще одной отличительной чертой этатистско-патерналистской модели социального поведения «человека политического», обусловленной спецификой его ментальной программы, является неосознанная предрасположенность к тотальному порядку, который в неформальных структурах ментальной программы «человека политического» воспринимается как совокупность социально значимых правил, требующих безусловного соблюдения.

Неосознанная предрасположенность к тотальному порядку, воспроизводящаяся в неформальных структурах ментальной программы этатистско-патерналистской модели социального поведения «человека политического», способствует этатизации его сознания и ментальности в целом, что, с одной стороны, приводит к созданию благоприятных условий для неприятия любой формы независимости и самостоятельности, а с другой – формированию этатистско-патерналистских образов государства как абсолютной силы, обеспечивающей порядок в государственно-центристском обществе.

Подобного рода образы сформировались в рамках системы патримониальных социальных практик, составляющих основу этатистско-патерналистской модели социального поведения «человека политического», в рамках которых взаимодействие человека и государства в России рассматривается как взаимодействие детей и родителей, где роль мудрого отца большого семейства играет государство. При этом «мудрость отца» находится в прямой зависимости от того, насколько его правление справедливо. Данные архетипические установки, характеризующие специфику ментальной программы этатистско-патерналистской модели социального поведения «человека политического», способствуют формированию атмосферы национального единства, которая легитимизируется чувством семейного родства всех русских (россиян) как представителей большой семьи. Ощущение принадлежности к «большой

русской семье» в ментальной программе этатистско-патерналистской модели социального поведения «человека политического» актуализирует значимость нравственных предписаний и порождает неосознанную установку, отторгающую правовые способы разрешения социальных и межличностных конфликтов. Все это способствует утверждению нигилистического мировоззрения и соответствующих форм нигилистической ментальности.

Таким образом, анализ этатистско-патерналистской модели социального поведения «человека политического» позволяет сделать ряд основных выводов.

Во-первых, этатистско-патерналистская модель социального поведения «человека по-

литического» обусловлена спецификой его ментальной программы, которая зависит от его политико-правового сознания.

Во-вторых, данная модель социального поведения «человека политического» способствует формированию этатистско-патерналистского типа общественного сознания.

В-третьих, в неформальных структурах ментальной программы «человека политического» государство воспринимается как этатистско-патерналистский политический институт, призванный обеспечить условия для его жизни, поэтому основу этой модели составляет представление о государстве как абсолютной политической силе.

Литература

1. Лубский А. В., Лубский Р. А. Адаптация народов Юга России к социальным трансформациям: проблемы методологии исследования // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4 (56).
2. Лубский А. В., Лубский Р. А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3.
3. Лубский Р. А. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6 (16).
4. Лубский Р. А. Патернализм как предмет научного дискурса // Философия права. 2012. № 5 (54).
5. Лубский Р. А. Государственность и патернализм в России // Философия права. 2012. № 6 (55).
6. Лубский Р. А. Государственность и модели социального поведения в современной России // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1 (77).
7. Мартыанов В. С. «Человек политический»: модели оправдания власти // Человек. 2009. № 4.
8. Хекхаузен Х. Личностные и ситуационные подходы к объяснению поведения // Психология социальных ситуаций. СПб., 2001.
9. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М., 1999.

Bibliography

1. Lubsky A. V., Lubsky R. A. Adaptation of the people of the South of Russia to social transformations: research methodology problems // Scientific thought of the Caucasus. 2008. № 4 (56).
2. Lubsky A. V., Lubsky R. A. Etatism and paternalism as cultural markers of civilization identity in Russia // The Humanist of the South of Russia. 2013. № 3.
3. Lubsky R. A. Etatism as the principle of interaction of the person and the state in Russia // Historical and social and educational thought. 2012. № 6 (16).
4. Lubsky R. A. Paternalism as subject of a scientific discourse // Philosophy of law. 2012. № 5 (54).
5. Lubsky R. A. Statehood and paternalism in Russia // Philosophy of law. 2012. № 6 (55).
6. Lubsky R. A. Statehood and models of social behavior in modern Russia // Scientific thought of the Caucasus. 2014. № 1 (77).
7. Martyanov V. S. «The political person»: models of a justification of the power // Person. 2009. № 4.
8. Hekhauzen H. Personal and situational approaches to a behavior explanation // Psychology of social situations. St. Petersburg, 2001.
9. Ross L., Nisbett R. Person and situation. Prospects of social psychology. Moscow, 1999.

Макеев Василий Васильевич
Makeev Vasily Vasilievich

профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, PhD in Law, Professor.
Тел.: 8(928) 139-69-12.

Брик Анна Дмитриевна
Brick Anna Dmitrievna

доцент кафедры теории экономики, менеджмента и права Донского государственного аграрного университета кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Theory of Economics, Management and Law, Don State Agrarian University, PhD in Law, Associate Professor.
Тел.: 8(908) 194-62-35.

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ДЕЮРИДИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ
И ПОЛИТИЗАЦИИ ПРАВА**

**Theoretical and methodological foundations of the study of legal policy
and problems of a deyruridization of policy and politicization of law**

В статье раскрывается этимологическое и морфологическое понимание категории «правовая политика», в общетеоретическом аспекте исследуются теоретико-методологические основы современной правовой политики, связанной с такими общественно-политическими процессами, как деюрридикация российской политики и политизация права. Авторы выявляют системные издержки правовой политики, выражающиеся в нарушении мерного соотношения политики и права, объективно приводящем к дисгармонии во взаимоотношениях политики и права.

Ключевые слова: право, политика, правовая политика, деюрридикация политики, политизация права, функции политики, приоритеты политики, приоритеты права.

In offered article authors open etymological and morphological understanding of a category «the legal policy», in general-theoretical aspect investigate teoretiko-methodological bases of the modern legal policy connected with such political processes as the antilegal politicians of the Russian policy and politicisation of the right. As a result of the conducted research the system costs of the right policy expressed in infringement of a measured parity politicians and the rights, objectively leading to disharmony in mutual relations of a policy and the right are revealed.

Keywords: law, policy, legal policy, antilegal politicians, politicisation of the right, policy function, policy priorities, right priorities.

Существует как минимум три понимания политики. Первоначальный смысл политики заключался в слове «политес» (вежливость) [8, с. 478], под которым понималось умение быть обходительным с другими людьми, этичным и понимаемым ими.

Второе понимание политики складывается в процессе формирования изоциренных методов, способов и средств захвата и удержания власти [8, с. 478]. При этом мораль тоже остается одним из средств, используемых политиком в этих целях. Однако ей откровенно,

например, в рекомендациях «государю», разработанных политологом эпохи Возрождения Н. Макиавелли, отводится второстепенная роль [6, с. 8, 28, 46, 53]. Приоритеты отдаются силе, жестокости и коварству. Иными словами, политика показывает себя независимой от нравственности и общественных интересов. С появлением классовых обществ она становится самоцелью и средством утверждения определенного индивида или группы людей.

Третье понимание политики воспроизводит в себе два первых толкования и представ-

ляет собой искусство управления государством и важную сторону ведения политических процессов. И если для древнего грека политическая организация общества представлена государством как уникальным явлением, реализующим Красоту, Гармонию, Разум и Справедливость, то, например, Платон был обеспокоен проблемой привлечения к управлению государством честных и умных членов Афинского полиса. Он призывал заставлять таковых заниматься этим важным делом, поскольку они «не хотят прозываться ни наемниками, открыто получая вознаграждение за управление, ни ворами, тайно пользуясь его выгодами» [9, с. 318].

Наши современники обеспокоены этой же проблемой. Отличие заключается только в том, что свободный гражданин Древней Греции был действительно ответственен за результаты своего политического действия, поскольку мог поплатиться жизнью за свое непродуманное решение. Современный же политик открыто и откровенно в первую очередь решает личные и партийно-групповые проблемы под видом важных для общества государственных вопросов.

Расширительное и узкое толкование политики одинаково пагубно для нее как важной сферы деятельности. Их опосредованием должны быть политическая цель, которая решается политическими средствами, и результат, так или иначе воспроизводящий поставленную цель.

Исходя из этого, политику можно определить как специфическую деятельность по осуществлению идеологических проектов специально подготовленными людьми, которые посредством властно-распорядительного использования государственной системы организаций и учреждений (или в противовес им) реализуют национальные или групповые (стратовые) цели и интересы.

В широком культурологическом смысле политика есть комплексный духовно-материальный способ взаимодействия групп и обществ. В узком политологическом смысле – это механизм и способ поддержания общественного равновесия специальными средствами – от дипломатических до военных.

В системе теории и практики права политика являются стратегией деятельности. В этом аспекте следует согласиться с профессором

С. А. Комаровым в том, что «политика – это принципиальное направление деятельности государства относительно существующих слоев общества, участие в делах государства, направление государства, определение задач, форм, содержания его деятельности...» [3, с. 80].

В любом случае подлинная политика выступает координатором общего, группового и индивидуального интересов. В настоящее время важнейшей формой политики выступает правовая политика.

Общим современным определением правовой политики может служить ее понимание как логически обоснованной деятельности процесса формирования и реализации юридических средств, обеспечивающих конституционные права и свободы граждан, поддержание дисциплины и правопорядка. Аналогичной точки зрения придерживается известный исследователь в области теории права А. В. Малько, рассматривающий ее как научно обоснованную, целенаправленную деятельность государственно-властных структур по формированию высокоэффективного механизма правового регулирования, рациональной реализации имеющегося арсенала правовых средств по созданию надежной охраны и защиты неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина, упрочению режима законности и правопорядка, формированию гражданского общества и правового государства [7].

Такое определение практически стало общепризнанным в современной литературе. Его универсальность особенно важна и востребована в настоящее время, когда Россия находится в непреодолимо кризисном политическом, экономическом и правовом состоянии. Отсюда такое повышенное внимание к качественным аспектам отечественной правовой политики.

Разнообразие правовых политик чаще всего определяется сферой осуществления либо содержанием, целями, функциями и иными потребностями общества в целом или его отдельных социальных групп.

Центральной проблемой правовой политики является установление нормативно соразмерного соотношения интересов всех общественных групп с формированием соответствующих средств их практической реализации. Важнейшими среди них являются государст-

венно-политические институты, политические отношения и теоретические политические концепции.

Данные средства реализации политики выступают определяющей предпосылкой ее содержательной эффективности, ведь категория «правовая политика», как утверждает А. В. Малько, начинает формироваться, когда возникает в этом жизненная необходимость [7, с. 3]. Тем самым можно утверждать, что конечной целью всякой, в том числе правовой, политики является гармонизация общих, групповых и индивидуальных интересов.

Данная деятельность многоаспектна, однако главными ее составляющими элементами выступают политика и право. Они тесно и неразрывно связаны и вместе с тем располагают относительной самостоятельностью, поэтому политика, опираясь на право, реализует внутренние и внешние широкомасштабные, стратегические задачи и функции. Право выступает системой норм, составляющих регламент общественных отношений. Функционально политика является стратегией общественно-государственной деятельности, а право – ее стражем и исполнителем. Отсюда изначальная проблема функционального взаимоотношения политики и права состоит в деюридизации политики и политизации права. То и другое выступают, на наш взгляд, функциональной крайностью процесса разрешения внутренне-го противоречия политики и права.

Деполитизация – отказ от политических предпочтений в процессе осуществления политически нейтральных функций, в том числе в процессе поддержания конституционного правопорядка. В России деполитизация правоохранительной деятельности – один из самых болезненных вопросов, связанный с официально узаконенными положениями для представителей властных структур (льготами, иммунитетами, специальными разрешениями) и противозаконными традициями (применение административного ресурса, «телефонно-го права», должностной «харизмы»).

Юридизация – использование возможностей государства и права для установления конституционного правопорядка. В нашей стране юридизация традиционно носит выборочный характер, поэтому отдельные общественные сферы деятельности, должностные

лица и выдающиеся деятели в соответствии со своим официальным статусом и неофициальными, но традиционно сложившимися возможностями могут частично или всецело уклоняться от закона, демонстрируя специфическое явление деюридизации.

Так, деюридизация – общественное состояние, характеризующееся полным или частичным, выборочным или всесторонним, постоянным или временным отсутствием правового контроля. Деюридизированные зоны являются зонами правового нигилизма, потенциальной и актуальной преступности, в первую очередь коррупционной.

Традиционным приоритетом в соотношении политики и права в истории и праве России всегда выступала политика, сакральность которой автоматически выдвигала на первый план личность общественно-политического деятеля. Поэтому культ политической должности определял и определяет культ личности, подчиняя себе в глазах социума различные общественные явления и виды деятельности.

Основной причиной деюридизации российской политики и политизации права явился неоспоримый функциональный приоритет российской политической идеологии, несопоставимо высокий потенциал политических усилий, воли, выдержки для поддержания национальной целостности полиэтнического государства.

Целенаправленная деятельность по юридизации политики, предупреждению и пресечению должностных правонарушений, часто открытого и откровенного неуважения закона со стороны должностных лиц проблематична и малоперспективна, потому что она, во-первых, нарушает укорененную в массовом сознании уверенность в мере вседозволенности соответствующей занимаемой должности каждого государственно-правового функционера.

Во-вторых, нарушить данную уверенность и лежащую в ее основе реальную традицию российской сакральной власти – значит сделать попытку преодолеть ее системное качество, то есть разрушить власть.

В-третьих, юридизация политики вызовет непреодолимое сопротивление правящей элиты, не желающей терять свои традиционные привилегии, поколениями, правдой и неправдой завоеванные.

Россия является страной полной и всесто-

ронней зависимости права от политики, поэтому политическая деятельность, ее процесс и результат определяются Конституцией РФ, кодексами и подзаконными актами в строго оговоренных стандартных ситуациях. В других случаях политик действует по своему усмотрению, которое всегда обосновано национальным интересом, защитой здоровья и жизни своих сограждан, общественной безопасностью как таковой, которые, как правило, оказываются всего лишь ловким прикрытием произвола. В результате обостряется проблема качества государственной службы и «элит» [10], поступает информация о нарушении прав и свобод человека и гражданина [1], подчеркивается необходимость становления гражданского общества [5], требуется теоретическое обсуждение практически осуществляющейся справедливости [4] и так далее.

При этом на первый план выходит технологически-процессуальная функция политики, которая призвана контролировать пунктуальность и четкость исполнения государственно-го управления.

В современных исследованиях [2] убедительно обосновывается значимость политического содержания как необходимой стороны человеческого бытия, объединяющего и консолидирующего различные социальные страты и сообщества. Вместе с тем закономерно положение о том, что политика может иметь и противоположный вектор направленности.

Важнейшими содержательно-функциональными предпосылками непреодолимого приоритета политики над правом выступают, во-первых, особая важность национальных интересов целостности, благодаря реализации которых может существовать, а затем и рассчитывать на индивидуальную защиту своих прав и свобод отдельный индивид. Поскольку политика по определению есть способ утвер-

ждения общенациональных интересов, то функционально она превалирует над правом, оставляя за ним обязанность по нормированию внутринациональных интересов.

Во-вторых, политика, внешняя и внутренняя, выступает в качестве масштабной, стратегической деятельности по поддержанию равновесия между нациями как залога территориальной целостности, внешнего и внутреннего порядка. При этом право всегда остается преимущественно тактическим средством регулирования как внутренних, так и внешних отношений.

И, в-третьих, стратегичность, масштабность и функциональная ответственность политической деятельности во все периоды истории требовали признания за политикой особого места в системе общественного разделения труда и согласия на ее приоритетность наряду с другими формами деятельности, в том числе правом.

Существуют еще и исторические предпосылки приоритетности российской национальной политики над отечественным правом. Они возникают вследствие необходимо и случайно сложившихся условий, традиций, отражающих своеобразие менталитета (общественной психологии) и общественно-теоретических построений (идеологии). Однако их появлению должен предшествовать анализ российского исторического опыта деюридизации политики и политизации права. Именно он может показать, что системные издержки вращения правовой политики являются непосредственным нарушением мерного соотношения политики и права. Между тем такая дисгармония политики и права в конечном счете является технологической основой неправовой жизни российского общества.

Литература

1. Бородин В. В., Крусс В. И. Некоторые философско-правовые проблемы злоупотребления правами и свободами человека // Правоведение. 2002. № 6.
2. Лукашева Е. А. Права человека и правовое социальное государство в России: монография. М., 2014.
3. Лукашева Е. А. Права человека: учебник. М., 2015.

Bibliography

1. Borodin V. V., Kruss V. I. Some philosophical and legal problems of abusing the rights and freedom of the person // Jurisprudence. 2002. № 6.
2. Lukashova E. A. Human right and the legal social state in Russia: monography. Moscow, 2014.
3. Lukashova E. A. Human right: textbook. Moscow, 2015.

-
-
4. Дугин А. Г. Философия политики. М., 2004.
 5. Философия политики / под ред. В. В. Ильина и др. М., 1994.
 6. Комаров С. А. Общая теория государства и права. СПб., 2012.
 7. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013.
 8. Любшиц В. Я. Эволюция государства как политико-правового института: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.
 9. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х т. М., 1992.
 10. Макиавелли Н. Государь. М., 1990.
 11. Малько А. В. Теория правовой политики. М., 2012.
 12. Малько А. В., Соломатин А. Ю. Основы правовой политики. М., 2015
 13. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.
 14. Платон. Сочинение: в 3-х т. М., 1972. Т. 3.
 15. Старостин А. М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов н/Д, 2003.
4. Dugin A. G. Philosophy of policy. Moscow, 2004.
 5. Policy Philosophy / under the ed. of V. V. Ilyin. Moscow, 1994.
 6. Komarov S. A. General's mosquitoes the state and right theory. St. Petersburg, 2012.
 7. Zorkin V. D. Law in the conditions of global changes. Moscow, 2013.
 8. Lubashic V. Ya. Evolution of the state as political and legal institute: abstract of dis. ... doctor of law. Rostov-on-Don, 2005.
 9. Popper K. An open society and its enemies. Moscow, 1992. Vol. 2.
 10. Makiavelli N. Gosudar. Moscow, 1990.
 11. Malko A. V. Theory of the legal policy. Moscow, 2012.
 12. Malko A. V., Solomatin A. Yu. Bas of a legal policy. Moscow, 2015.
 13. Oshegov S. I. Dictionar of Russian. Moscow, 1986.
 14. Platon. The composition: in 3 vols. Moscow, 1972. Vol. 3.
 15. Starostin A. M. Efficiency of activity of is administrative-political elite: criteria of an estimation and the condition analysis in modern Russia. Rostov-on-Don, 2003.

Мамычев Алексей Юрьевич
Mamychev Alexey Yurievich

заведующий кафедрой теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса доктор политических наук, кандидат юридических наук.

Head of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service, Doctor of Politics, PhD in Law.

E-mail: mamychev@yandex.ru

Цзоу Лихуэй
Tszou Li Hui

руководитель Центра китайско-российского культурного обмена Хэйлунцзянского государственного технологического университета (г. Цзиси).

Head of the Center for Sino-Russian Cultural exchange Heilunzanski State Technological University (Jixi).

E-mail: Zouli2864@mail.ru

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ***

**Russian-chinese relations in the third millennium: geopolitical
and socio-cultural bases of the development**

В статье анализируются перспективы разрешения конфликтов и угроз в международном политическом процессе, рассматриваются потенциал российско-китайского сотрудничества в XXI веке, а также направления геополитического и социально-культурного стратегического взаимодействия данных государств. Обосновывается, что классические и инновационные формы и направления российско-китайского взаимодействия обеспечат решение как современных внутригосударственных, региональных и глобальных проблем, так и будущих вызовов и угроз.

Ключевые слова: государство, международное право, национальная правовая система, политический процесс, российско-китайские отношения, стратегическое партнерство.

The article analyzes the prospects for the resolution of conflicts and threats in the international political process, reviewed and discussed the potential of Russian-Chinese cooperation in the XXI century as well as the direction of the geopolitical and socio-cultural strategic cooperation between Russia and in China. It is proved that the classic and innovative forms and directions of Russian-Chinese cooperation will provide a solution as the existing domestic, regional and global issues and future.

Keywords: state, international law, national legal system, the political process, the Russian-Chinese relations, strategic partnership.

Перспективность разрешения рисков и угроз в международном политико-правовом процессе: постановка проблемы. Современная эпоха глобальной трансформации международного права и геополитического порядка принципиально изменяет характер и направленность межгосударственного политического процесса. Очевидно, что перед государствами как основными и традиционными участниками международных отношений возника-

ют новые вызовы, которые необходимо учитывать в рамках процесса принятия и реализации внешнеполитических решений. Кроме того, в современном глобальном политико-правовом транзите появились и новые субъекты межгосударственного взаимодействия – некоммерческие международные негосударственные организации, структуры и пр.

В этой связи возникает проблема комплексной оценки тех процессов, которые влияют как

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6 «Архетипические (социокультурные) основания российской публично-властной организации и ее эволюции в XXI веке».

на формирование актуальной политической повестки дня и учета реально существующих рисков и дестабилизирующих трендов, так и прогнозирование разного рода угроз в будущей трансформации межгосударственного взаимодействия. Сложность последнего заключается в необходимости учета достаточно большого массива тех действующих и латентных (скрытых) факторов и переменных, которые оказывают или могут оказать влияние на международно-политическую обстановку.

Более того, следует отметить, что в настоящее время складываются новые, неклассические формы и направления межгосударственного взаимодействия, ранее не учитываемые (не фиксируемые) международным правом и сложившимися политическими формами глобальной коммуникации. Это характерно как на двухстороннем уровне, так и в рамках развития различного рода межгосударственных структур.

Особую актуальность в этом контексте представляют формы и направления российско-китайского взаимодействия, направленные на решение современных внутригосударственных, региональных (особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе), глобальных проблем и будущих вызовов и угроз, которые с большой долей вероятности могут проявиться в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

При этом мы полностью согласны с позицией О. Хеффе в том, что не стоит злоупотреблять в анализе межгосударственного развития понятием «риск», поскольку тезис о интенсификации рисков – слишком преувеличенное явление и абстрактное утверждение. Так, сегодня в правовой политике отдельного государства или в межгосударственном взаимодействии все чаще возникающие проблемы и конфликты списывают на глобальный процесс, порождающий многообразие рисков, а сам XXI век маркируют как эпоху глобальной рискогенности. Причем в специализированной литературе даже призывают к формированию новой комплексной теории и политики рисков как перспективной научно-практической отрасли знания и практики [1].

Однако, как справедливо отмечает О. Хеффе, ни в политической науке, ни в практике нет количественного и качественного критериев риска, «следовательно, сравнение между “сегодня” и “раньше” носят спекулятивный ха-

рактер, а поскольку благодаря развитию естественно-научного и управленческого знания возможному росту риска в одном месте противостоит смягчение риска в другом, подвести какой-либо итог тяжело. Таким образом, тезис о возрастании рисков покоится на зыбкой почве» [2, с. 30].

В этом плане, продолжает исследователь, более взвешенной и реалистичной является позиция, согласно которой изучение рисков и угроз должно базироваться на анализе правового и государственного устройства той или иной страны, который нам позволит выявить различия между сравнительно безопасными и опасными странами мира. В свою очередь перспективность в этом контексте означает «способность общества последовательно решать как уже имеющиеся, так и новые проблемы, принимая во внимание фактор свободы действия» [2, с. 31] внутригосударственных и международных субъектов политического процесса.

Перспективы стратегического российско-китайского сотрудничества. Российско-китайские отношения традиционно являются весьма значимыми и для развития данных стран, и для всего глобального политического процесса. За последние годы в российской и зарубежной политической науке появилось немало работ, так или иначе освещающих проблемы внешней политики данных государств. Россия и Китай прошли путь от декларации взаимовыгодных и дружеских отношений до отношений «стратегического партнерства, направленного в XXI век». К настоящему времени подписано более 180 межправительственных и межведомственных соглашений практически во всех областях двустороннего сотрудничества.

Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что Китай играет важную роль и в мировой политике, и в развитии Российского государства. Поэтому, подчеркнул глава России, российско-китайские отношения значимы для гармоничного развития современного мира и формирования многополярного мирового порядка [3].

Очевидно, что у Китая и России, исходя из своих национальных интересов, имеются свои специфические подходы к миропорядку и к стратегическим приоритетам развития, обусловленные различием между КНР и РФ по геоэкономическим и геополитическим харак-

теристикам, мотивациям и факторам роста, уровню индустриального развития и включенности в мировой товарообмен, финансовую архитектуру.

В то же время по многим ключевым вопросам развития Азиатско-Тихоокеанского региона, энергосистемы, транспортной коммуникации, наукоемких технологий и др. стратегические приоритеты России и Китая совпадают. Более того, можно прогнозировать, что сотрудничество между этими странами будет существенно развиваться и во многих других сферах. Так, согласно заявлениям российского МИД, «мир переживает беспрецедентный по историческим меркам переходный период, который сопровождается реструктурированием геополитического ландшафта, формированием новой расстановки сил» [4]. Обеспечить стабильность в резко изменяющемся мире позволит именно стратегическое сотрудничество России и Китая.

В настоящее время наблюдается формирование новой системы международных отношений, которой следует лишь придать необходимую формальную и структурную форму в рамках международного права. Стратегические формы взаимодействия, очевидно, принесут положительные результаты для обеих сторон. Кроме того, Россия и Китай совместно могут существенно влиять на принятие решений ведущих игроков международной политики, например, на действия США по созданию глобальной системы противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это достаточно важное направление сотрудничества, поскольку США и военно-политический блок НАТО наращивают свою активность и присутствие в АТР, что приводит к дестабилизации последнего.

Следует отметить, что в АТР существует высокий конфликтогенный потенциал, связанный с территориальными претензиями ряда государств. Позиция России и Китая в этом вопросе практически идентична: все возникающие споры должны решаться исключительно дипломатическим путем. Поэтому взаимная координация действий, учет интересов других игроков, представленных в регионе, будут способствовать созданию конструктивной позиции для регулирования ситуации в АТР.

Китай неизменно реализует принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Так, заместитель председателя КНР Си Цзинь-

пин заявил, что первоочередной задачей внешнеполитической деятельности Коммунистической партии Китая является создание мирного и благоприятного международного климата для развития страны в течение первых 20 лет XXI века: «...во внешних делах первоочередная и самая главная задача заключается в обеспечении и успешном использовании важных стратегических шансов для Китая» [5].

По другим действующим международно-правовым проблемам Россия и Китай занимают также одинаковые позиции. Например, Москва и Пекин проявили солидарность в недопущении «военно-политической агрессии» против Сирии, урегулировании иранского вопроса. Россия и КНР занимают лидирующие позиции в таких международных структурах, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), БРИК (Бразилия, Россия, Китай) и так далее. Много точек соприкосновения у двух стран и в области взаимоотношений с государствами Средней Азии и их соседями. Так, например, в период 2007–2014 годов Россия и Китай повысили активность в рамках проекта развития трехстороннего сотрудничества «Россия – Индия – Китай» (РИК) и так далее.

Российско-китайское сотрудничество в социально-культурной сфере. Очевидно и то, что тесное и взаимовыгодное сотрудничество России и Китая невозможно без социокультурного взаимодействия. Последнее, с нашей точки зрения, обеспечивает фундамент для понимающей и адекватной позиции обеих стран, поскольку формирующийся геополитический дискурс межгосударственного взаимодействия во многом обуславливается социальными и культурными формами сотрудничества.

В этом направлении российско-китайских отношений также можно констатировать значительные успехи в XXI веке. Так, 24 октября 2008 года в Министерстве культуры Российской Федерации состоялось 8-е заседание Подкомиссии по сотрудничеству в области культуры Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству и был подписан итоговый протокол заседания. В рамках визита в Пекин в декабре 2008 года министром культуры Российской Федерации была подписана Программа долгосрочного сотрудничества между министерствами культуры двух стран. Данный документ учитывает положительный опыт проведения культурных мероприятий в рамках национальных годов России

и Китая, в частности, предусматривает проведение крупномасштабных культурных акций на регулярной основе поочередно в каждой из стран (дни и недели культуры, кинонедели, взаимное участие в международных фестивалях искусств, кинофестивалях).

В рамках празднования 60-й годовщины со дня установления дипломатических отношений между двумя странами в 2009 году китайские коллективы провели в России Фестиваль китайской культуры. Китайские партнеры организовали в Москве выставку китайских фонарей «Цветные фонари Востока». В 2010 году российские художественные коллективы приняли участие в культурных мероприятиях в рамках «ЭКСПО-2010» в г. Шанхае.

Все эти события свидетельствуют о положительной динамике роста российско-китайских гуманитарных связей и формируют перспективы их дальнейшего развития. Вместе с тем следует признать, что в настоящее время объем гуманитарного сотрудничества двух стран все еще отстает от общего уровня их геополитического стратегического партнерства и взаимодействия. Одной из главных проблем в налаживании социально-культурного обмена является, по нашему мнению, слабые информационно-коммуникативные формы сотрудничества. В настоящее время не созданы комплексные программы информационно-коммуникативного взаимодействия, совместные проекты сотрудничества средств массовой информации, освещающие процессы и события в двух странах.

Недостаток такого освещения и разных культурных точек зрения на происходящее в мире и в той или иной стране ощущается при контактах с представителями молодого поколения. О современной культуре молодежи двух стран мало что известно. Сегодня также можно констатировать, что на общем фоне укрепления связей по линии учебных ведомств и научно-педагогического сотрудничества в течение ряда лет наблюдалось снижение интереса китайских граждан к российскому образованию и науке. Китайская молодежь стала меньше проявлять интерес к изучению русского языка, и параллельно с этим значительно возросло число изучающих английский язык. Для сравнения можно привести такие цифры: ежегодно численность китайских студентов, обучающихся в американских вузах, составляла в течение последних лет свыше 100 тысяч, не

меньшее число китайцев обучается в вузах Японии, Англии и других западных странах. В свою очередь в российских вузах число китайских студентов (по официальному обмену) составляет чуть более 10 тыс. человек.

Если в 1950-е годы в вузах Китая было свыше 100 факультетов русского языка, то сейчас их немногим более 10, хотя в последнее время наблюдается тенденция к их росту (в ноябре 2005 года было подписано межправительственное Соглашение об изучении русского языка в Китае и китайского языка в России). В современном Китае функционируют более десяти институтов им. Конфуция, в том числе на базе Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Санкт-Петербург) и Дальневосточного государственного университета (Владивосток). И еще один факт: начиная с 90-х годов XX века на различных уровнях велись российско-китайские переговоры об открытии Российского культурного центра в Пекине и о создании Центра китайской культуры в Москве. Пока этот проект в основном реализуется только китайской стороной (в Пекине такой центр существует).

Важную роль в развитии российско-китайских культурных связей играет деятельность двусторонних подкомиссий по сотрудничеству в области культуры и кинематографии (они входят в состав межправительственной Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству). Есть все основания считать, что их тесное взаимодействие приведет к еще большей координации, углублению и расширению двусторонних контактов в гуманитарной сфере, к решению существующих проблем социально-культурного обмена. Это будет стимулировать дальнейшее формирование общественной базы стратегического партнерства и поступательное развитие российско-китайских отношений в целом.

В заключение отметим, что российско-китайские отношения в XXI веке имеют существенный потенциал для развития. Причем две страны в новом тысячелетии пройдут через системные реформы и будут функционировать в новой геополитической реальности, для которой характерно развитие разнообразных межгосударственных союзов и региональных геополитических блоков. Поэтому формирование стратегического российско-китайского партнерства будет способствовать устойчивому развитию и балансу как в международных

отношениях в целом, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Главное, что следует отметить, – это стремление России и Китая сформировать многополярный мир и культурное многообразие, а также противостоять современным политическим трендам универсальной демократизации. Так, современный демократический политико-правовой дискурс ориентирует не на качественные социально-культурные характеристики политического процесса, а на его формально-процедурную структурированность и доминирование абстрактной «неоидеологической системы» (индивидуализированных прав и свобод человека). С точки зрения двух стран это формирует стратегически нестабильную среду и конфликтогенный потенциал во взаимодействии суверенных государств [7].

При этом реализуемый сегодня проект глобальной демократической универсализации, «отменяющий» всякие культурные различия и специфические характеристики внутриполити-

ческого процесса, основывается на потенциально конфликтогенных социально-политических фикциях, согласно которым только западноевропейская ценностно-нормативная система и демократически-правовая западная модель могут обеспечить общественное единство, политическую стабильность, сплоченность и международный порядок.

Россия и Китай в этом глобальном процессе отстаивают прагматический проект межгосударственного взаимодействия и развития миропорядка в XX веке, который основывается на интенсификации взаимосвязи и взаимозависимости национальных политико-правовых систем при реализации своих внутренних и внешних функций. Это предполагает развитие международного политико-правового, финансово-экономического и социально-культурного взаимодействия, направленного на обеспечение устойчивости национального государственно-правового пространства, базовых институтов и ценностно-нормативных систем.

Литература

1. Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009.
2. Хеффе О. Есть ли будущее у демократии? О современной политике. М., 2015.
3. Президент Российской Федерации В. В. Путин. Сообщение пресс-службы Президента Российской Федерации. URL: <http://2002.kremlin.ru/pressa/2001100101.html>.
4. Патрушев Н. РФ и Китай озабочены действиями США по созданию ПРО в АТР. URL: <http://glasru.ru/patrushev-rf-i-kitay-ozabochenyi-deystviyami-ssha-po-sozdaniyu-pro-v-atr/>
5. Зампредседателя КНР назвал первоочередной задачей КПК в области дипломатии обеспечение мирной среды. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7264054.html>.
6. Объединения межправительственного и правительственного характера, создаваемые на основе международных соглашений. Ключевые принципы внешней политики РФ остаются неизменными (Лавров). URL: <http://ria.ru/politics/20130123/919422542.html>.
7. Любашитц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Государственная власть: парадигма, методология, типология: монография: в 2-х ч. М., 2013.

Bibliography

1. Kravchenko S. A. Risks in the nonlinear globolokalnom society. Moscow, 2009.
2. Heffe A. Is there a future of democracy? About modern politics. Moscow, 2015.
3. The President of Russian Federation V. V. Putin. The press service of the President of the Russian Federation. URL: <http://2002.kremlin.ru/pressa/2001100101.html>.
4. Patrushev N. Russia and China are concerned about the actions of the US missile defense in Asia Pacific. URL: <http://glasru.ru/patrushev-rf-i-kitay-ozabochenyi-deystviyami-ssha-po-sozdaniyu-pro-v-atr/>
5. The Deputy Chairman of the Chinese called PDAs priority in diplomacy to ensure a peaceful environment. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7264054.html>.
6. Unification of the intergovernmental nature of the government and created on the basis of international agreements. Key principles of Russia's foreign policy remain unchanged (Lavrov). URL: <http://ria.ru/politics/20130123/919422542.html>.
7. Lyubashits V. Ya., Mordovtsev A. Yu., Mamychev A. Yu. State Power: paradigm, methodology, typology: monograph: in 2 parts. Moscow, 2013.

Овчинников Алексей Игоревич
Ovchinnikov Alexey Igorevich

профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.
Тел.: 8(928) 279-36-28.

Гасанова Замира Гаджимурадовна
Hasanova Zamira Gadzhimuradovna

доцент кафедры теории и истории государства и права Дагестанского государственного института народного хозяйства кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dagestan State Institute of National Economy, PhD in Law, Associate Professor.
Тел.: 8(928) 279-36-28.

Фатхи Валентина Игоревна
Fatkhi Valentina Igorevna

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Lecturer, Department of Civil and Legal Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8(989) 634-59-91.

**ОБРАЗ САМОДЕРЖАВИЯ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИДЕАЛЫ
В ПЕРИОД ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА**

The image of autocracy and state and legal ideals in the old Russian state period

В статье анализируется постепенное становление идеологии самодержавия в России. Указывается, что в процессе формирования самодержавия государственная власть мыслилась как власть княжеская, а впоследствии царская, в основе которой лежит принцип полноты власти, принадлежащей носителю верховной власти, ограниченной только религиозно-нравственными нормами.

Ключевые слова: самодержавие, государственно-правовые идеалы, Древнерусское государство, государственность, христианство.

The article analyzes the gradual formation of the ideology of autocracy in Russia. It is stated that during the formation of the autocracy, the government conceived in the power of the prince, and later royal, which is based on the principle of full power, belonging to the supreme power, limited only by the religious and moral norms.

Keywords: autocracy, state-legal ideals, ancient Russian state, statehood, Christianity.

Строительство русской государственности начинается в период царствования святого князя Владимира. Все, что предпринимал в своей государственной деятельности равноапостольный князь, было выражением христианской любви и стремлением к вечному спасению подданных. Главным желанием Владимира было создание теократического христианского государства, а значит, организация социальной, правовой и политической жизни таким образом, чтобы она служила делу Царства Божия.

Благодаря князю Владимиру происходит закладка ряда архетипов русской политической и правовой культуры, среди которых можно выделить следующие: 1) это архетип *Русская земля* как символ земного места совершения спасения и восхождения в Царство Божие; 2) *Святая Русь* как образ огромного дома, обители русского народа и православной христианской веры; *князь* как защитник веры и земли Русской, отвечающий перед Богом за ее судьбу и судьбу ее людей. Обязан-

ности князя рассматривались как данные свыше, «от Бога», среди которых наипервейшая – забота о спасении своего народа. Соответственно, внешнеполитическая задача князя – обеспечение мира, необходимого для тихой и кроткой христианской жизни.

Так, постепенно складывалась в России самодержавная монархическая идеология, в основе которой лежит принцип полноты власти, принадлежащей носителю верховной власти, ограниченной только религиозно-нравственными нормами. Идеология самодержавия складывалась постепенно. Следует обратить особое внимание на деятельность великого киевского князя Владимира Мономаха (1053–1125). О его взглядах мы можем судить, изучив тексты «Повести временных лет», «Поучения детям», «Отрывка (автобиографии)», «Послания Олегу Черниговскому», известные как «Поучение Владимира Мономаха» [1, с. 71; 2]. В этих книгах содержатся нормы нравственного характера, необходимые для самоограничения правителя: все дела великому князю следует решать с советом дружины; суд вершить по правде; не творить смертной казни, не мстить; все усилия направлять на поиски мира. Основные идеи «Поучения» рисуют следующий образ правителя. Князь в отношениях с другими князьями должен уважать «старейшего» князя, не иметь вражды с другими князьями, искать возможности не проливать кровь, сохранять мир и спокойствие на Русской земле. Владимир Мономах считает важным преодолевать желания нападать на чужие княжества. В ответ на зов братьев захватить власть Ярославичей он говорит: «Хоть вы и гневайтесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить». По его мнению, разрушение политического договора, в основу которого положено крестоцелование, является религиозным преступлением. Поэтому нравственность правителей – основа единства Русской земли [3, с. 37–40].

Одним из первых богословско-правовых и политических русских трактатов, в которых изложены идеи государственного права, было «Слово о законе и благодати» киевского митрополита. В нем решался целый ряд богословских, аксиологических, политических задач, среди которых отвержение иудейского вероучения с его узкой трактовкой закона, урегулирование вопроса о соотношении Вет-

хого и Нового Заветов, христианства и иудаизма, а также затрагивалась проблема независимости Русского государства и русской церкви от Византии.

Начинается произведение такими словами: «О Законе, через Моисея данном, и о Благодати и Истине через Иисуса Христа явленной, и как Закон отошел, (а) Благодать и Истина всю землю наполнили, и вера на все народы распространилась, и до нашего народа русского (дошла). И похвала князю нашему Владимиру, которым мы крещены были. И молитва к Богу от всей земли нашей». Важным для Илариона видится образ идеального князя, воплощением которого был князь Владимир. Прежде всего недопустимо властвовать над людьми ради власти: «власть должна употребляться праведно». Князь должен быть единоподержцем всей земли, творить милостыню и быть щедрым к своим подданным, заботиться о сирых, болящих, вдовах и всех иных, требующих милости, а также о «церквах и монастырях».

Описывая личные качества Владимира и его заслуги, Иларион формирует образ правителя: это христианин, творящий милостыню, защитник Руси и православной церкви. Иларион сравнивает князя Владимира с императором Константином Великим – основателем Византии и указывает на продолжателя дела Владимира – его сына Ярослава.

Также важным для понимания государственно-правовых взглядов и конституционного правосознания правителей, общественных деятелей и всего народа Древнерусского государства представляется «Моление Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу». Моление – памятник древнерусской литературы, возникший в начале XIII века. Основой текста является послание Даниила к князю Переяславля Ярославу Всеволодовичу. Это произведение показывает потребность в укреплении великокняжеской власти, единство которой было необходимо для обороны государства. Центральной политической идеей произведения служит описание образа великого князя. Князь должен быть внутренне прекрасен милосердием, мужеством и твердостью в принятых решениях, управление его – справедливо («дуб крепок множеством корения, тако и град наш твоею державою»). Даниил сравнивает князя с капи-

таном корабля и считает верховным главой своим людям («кораблю глава кормник, а ты, князь, людом своим»). Он отмечает, что в том случае, если «в его народе анархия, в державе нет порядка, то сильное государство может погибнуть».

Держать совет князь должен с «думцами», которые подбираются им по уму и справедливости. Кроме того, он должен собрать могучее войско во главе с опытным воеводой, которое и есть его сокровище – «богатство во множестве храбрых и мудрых людей».

Присутствует в произведении и тема «царской грозы», царского гнева на неправду, творимую подчиненными. Следует сказать, что данная «гроза» не является проявлением «дурной агрессии», так как ограждает «яко оградам твердым». Она необходима для ограничения произвола со стороны боярского самоуправства, которое разрушает централизованное управление: «конь тучен яко враг смылит на князя злое», а «боярин богат и силен, и он на князя своего мыслит все злое». «Гроза» нужна и для внутренних врагов, и для внешних. Благодаря ей будет восстанавливаться нарушенная справедливость.

Историки определяют конец XIV–XV век как «эпоху подъема национального самосознания» в Русском государстве. В это время одержана победа над татаро-монгольским игом, преодолена феодальная раздробленность, произошло объединение русских земель в Московское государство, Московию. Так, в «Куликовском цикле» звучат мотивы прославления Москвы и объединения народных сил.

По мнению некоторых авторов, «верховная власть в обществе и лично персона ее носителя стали усиленно наделяться чертами сакральности... ее полномочия теперь распространялись на всю территорию, и не было на ней более властителя, равного по значению великому князю московскому» [4, с. 11]. Ю. В. Кривошеев полагает, что великий князь в то время был лишь первым среди равных.

В любом случае понятие «самодержавие» означало самовластие, независимость государственной политики, а не абсолютизм. С этим термином общество отождествляло идею независимости народа и его правителя. Власть князя имела религиозное основание, однако большую роль играло мнение «совета при князе», трансформировавшегося со временем в

Боярскую думу – постоянный совещательный орган. В силу всеобщей воцерковленности на Руси проблемы политического управления не захватывали умы богословов и интеллектуалов. В отличие от западных народов, отечественные мыслители волновались не о хлебе земном, а о Царствии небесном. В этой связи вопрос о соотношении светской и церковной власти, тема статуса церкви были единственными для государственного права России тех времен. Особенно актуализировался он по мере укрепления власти церкви и обретения ею независимости в 1448 году от Византии. Рост политических и экономических возможностей привнес в богословские политические дискуссии соответствующие вопросы, особенно остро проявившиеся в иосифлянстве и нестяжательстве.

Нестяжательство основано было святым Нилом Сорским (1433–1508). Продолжатели нестяжательской программы – Вассиан Патрикеев и Максим Грек. Это слово отражает отказ монашеского слоя от частной собственности, так как при постриге монахи дают обет нестяжания. Концепция нестяжания Нила Сорского построена на критике собственности церкви и использования людской рабочей силы. По его мнению, христианство и частная собственность слабо совместимы в монастырской жизни. Потеря экономического могущества приведет и к исчезновению угрозы «обмирщения» монахов, а также к прекращению политической борьбы со светской властью. Нил Сорский был противником государственного вмешательства в дела веры и наказания еретиков. Он полагал, что принцип человеческой свободы неприкосновенен и исправление человека достижимо исключительно нравственными средствами, самовоспитанием, полным проникновением в заповеди Христовой любви. Страх Божий, о котором тоже пишет Нил Сорский, служит лишь импульсом к духовному очищению, к тому, чтобы человек всем сердцем возжелал познания великих евангельских истин Христовой любви [5].

Продолжателем концепции нестяжательства был Максим Грек. Его идеи относительно способа овладения властью и ее осуществления крайне важны. В трактате с характерным названием «Инока Максима Грека слово, пространне излагающе, с жалостию, нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»

пространно с цитатами из Священного Писания излагается речь Василия, в которой говорится о злодеяниях царей и вообще власть имущих, о грядущем за это наказании их [6]. «Нет уже ныне царей благоверномудренных», – говорится далее в его трактате, так как все правители нынешние самолюбивы, агрессивны, тщеславны, враждебны.

Максим Грек предлагал царю построить государство по Христовым заповедям и всегда творить «суд и правду посреди земли, как есть писано». «Ничего не предпочитай правде и суду Царя Небесного, Иисуса Христа... – писал он, – ибо ничем другим не можешь так благоугодить Ему и привлечь Его милосердие и благодеяния на твою богохранимую державу, как твоею правдою к подчиненным и праведным судом...». По мнению Максима Грека, царь руководит страной вместе с митрополитом, следуя его советам. Именно это он постоянно подчеркивал в своих посланиях московским государям. «Ты имеешь при себе... Варлаама, Пресвященного Митрополита всея России, духовного отца твоей державы и всегдашнего ходатая к Богу, – писал он великому князю Василию III. – При вашем обоюдном согласном управлении чисто сияет благочестие, соединенное с правдою и благозаконием». «Состоящего при тебе Пресвященного Митрополита и боголюбивых епископов сподобляй всякой чести и береги их, как ходатаев к Богу... – обращался Максим Грек к царю Ивану IV, – и что они будут советывать тебе на пользу твоей богохранимой державе, в том слушай их, ибо, слушая их, слушаешь Самого Спасителя и Царя твоего Иисуса Христа...».

Однако нестяжатели не представляли царя равным святителям. Ведь земной царь склонен к порокам, поэтому не может быть равен служителям Бога. Проблему взаимоотношений церкви и государства идеологи нестяжательства решали так: «...Святительство и Царя мажет и венчает и утверждает, а не Царство святителех». И отсюда Максим Грек делал вывод: «Убо больши есть Священство Царства земскаго, кроме бо всякаго прекословия меньша от большого благословляется» [7].

Таким образом, в учении нестяжателей звучит новое прочтение византийского принципа «симфонии властей», в котором каждая власть самостоятельна и независима в служении общей цели – спасению христиан.

Идеи преподобного Максима Грека обладают явной конституционной актуальностью. Богослов к легальным способам происхождения власти причислял не только наследственное занятие престола, но и выборное. Власть правителя ограничена не государственным советом, законом, а количеством нравственных качеств. Преподобный провозглашает право человека на свободу вероисповедания, так как считает, что человек свободен – без свободы нет ответственности. Цель государства заключается в построении мирной и спокойной жизни, необходимой для христианского спасения. Применение закона должно сопровождаться милостью, царь должен уважать чиновников, награждать воинов, защищать сирых и обиженных, слушать советы мудрых.

Иосифляне во главе с Иосифом Волоцким (1440–1515) обосновывали сохранение экономического и политического могущества церкви. Если человек, принимающий постриг, «должен отречься от «всякие вещи» и не иметь власти ни над чем», то богатство монастыря должно приумножаться постоянно, так как оно необходимо для добрых дел, просвещения населения в вопросах веры, социального служения церкви. Надо сказать, что взгляды преподобного Иосифа определялись идеей социальной благотворительности церкви как организующего начала человеческого общежития. Своими обязанностями он видел укрепление духовно-политического значения церкви, превращение ее в общественную силу для утверждения в русском обществе церковно-православных идеалов. Царь и царская власть не соизмеримы с духовной властью.

«Царь бо Божий слуга есть... – писал Иосиф Волоцкий. – Сего ради подобает тем преклоняться и служителесне, а не душевне, и вздавати им царскую честь, а не божественную». Царь может иметь страсти, пороки, и в случае произвола ему не следует покоряться.

Одним из важнейших достижений Иосифа Волоцкого, которое ему часто «вменяется в вину», является борьба с ересью «жидовствующих», угрожающей не только церкви, но и государству, так как она разрушает государственную идеологию. По его мнению, казни заслуживают даже те православные, которые не сообщили о еретиках властям: «Се убо явьствено есть, яко не точию осужати подобает, но и казем лютымъ предавати, и не точию

еретики и отступники, но аще и правоверии будутъ сами, и уведавши же еретики или отступники, и не предавать судиямъ, конечную муку подымуть». Однако судить строго его нельзя, так как ересь «жидовствующих» была вызовом национальной безопасности Руси, спровоцированным извне, и угрожала гибелью всему государству.

Однако если он был склонен к принципу превосходства «священства» над «царством», ибо считал светскую власть зависимой от Закона Божиего, то затем признал приоритет власти государя? В своих посланиях, обращаясь к великому князю московскому Василию Ивановичу, он постоянно именовал его не просто великокняжеским титулом, но «самодержцем», «царем» и «государем всея Русая земля», то есть теми титулами, которыми Василий Иванович официально еще не обладал. Более того, преподобный Иосиф Волоцкий говорил о божественном происхождении власти русского государя, уподобляя его земную миссию Божию Промыслу: «Ты же убо, о дръжаны царю, и скипетръ царствия приим от Бога, блюди, како угодиши давшему ти то, не токмо бо о себе ответ даси ко Господу, но еже инии зло творят, ты слово отдаси Богу, волю дав им. Царь убо еством подобен вышнему Богу. Но якоже Бог хочет всех спасти, такоже царь все подручное ему да хранит, яко да Божию волю сътворив, приимеши от Бога присносущное радование и воцаришися с Ним во веки радуаяся».

Идеи Иосифа Волоцкого развил автор концепции «Москва – Третий Рим», монах псковского Елеазарова монастыря Филофей (XVI в.). Основным объектом его сочинений является царская власть, ее происхождение и значение. Говоря о единой царской власти в Московском государстве, Филофей отмечает византийские ее корни, указывает на богоизбранность правителей и божественную природу власти конкретного правителя, который, по словам мыслителя, «поставлен есть от Бога», «сердце бо царю в руке божией и слуга бо есть божий». Важно беспрекословное подчинение его воле. Филофей пишет: «Да не внидет в сердце тебе всяко слово и помышление лукаво или к Богу неблагодарение или на государя хулен помысел».

В 1500 или 1501 году Филофей обращался к Ивану III: «Нынешняя церковь третья, Новый Рим... и да будет тебе известно, омиловитый царь, что все империи православной

христианской веры слились в твою империю. Ты есть единственный император всех христиан во всей вселенной... потому что два Рима пали, третий стоит, а четвертому не быть» [8]. По мнению многих исследователей, идея Третьего Рима связана с православной эсхатологией: Русь во главе с царем становится защитницей истинной христианской веры. Завершая анализ эпохи самодержавия, нельзя не отметить тот факт, что важнейшими фигурами в политико-правовой мысли XVI века являются Андрей Курбский и Иван IV, которые довольно противоположны в своих высказываниях.

Курбский описывает Грозного как нехристианского царя, диктатора. Грозный полагает: «Мы сами обладаем властью, данной нам от бога». Он уверен, что такое происхождение оправдывает политическую беспринципность: «... всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими...».

Если для Ивана IV идеальное государство – это абсолютная (безграничная) монархия, то для Андрея Курбского – ограниченная. Иван Грозный считал, что царь, его воля, его настроение святы. Андрей Курбский утверждал, что «цари и князи от Всевышнего помазуются на правление... Державные призванные на власть от Бога поставлены». При этом Курбский дал критическую оценку законодательства, руководствуясь идеей о разделении правды и законов, ей противоречащих.

По мнению Курбского, идеальная форма правления – это ограниченная монархия, имеющая сословно-представительный орган, который участвует «в разрешении всех важнейших дел в государстве». Этот орган (совет всенародных человек) должен состоять не из приближенных царя, а из представителей различных социальных слоев, получающих место выборным путем.

Таким образом, на этапе формирования самодержавия государственная власть мыслилась с религиозно-нравственных позиций как власть княжеская, а впоследствии царская, ограниченная заповедями Божиими, страхом Божиим, целями воцарения Руси и построения христианского государства и общества. При этом идеология самодержавия основывалась на ряде политических идей: Москва – Третий Рим; Россия – наследница Византии. На этом этапе религиозно-нравствен-

ные границы власти монархов показали свою неспособность ограничивать и контролировать тех из них, которые не были в состоянии последовательно исполнять заповеди Божии в своей деятельности. Постепенно развивается идея ограничения царской власти.

Если учесть, какую симпатию и любовь вызывало старчество и иночество православных верующих на Руси, то становится очевидным, что учение нестяжателей должно было получить широкое распространение среди народа. В действительности русский человек, не переставая считать себя «православным», очень часто «расходился с идеей монархического абсолютизма и иначе рисовал политический строй, который считал нормальным и справедливым» [9, с. 64].

С одной стороны, идеология иосифлян, являвшаяся, по сути, официальной, воспроизведенная в пословицах и поговорках народом, свидетельствует о социокультурной легитимации власти московских царей. С другой стороны, существует достаточное количество народных сказаний, на основании которых приходили к выводу о том, что в сознании людей всегда присутствовал и момент резкого политического протеста, глубокой социальной критики царской власти, государевых чиновников, несправедливого суда [10, с. 82]. В целом народ принял идею иосифлянской монархии с ее, в общем-то, ветхозаветными принципами, идеей «симфонии властей», но в его менталитете сохранилось уважение к идеалам и учению «заволжских старцев», с их евангельской проповедью нестяжательства, отделения духовной власти от политической, идеями личной свободы и так далее.

Таким образом, в русском народе, несмотря на полное доверие московскому самодержавию, всегда присутствовали и иные настроения, связанные с идеей диктатуры, твердой единоличной власти, царской «грозь», а также демократическими взглядами. Важно также обратить внимание на восприятие князя народом как подвигоположника. В статье «Подвиг власти. Опыт по истории государственных идеалов России» известный русский правовед М. В. Шахматов обосновывает идею о том, что история русской государственности базируется на идеале князя-подвигоположника. Князь-труженик, мученик олицетворяет народный политический идеал России [11, с. 5]. Внеш-

ние угрозы, удельные порядки, влияние христианской мысли привели к тому, что в царе, жертвующем собой, народ видел красугольный камень сохранения русской веры и независимости. Если в былинной, языческой Руси княжеская власть – олицетворение силы и привилегий, удали Руси, то после принятия христианства княжеская власть уподобляется подвигу, тяжелому и изнурительному труду. М. В. Шахматов полагает, что подвиг власти сближает царя с жертвой Христа, освящает государственную власть: «Но мы знаем и другой вид подвигов, целью которых является служение праву, правде и справедливости. Только подвиги последнего вида ведут к образованию истинного общественного порядка и крепких государственных устоев. Высшее проявление такого подвига есть подвиг любви, страдания, самопожертвования во имя Божие, во имя высоких убеждений, ради ближнего и отечества. Пути к нему мы находим в страдании, очищающем и возрождающем. В христианстве подвиг страдания получает высочайшее религиозное освящение: всем людям, и подчиненным, и властвующим, преподана заповедь последования Христу» [11, с. 5].

Исследователи отмечают, что идеал царя-мученика долгое время сопровождает русскую историю [12, с. 6–9]. Самопожертвование князя состояло в обороне страны и веры, невзирая на свои интересы. Поэтому идеал государя на Руси – это мученик, отдавший свою жизнь ради спасения родины и сохранения веры. М. В. Шахматов писал: «Московская государственная старина и государственные идеалы во многих отношениях жили очень долго. Идеал мученического подвига власти, кроме христианских учений, поддерживался также необходимостью для всей страны вести вечную, почти непрестанную и очень тяжелую борьбу с многочисленными неприятелями, нападавшими со всех сторон на русские границы. Идеал этот не исчезает вовсе и после падения татарского ига, но постепенно видоизменяется: к началу мученического подвига в этом идеале присоединяется и начинает занимать преобладающее место подвиг неустанный, тяжелого труда власти, ведущей свой народ к благоденствию и просвещению».

Жертвенность царя передается народу: народ и царь делают одно общее дело ради ду-

ховного спасения и выживания в борьбе с другими народами. По словам М. В. Шахматова, «в течение веков несли российские властодержцы “великое служение” своему народу, творческое, полное трудового и мученического подвига. Несли это служение они не одни:

Литература

1. История русской литературы X–XVII веков: учебное пособие / Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье и др.; под ред. Д. С. Лихачева. М., 1979.
2. Золотухина М. Н. Владимир Мономах и развитие русской правовой культуры // Советское государство и право. 1982. № 5.
3. Сосенков Ф. С. Об идеях государственного единства в политико-правовых взглядах Владимира Мономаха // История государства и права. 2014. № 9.
4. Ярославцев В. Г. Нравственное правосудие и судебское правотворчество. М., 2012.
5. Перевезенцев С. В. Нил Сорский. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35564.php>.
6. URL: http://www.rhistory.ru/Istochniki06_046.html.
7. URL: <http://www.historicus.ru/168>.
8. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2001.
9. Алексеев Н. Н. Христианство и идея монархии // Русский народ и государство. М., 1998.
10. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998.
11. Шахматов М. В. Государство правды. М., 2008.
12. Васильев А. А. Концепция государства правды и царя-подвигоположника М. В. Шахматова // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 5.

вместе с ними подвиг страдания, подвиг служения Царству Всероссийскому совершил весь русский народ» [12, с. 12].

Bibliography

1. History of Russian literature of X–XVII centuries: textbook / L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev, Ya. S. Lurie et al.; ed. D. S. Likhachev. Moscow, 1979.
2. Zolotukhin M. N. Vladimir Monomakh and the development of Russian legal culture // Soviet state and the right. 1982. № 5.
3. Sosenkov F. S. On the ideas of nationality in the political and legal views of Vladimir Monomakh // History of state and law. 2014. № 9.
4. Yaroslavtsev V. G. Moral justice and judicial law-making. Moscow, 2012.
5. Perevesentsev S. V. Neil Sora. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35564.php>.
6. URL: http://www.rhistory.ru/Istochniki06_046.html.
7. URL: <http://www.historicus.ru/168>.
8. Hosking J. Russian: Nation and the empire. Smolensk, 2001.
9. Alekseev N. N. Christianity and the idea of the monarchy // Russian people and the state. Moscow, 1998.
10. Alekseev N. N. Russian people and the state. Moscow, 1998.
11. Shakhmatov M. V. The state of truth. Moscow, 2008.
12. Vasiliev A. A. The concept of the truth of the state and the king M. V. Shakhmatov // Government and local self-government. 2013. № 5.

Рожковский Виталий Борисович
Rozhkovsky Vitaly Borisovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8(928) 119-04-16.

**ФИЛОСОФСКАЯ ОНТОЛОГИЯ М. ХАЙДЕГГЕРА И ХРИСТИАНСКАЯ
ТЕМА КЕНОСИСА БОГА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

**Philosophical ontology of M. Heidegger and christian theme kenosis of God
in European culture**

В статье анализируются специфические особенности философской онтологии М. Хайдеггера в соотношении с христианской темой кеносиса Бога. Необходимость такого соотношения, по мнению автора, актуализируется проблематикой определения жизнеспособности традиционных христианских корней европейской культуры. Показывается, что, хотя методологически М. Хайдеггер определяет для философии иное поле исследований, чем для традиционной теологии, создаваемые им понятия-экзистенциалы оказываются пропорциональны значениям богословских категорий духовно-религиозного опыта, связанных с кенотической тематикой.

Ключевые слова: кеносис, европейская культура, философская онтология М. Хайдеггера, смерть Бога, ничто, нигилизм, апофатизм.

This article analyzes specific features of philosophical ontology of m. Heidegger in relation with the Christian theme of the kenosis of God. The need for such a match is updated issues determine the viability of traditional Christian roots of European culture. It is shown that although methodologically m. Heidegger defines philosophy other field research than for traditional theology, it created the concept-ukzistencialy are proportional to the values of the theological categories of spiritual and religious experience, related to the kenotieskoj theme.

Keywords: kenosis, European culture, philosophical ontology M. Heidegger, death of God, nothing, nihilism, apofatism.

В европейской культуре, по своему генезису христианской, заложена одна из центральных христианских тем – тема кенотического участия Бога в жизни мира и человека и духовно-исторического «ответа» последнего на призыв Бога. Она не только была представлена в духовно-аскетическом опыте с его экзистенциалами смирения, жертвенной любви, сострадания и т. п., но и достаточно глубоко была проанализирована в средневековой патристической мысли. Однако позднее, в эпоху схоластики и затем в Новое время, ее присутствие в качестве предмета исследования ограничивается только богословскими спорами, она уходит в тень за счет развития философско-научной рациональности. По крайней мере, ее обсуждение не имело решающего значения для развития философской онтологии и антропологии вплоть до XX века, что делало характеристики бытия и человеческой экзи-

стенции недостаточно полными. На Западе в XX веке обнажилась некоторая странная, противоречивая реанимация этой идеи путем утраты онтологии религиозного сознания и утверждения секуляризма. Человек в ситуации вытеснения религии из общественной жизни все же продолжает испытывать потребность в религиозном опыте. Такая потребность, наличие которой не отрицали многие философы и XX века, выступает загадочным парадоксом на фоне процесса секуляризации.

Первым опытом философской актуализации темы кеносиса Бога в отношении человека стало то негативистское «открытие» человека западноевропейского мира, которое Ф. Ницше в конце XIX века передал своим известным афоризмом о «смерти Бога». Это «открытие» говорило о происшедшем экзистенциальном «переломе» («надрыве») мироощущения человека, который был во многом об-

разован христианством, но вдруг встретился с «пустыми небесами» (В. Блейк). Будучи свидетелем некоторого метафизического отката, «открытие» явилось в устах «безумца» из «веселой науки» одновременно и вызовом историческому самосознанию европейского мира как христианского, обнажением его внутреннего противоречия между генетической принадлежностью христианской культуре и нежеланием жить онтологией религиозного сознания. Этим, наряду с охватившими человечество мировыми социально-политическими потрясениями, войнами и революциями, объясняется распространение в конце XIX–XX веке экзистенциального настроения покинутости, заброшенности человеческой личности. Небезосновательной выглядит фиксация связи между утратой полноты религиозного сознания и «сдвигами» в культурном мироощущении человека, который становится для себя «проблемой» (Г. Марсель), а произошедшая утрата онтологии религиозного сознания ведет как раз к актуализации проблемы природы свободного выбора человека, его смысложизненной ориентации. Неслучайным представляется возобновление в философии проблемы несамодостаточности, принципиальной открытости человека, хотя уже и в другом контексте, по сравнению с христианской традицией культуры средневековья.

Почти одновременно с высказанным Ф. Ницше афоризмом идея кеносиса получает в западном христианском мире систематическое богословское выражение в виде целого направления – кенотизма (Г. Томазиус, Х. Мартенсен, Х. Франк, О. Бенсон, О. Хольцхойер, В. Гесс, Т. Либнер, Т. Годет и другие). И в этом своем выражении она оказывается в опасной близости от противоречия с ортодоксальным церковным учением о Боге и человеке, что и доказывается дальнейшим развитием богословия в так называемой «теологии смерти Бога» (Д. Бонхеффер) и «безрелигиозном христианстве». С другой стороны, в первой половине прошлого столетия как следствие кенотических интенций богословия на Западе возникает идея возврата исторического христианства к его истокам как религии кеносиса, в которой «Креста только достаточно» [1, р. 49]. Для некоторых представителей религиозного экзистенциализма эта идея легла в основу проекта обретения (возобновления) универсального

«кенотического мышления» о человеке. Благодаря этому мышлению человек открывает не в каких-либо объективированных характеристиках, а в трагическом жизненном парадоксе – «агонии» Креста как личности, страдающей и сознающей свое страдание [2, с. 310]. В рамках такого мышления не только «обновление» социально-политического сознания и бытия Церкви, но даже сам распространяющийся атеизм (будучи следствием секуляризма) мог расцениваться не как «убийство» Бога (метафизически невозможное), а в качестве метода «религиозного очищения». При этом установлением универсальности «кенотического мышления» предпосылался некий собирательный философский статус теме кеносиса, что находило свое отражение и в философских настроениях времени.

Так, для трансформации и развития философского мировоззрения М. Хайдеггера в начале 20-х годов XX века, как отмечает в своей монографии С. А. Коначева, был существенен отказ от концептуальной объективации религиозно-онтологического опыта ввиду «тайны, сокрытой в страдании, в Кресте». Этот отказ стал возможным в контексте «обращения к историчности “религиозного жизненного мира” раннего христианства» и восприятия немецким мыслителем недопускающего онтологические спекуляции протестантизма М. Лютера с его заостренностью на опыте времени, слабости, страдания, смерти [3, с. 30–31]. По лекционному курсу зимнего семестра 1920–1921 учебного года «Введение в феноменологию религии» становится очевидным, что М. Хайдеггер «связывает аналитику Dasein с парадигмой христианского жизненного опыта» и именно здесь складывается методологический подход, который будет затем развит в «Бытии и времени».

Не случайно вторым опытом философской актуализации темы Креста (кенотической тематики) в отношении человека в определенных интенциях и на определенных этапах своего развития явились философская онтология М. Хайдеггера и становление экзистенциальной философии (в лице, например, М. де Унамуно). При этом нельзя утверждать, что М. Хайдеггер осознанно в своих исследованиях пытался повлиять на развитие богословия в XX веке. Методологически он определяет для философии иное поле исследований, чем для традиционной тео-

логии, но одновременно создаваемые им некоторые понятия-экзистенциалы (такие как «озабоченность», «тревожность», «ставшее бытие», или «осуществление», «кайрологическое время», или «мгновенность», «присутствие» и другие) оказываются как минимум пропорциональными значениям богословских категорий духовно-религиозного опыта. Иначе говоря, немецкий мыслитель изобретает философский словарь, или философский способ говорения о той предметной области духовно-экзистенциального опыта человека, которая ранее была предметом богословского анализа. При этом стоит учитывать, что представление о соотношении и взаимодействии философии и теологии менялось у М. Хайдеггера в разные периоды его творчества. В период работы над «Бытием и временем» в докладе «Феноменология и теология» (1927) немецкий мыслитель высказал возможность интерпретации априорных онтологически-формальных понятий философии из перспективы веры, то есть способа существования верующего, которым он обязан христианскому «Откровению», из ситуации «участника» события Распятия [3, с. 68]. В более поздний период философия уже не рассматривалась им в качестве априорной конструкции теологических понятий и призвана была только адекватно прояснить содержание теологии.

Исследуя в ранний период некоторые Послания апостола Павла, немецкий мыслитель, насколько известно, нигде специально не обращается к «кенотическому отрывку» из Послания ап. Павла к Филиппийцам. Но при этом намеченная им в дальнейшем попытка нового подхода в онтологии и антропологии, при котором ничто – следствие универсализирующей философской интерпретации «небезопасности», «бездны» в фактическом жизненном опыте человека-христианина перестало выступать крайним и непроницаемым пределом философского вопрошания, может быть использована и для категориально-понятийного проговаривания кеносиса.

Именно у М. Хайдеггера не только «схватываются» «умаляющие» характеристики бытия человека как моменты его внутреннего опыта, но и выявляется сопровождающий это «схватывание», но не разгаданный «отрицательный» характер мышления. «Мы все еще стараемся поспешно миновать мыслью тайну

“не” и “ничто”... мы все еще недостаточно постигаем, что предназначается для нас в отъятии, потому не знаем пока самого отъятия, отказа» [4, с. 300], – так М. Хайдеггер характеризовал состояние современного ему самосознания людей. Речь идет о скрывающемся в феноменах «отрицания» (любых ценностей и авторитетов) новом опыте человека, расширяющем поставленные долгое время господствующим в философии и теологии «метафизическим» мышлением антропологические границы.

Важно, что при самом подходе к данной теме немецкий мыслитель предлагает отказаться от столь присущего европейскому самосознанию «субъективистского» абстрагирования человеческого бытия, предполагающего проецирование человеческой мысли на все сущее, при котором реальный во всей полноте внутреннего опыта человек остается «в тени» собственного лишь мыслимого «представителя». Такое абстрагирование представляет собой способ мысли, который М. Хайдеггер называл махинацией. В махинации бытие профанируется теми субъективными мерами, которые определяет человек. Субъективистской метафизике бытия М. Хайдеггер противопоставил дискурс онтологии, которая даст слово «ничто», но самоцель которой в приуготовлении голоса бытия. Здесь немецкий мыслитель формулирует парадокс человеческой экзистенции: человеку свойственно «заботиться», обустроить свою собственную жизнь, но он забывается в этой своей заботе, перестает экзистировать за пределы обыденной жизни и быть по-настоящему, «рассыпается» в свои качества, роли, маски. Важно здесь отметить, что хотя, согласно М. Хайдеггеру, перед лицом «ничто» и происходит самораскрытие человека, но неподлинное свое существование человек не в силах (положительно) преодолеть, «подлинная экзистенция» недостижима.

Философский онтологизм М. Хайдеггера непосредственно не является примером религиозно-экзистенциалистской установки (и не образует какого-либо нового пространства богословия), подобной, например, установке «кихотического» экзистенциального философствования М. де Унамуно: находиться у «Гроба» Христа, «среди воплей неистового отчаяния и надрывающих сердце слез, дожидаться, когда же воскреснет Господь и спасет нас, не

дав нам обратиться в ничто» [5, с. 19]. Философское вопрошание о бытии для М. Хайдеггера лишь пропорционально теологическому истолкованию открывающего Себя Бога и неотжественно теологии как герменевтике уже достоверного опыта. Однако отмеченный онтологизм все же имеет значение иной и дополняющей формы интерпретации. В этом своем качестве он, по оценке Г. Отга, провоцирует теологическое мышление не отрываться отво многом необъективируемого, сущностно неопределимого внутреннего опыта человека [3, с. 338]. Подход М. Хайдеггера оказался прежде всего созвучен изменениям, происходящим в протестантской теологии его времени (с ее преимущественным обращением к экзистенциальному состоянию современного человека в лице, например, Р. Бульмана), и отчасти явился их дальнейшим катализатором.

Существуют исследования, в которых небезосновательно утверждается, что философствование М. Хайдеггера в некоторых важнейших своих интуициях и категориях близко восточно-христианской апофатической традиции мышления, во всяком случае позволяет проговаривать ее богословское содержание философским языком. Например, можно отметить попытку известного православного богослова Х. Яннараса использовать опыт М. Хайдеггера в переосмыслении «само-стоятельности» бытия человека. Хотя для Х. Яннараса «нигилизм» М. Хайдеггера и отличается от восточно-христианского апофатизма, представленного в произведениях псевдо-Дионисия Ареопагита (VI век) и Максима Исповедника (VII век), в своих посылах и выводах он тем не менее совпадает с ним в самом принципе «апофатического отречения» как «проявлении уважения к безграничным границам вопрошающей мысли» и отказе «подчинить Бога и Бытие рассудочным схемам» [6, с. 52]. Такой нигилистический «отказ» в ближайшем значении представляет собой отрицание тождества бытия и Бога как неоправданной исходной предпосылки рационально-утвердительных метафизических суждений о Боге и соотнесение Бога с Ничто не как просто с чем-то несуществующим, а как с «неопределенностью» и «проблемом мысли» в том случае, когда она пытается определить способ бытия Бога, и, таким образом, «отказ» представляет собой «радикальное отречение от “умственных идиолов” Бога». Дей-

ствительно, как свидетельствует М. Хайдеггер, для него Бытие и Бог не идентичны, и он всегда предпочитает избегать размышлений о сущности Бога посредством Бытия [7, с. 311]. Но в вышеотмеченном «отказе» кроется, по мысли Х. Яннараса, и другое значение – «возможность для сохранения божественности» Бога [6, с. 39], то есть пространство Его свободного принятия человеком вне рациональных схем. Х. Яннарас признает, что в своем ближайшем значении «нигилизм» М. Хайдеггера может быть предпосылкой как теистической, так и атеистической позиции [7, с. 39], однако, несмотря на это, он, по мнению Х. Яннараса, оказывается ближе к существованию восточно-христианского апофатизма.

Х. Яннарас высоко оценивает проведенный М. Хайдеггером феноменологический анализ ситуации «отчужденности» человека, однако замечает, что немецкому мыслителю не удалось полноценное осмысление сохраняющегося в «отчужденности» онтологического отношения. Несмотря на то, что «нигилизм» философского апофатизма М. Хайдеггера выгодно отличается от метода «отрицательной теологии», он оказывается, по Х. Яннарасу, ограничен более общим недостатком – исторически свойственным западному мышлению «апофатизмом сущности». Ни в западной схоластике, ни в протестантском богословии, ни в философии Нового времени, ни в философском подходе М. Хайдеггера, несмотря на все различия, не преодолевается односторонность противопоставления тварной сущности человека абсолютной сущности Бога. Для М. Хайдеггера «сущностная» реальность Бога сводится к апофатическому Ничто, а способ бытия человека радикально отличается от способа «бытия» Бога. Апофатический характер суждения М. Хайдеггера состоит о том, что бытие «не есть ни основание, ни сущность Бога» [7, с. 312] и ограничено принципом сущностного противопоставления бытия и Бога. Между тем важнейшей предпосылкой восточно-христианского апофатизма является различие в Боге совершенно непознаваемой и недоступной Сущности и Энергий, «благодаря которому человек обретает возможность причастности непричастному Божеству» [6, с. 67]. Х. Яннарас здесь ссылается не только на «Ареопагитики», но и на предшествующих и последующих отцов Церкви (например, Василия Вели-

кого, Григория Паламу и других). С этим связана вторая предпосылка восточно-христианского апофатизма – способность человека к личностному отношению – общению в любви с Богом через причастность к личностным Энергиям Бога. Вследствие такой причастности личность человека апофатична, поскольку ее способ бытия (в общении), универсальность ее экзистенциального события предшествуют конкретной явленности существования каждого человека. Таким образом, свойственный восточно-христианской традиции «апофатизм личности» предполагает, согласно Х. Яннарасу, что «...человек существует, потому что общается с Божеством» [6, с. 70].

В философском подходе немецкого мыслителя оказывается важным, что акт отрицания, в котором дан ныне человек, приоткрывает не собственную «логическую» противоположность в понятийном пространстве метафизических суждений, а некоторую исходную, но не вполне узнаваемую онтологическую сложность в человеке, несамодостаточный, «отъятый» его опыт бытия. Бытие человека «просвечивает» в своей полноте отношения с этой несамодостаточностью. Для М. Хайдеггера в конечном – экзистенциальном и исторически-культурном – счете это есть опыт европейского нигилизма, то есть опыт «смерти Бога» в человеке. Он полагает, что Ф. Ницше, впервые произнесший знаковые слова о «смерти Бога», не смог разгадать смысл своего афоризма, ограничив «смерть Бога» лишь сменой ценностей («обесценением прежних высших ценностей»), не усматривая в самом акте новоположения ценностей смысла убийства «сущего самого по себе, Бога» [8, с. 72]. Европейский нигилизм, по М. Хайдеггеру, развивался как процесс утраты силы созидания в истории культуры и «ничтожествования высших ценностей».

Сведение Бога (высшей реальности) к ценности, ставшее существенным признаком европейской метафизики, означает сведение сущего к субъективному усмотрению, к точке зрения отдельного «эго». Между тем это сведение, по М. Хайдеггеру, свидетельствует о некоем экзистенциальном переломе в сознании европейского человека, причины которого для философа рационально до конца не определены, смысл же явленного в нем «убийства Бога» состоит в том, что в человеке проис-

ходит некая переменна «взгляда». Что означает это иное состояние человека? В философии Ф. Ницше экзистенциальный перелом сознания европейского человека находит свое воплощение в утверждении «воли к власти», в провозглашении самоценности воления «сверхчеловека», который не может занять «место» Бога и всей сферы сверхчувственного, но может удерживать особую «субъективистскую» область бытия, не тождественную ни области Бога, ни сфере человека.

Именно удержание субъектности рассматривается М. Хайдеггером как установка сознания современного человека, источник нигилизма. Что происходит с самим бытием? «Бытие не выступает в свете его же собственной сущности... ускользает в свою истину... скрывает само себя» [8, с. 75]; можно сказать, продолжая мысль немецкого мыслителя, что в ситуации нигилизма бытие апофатически устраняется, оставляя нам постижимыми лишь границы присутствующей здесь тайны. М. Хайдеггер, по сути, говорит о некоем процессе «ухода» бытия, которое уклоняется от адекватного схватывания, оставляя после себя лишь некоторый духовно-экзистенциальный «след». Причем в той мере, в какой человеку дан опыт субъектности, в той же мере и подлинный смысл сущего, бытие «ускользают» от попытки его рационально удержать, оценить. Стремясь возвысить себя в собственном субъективистском обособлении, человек лишь открывает в себе муки и незавершенность собственного существования.

Но какое значение в таком случае имеет сам экзистенциализм, его процедуры «событийного мышления» в культуре, и исторической ситуации человека? Хайдеггеровское «ловление бытия» предполагает прежде всего экзистенциальное «вопрошающее» ощущение ограниченности, умаления, отсутствия в сущем. Такое ощущение отвечало в целом тому историческому вызову «надрыва» бытия человека, который и воспринимал западноевропейский экзистенциализм в прошлом столетии, причем не только в лице религиозной своей ветви (К. Ясперс, Г. Марсель, М. Хайдеггер), но и атеистической (А. Камю, Ж.-П. Сартр). Такое «вопрошающее» ощущение можно рассматривать как имеющее религиозное значение. И даже атеистические экзистенциалисты не могли выйти за эти пределы вопрошания. Так, Ж.-П. Сартр в

своем анализе присутствия «ничто» обращается к тем, для кого Бог умер, А. Камю – к тем, для кого мир абсурден. М. Хайдеггер может описывать неподлинную, «отрицательную» экзистенцию, где «отсутствует» Бог. Это может значить, что они обращаются к тем из наших современников, которые считают, что сознают скорее отсутствие Бога, чем Его присутствие, к тем, кто думает, что Бог (будучи Сущим) как будто скрывает Себя. Однако проблема подобной интерпретации экзистенциализма связана с тем, что его «вопрошание», несмотря на всю свою онтологическую сложность, по своему содержанию необязательно осуществляется религиозно.

Существенная причина этого заключается в том, что у М. Хайдеггера опыт Бога как бы пантеистически «размыт» в бытии сущего. По замечанию Ж. Деррида, «опыт Бога» в философии М. Хайдеггера не тождественен опыту религиозного «Откровения» и составляет лишь возможность последнего, открытость к нему, поскольку открывает «размерность», «различность», «меру» бытия через присущий человеку и исходящий от Ничто опыт страдания [7, с. 312], причем лишь в теоретической констатирующей форме. Отмеченная возможность сковывается характером мысли немец-

кого исследователя, который вследствие неявной пантеистической предпосылки (в некоторой мере пропорциональной опыту восточной религиозности) не может допустить в пространстве философии личностного «верующего» способа мышления. В этом смысле прав Х. Яннарас, интерпретирующий описываемую М. Хайдеггером отчужденность человека как предварительную, только феноменологическую характеристику автономизации человека. По Х. Яннарасу, именно потому, что человеческая личность всегда находится в ситуации онтологического отношения или «призыва Бога», хотя она и «отчуждается, но не упраздняется» [6, с. 68].

В целом мы не находим до сих пор в философской литературе разработанного категориально-понятийного языка «на стыке» разных традиций духовного опыта для полноценного диалога содержания христианской мысли с философскими интуициями М. Хайдеггера. Тем не менее потребность в таком диалоге актуализируется самой проблематикой жизнеспособности традиционных христианских корней европейской культуры перед вызовом, с одной стороны, безрелигиозного мировоззренческого нигилизма, а с другой – религиозно-политического экстремизма.

Литература

1. Унамуно М. О трагическом чувстве жизни. Киев, 1996.
2. Коначева С. Бытие. Священное. Бог. Хайдеггер и философская теология XX века. М., 2010.
3. Хайдеггер М. Жительство человека // Работы и размышления разных лет. М., 1993.
4. Гараджа Е. В. Евангелие от Дон Кихота // Унамуно Мигель. О трагическом чувстве жизни. Киев, 1996.
5. Яннарас Х. Хайдеггер и Ареопагит, или Об отсутствии и непознаваемости Бога // Избранное: личность и эрос. М., 2005.
6. Деррида Ж. Как избежать разговора: денегации // Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск, 2001.
7. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Ницше и пустота. М., 2006.
8. Weil S. Lettre a unreligieux. Paris, 1974.

Bibliography

1. Unamuno M. About tragic feeling of life. Kiev, 1996.
2. Konacheva S. Genesis. Sacred. God. Heidegger and the philosophical theology of the twentieth century. Moscow, 2010.
3. Heidegger M. Titel2stvovany // Work and reflection of different years. M., 1993.
4. Garadza E. Gospel of Don Quixote. Miguel de Unamuno. On the tragic sense of life. Kiev, 1996.
5. Annaras H. Heidegger and the Areopagite, or No and unknowable God // Favorites: personality and Eros. Moscow, 2005.
6. Derrida J. Avoiding talk // Deconstruction: texts and interpretation. Minsk, 2001.
7. Heidegger M. Nietzsche's Words «God is dead» // Nietzsche and emptiness. Moscow, 2006.
8. Weil S. Lettre a unreligieux. Paris, 1974.

Фетисов Тимофей (протоперей)
Fetisov Timofei (archpriest)

ректор Донской духовной семинарии кандидат богословия.

Rector of the Don Theological Seminary, PhD in Theology.

Тел.: 8(928) 159-17-50.

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ИДЕАЛ ТЕОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА
СВЯТОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА**

Social and legal ideal of a theocratic state of st. prince Vladimir

Статья посвящена осмыслению духовных принципов, на которых святой князь Владимир строил Русское государство. На основе библейской традиции выявляется теократический идеал как принцип правовой и общественной жизни государства и христианские базисные ценности служения власти своему народу. Анализируются истоки национального правосознания, лежащие в сфере особого кенотического понимания права. Автор делает вывод об успешном начале практического построения князем Владимиром теократического христианского государства, социальная, правовая и политическая жизнь в котором подчинена целям Царства Божия.

Ключевые слова: креститель, Русь, церковь, государство, власть, цивилизация, теократия, христианство, правопонимание, кенотическое право, библейский идеал.

The article is devoted to understanding the spiritual principles upon which the Holy Prince Vladimir founded the Russian state. On the basis of biblical tradition revealed theocratic ideal, as the principle of legal and social life of the state, and the Christian values of the basic service of authority people. Analyzes the origins of the national sense of justice, lying in the field of special kenotic understanding of the law. The author conclusion of the successful start of the practical construction of Prince Vladimir theocratic Christian state, social, legal and political life in the Kingdom of God which is subordinated to the goals.

Keywords: baptist, Russia, church, state, power, civilization, theocracy, Christianity, legal thinking, kenotic right, biblical ideal.

Когда светские правоведы рассуждают о теократии, то чаще всего представляют себе некое тоталитарное государство, управляемое религиозными деятелями на основе религиозных норм. Данное представление, в корне неверно изображающее в лучшем случае квазитеократию, должно быть сразу отвергнуто, так как теократия в библейском смысле – это не форма правления, а принцип, во-первых, утверждающий абсолютную власть Бога над всем миром, без изъятия, во-вторых, считающий все иное, кроме Бога, лишь условным и относительным, не имеющим онтологических корней. Теократический принцип универсален. Он проявляется во всех областях жизни, на личном и общественном уровне. С. Франк точно и лаконично передает суть этого принципа: «Бог есть единственный и высочайший властитель жизни, абсолютное и всеобъемлющее благо; наряду с Ним не мыслимы никакие иные, независимые от Него, инстанции и ценности... Все содержания и ценности человеческой жизни: семья, наука, искусство, хозяйственная

деятельность, государство и национальная жизнь – должны либо получить религиозное оправдание и освящение, быть восприняты как многообразные формы служения Богу, и в этом смысле войти в состав религиозной жизни, жизни в Боге, – либо, если это невозможно, должны быть просто осуждены и отвергнуты, как зло [17, с. 3].

«Приняв купель крещения и отрясши в ней слепоту душевную, вкупе и телесную», святой основатель Русского государства и русской Церкви без всяких колебаний, по словам митр. Илариона, «возгорелся духом и возжелал сердцем быть христианином и обратить всю землю в христианство» [3, с. 75]. Государство открывается для него теперь в Евангельском свете как провозглашение нового царства.

Не отвлеченно, а именно в духе первохристианства, руководство к действию воспринял святой князь Владимир проповеданную ему евангельскую весть: «Как широкая русская натура, св. Владимир не только в деле внешнего крещения всей страны, но и внутреннего

радикального изменения и обновления его социальной жизни, воспыла желанием повторить опыт первоапостольской церкви: употребить всю силу государственной власти, все средства государственной казны на то, чтобы крещеные люди почувствовали, как говорит книга Деяний, что у них “одно сердце и одна душа”, что у них “все общее”» [4, с. 125]. Как известно, «в Евангелии очень сильны мессианские чаяния Израиля. И восстановление социальной справедливости составляет неотъемлемую черту евангельского идеала, воплощенного в образе Царства Божия...» [15, с. 11].

Неслучайно в описании митрополитом Иларионом первого опыта социальной помощи явственно ощущается именно эсхатологический контекст деятельности святого государя как попытка осуществления обетованной Правды Божией, справедливости на Русской земле: «Ты, о честная глава, был нагим – одеяние, ты был алчущим – насыщение, ты был жаждущим – охлаждение их утробы, ты был вдовам вспомоществование, ты был странствующим – обиталище, ты был бескровным – покров, ты был обидимым – заступление, убогим – обогащение» [6, с. 51]. Масштаб социальной деятельности князя убедительно свидетельствует о том, что борьба с бедностью была продиктована не просто сиюминутным благочестивым порывом «несофита во власти», а отражала решимость святого Владимира построить социальное государство, основанное на христианских идеалах и ценностях.

«Чтобы не оставалось у нас сомнения, что эта княжеская филантропия не ограничивалась столицей или пределами дворцовых имений, мних Иаков, касаясь этого вопроса, определенно поясняет, что св. Владимир установил это как систему решительно во всем государстве до деревенских захолустьев включительно: “Боле всего бяше милостыню творя князь Володимир: иже немощнии и старей не можаху дойти княжа двора и потребу взяти, то в двор им посылаше; немощным и старым всяку потребу блаженный князь Володимирдаяше. И не могу сказати многия его милостыня; не токмо в дому своему милостыню творяше, но и по всему граду, не в Киеве едином но и по всей земле Руской, и в градах и в селех, везде милостыню творяше, нагия одевая, алчныя кормя и жадныя напаяя, странныя покоя милостыню; нищяя и сироты и вдовицы и слепыя и хромыя и трудоватыявся милуя и одевая и накормя и напаяя”» [3, с. 76]. Очевидно, что бедность и

безвинные страдания русских людей святой князь считал общественным злом. Никто не должен был голодать и дрожать от холода в государстве, провозгласившем себя христианским. На причину общественного зла князь Владимир, вероятно, смотрел уже глазами святителя Иоанна Златоуста, ставшего за короткое время первым и самым любимым переводным автором на Руси. Великий же учитель Церкви утверждал, что «богач есть как бы приемщик денег, следующих к раздаче бедным... посему, если он истратит их на себя сколько-нибудь сверх необходимой нужды, то подвергнется жесточайшей ответственности» [12, с. 805].

Такое отношение к собственности, ставшее устойчивым компонентом культурного кода русского народа со времен святого Владимира, опирается на библейское теократическое правописание, которое признает лишь Бога подлинным собственником всего на земле и небе. По этой причине собственность может быть только условно частной, по праву временного распоряжения ею, которое человеку дает Господь. Соответственно, по словам святителя Иоанна Златоуста, «что принадлежит Владыке, то принадлежит вообще всем» [12, с. 704]. Воспринятое вместе с Евангелием совершенно новое правовое сознание рождает на Руси и органичное ему понимание права собственности, сформулированное еще раннехристианским писателем Лактанцием: «Единственный долг правды состоит в том, чтобы употреблять имущество свое на прокормление бедных... Истинное употребление богатств состоит в обращении их не для своего удовольствия, но для поддержания многих людей из чувства правды» [10, с. 327]. Идея Правды Божией в ее правовом и социальном измерении стала важнейшей библейской ценностью, завещанной святым Владимиром. Не случайно первый национальный писанный свод законов был назван «Русской Правдой».

В приведенных примерах мы видим зарождение особого, национального понимания права, суть которого заключается не просто в регулировании общественных отношений, а «в смысле их исправления по идеям высшей правды» [1, с. 125]. Во всей деятельности святого князя обращает на себя внимание то, что такая, на первый взгляд, чисто юридическая категория, как «справедливость», понимается им совсем не в уравнивающим смысле и не как «воздаяние», а как проявление милующей Любви. «Тот же митрополит Иларион сообща-

ет нам, что св. Владимир, “часто собираясь с новыми, нашими епископами с великим смирением советовался с ними, как уставить закон сей среди людей, недавно познавших Господа”». Это можно понять не иначе, как совещание с иерархией не по миссионерским только вопросам, а скорее по вопросам проведения в жизнь всего государства “закона” христианского, как совещание о посильном осуществлении царства Христова на земле. Смелость замыслов св. князя в этом направлении подтверждается и летописью. Проникаясь духом евангельским, св. Владимир переживал в своей совести со всей силой нравственную антиномию государственной силы и личного всепрощения. Он тяготился долгом меча казнящего. И епископам приходилось успокаивать его чуткую совесть: “живяще же Володимер в страхе Божии, и умножишися разбоеве, и реша епископы Володимеру: се умножишася разбойницы, почто не казнишиих?” Он же рече им: “Боюся греха”. Они же реша ему: “Ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милованье; достоити казнити разбойника, но со испьгом”. Володимер же отверг виры, нача казнити разбойникы» [3, с. 77].

В этом известном историческом эпизоде мы видим практическое решение святым Владимиром с помощью епископов умозрительной антиномии благодати и закона. Справедливость здесь подчиняется любви, но это нисколько не затрудняет правосудия, ибо любовь остается и основанием, и побуждением, и его целью. При этом в иерархии евангельской правовой этики общественное благо оценивается все же выше индивидуальных интересов: «Если судья оправдывает виновного против закона... больше сделает зла, чем добра, нарушив любовь к общему благу, власти и правилам» [9, с. 152].

Итак, закон не отменяется, но общественные отношения на Руси начинают регулироваться на основе нового, «кенотического» понимания права, которое устанавливает определенные нормы поведения. Впрочем, здесь важно отметить, что кенотическое право (от греч. κένωσις – умаление) в соединении с теократическим принципом означает вовсе не смирение перед миром или грехом мира, а лишь умаление собственной самости. Право, которое мы условно называем кенотическим, предназначено для провозглашенного Христом, обставанного ветхозаветными пророками мессианского Царства, нового мира, где справед-

ливым является не ветхозаветное «око за око», а радикально иное: «Если кто-то рубашку хочет у тебя отсудить, пусть забирает и плащ» (Мф. 5:40). Древний юридический принцип «каждому – свое», являющийся сущностью права в классическом его понимании, в кенотическом праве Царства Божия замещается на противоположное установление: «Никто не ищи своего, каждый пользы другого» (1 Кор. 10, 24), где благо другого видится как свое собственное. Заметим, что данная норма основывается не на автономной морали, не на этике добрых дел или тем более культуре благовоспитанности, но на понимании того, что единственное абсолютное благо – это Бог. Подобная теократическая этика утверждается, во-первых, на ветхозаветной этике послушания, согласно которой любая заповедь, изреченная Богом, является благом в силу происхождения от Него, не подлежит человеческой моральной или логической оценке. Во-вторых, на христианском понимании того, что единственным истинным благом является любовь, ибо только она уподобляет нас Христу и ведет ко спасению. «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга... Потому узнают, что вы мои ученики, если вы будете иметь любовь между собою (Ин. 14, 34–35). Это означает, что любовь является и идеальной основой, и сущностью, и определяющим принципом кенотического «новозаповеданного» права, его основным законом.

Феномен равноапостольного князя Владимира как правителя состоял в том, что все в его государственной деятельности было выражением христианской любви и желания вечного спасения подданных. Иное невозможно и представить, ведь любовь Христова не может быть избирательной, равнодушной ни к какой сфере человеческой жизни, в том числе и политике. Любовь к Богу является витальной энергией истинной теократии. Несомненно, поэтому самым большим желанием равноапостольного Владимира было создание *теократического христианского государства*, а значит, *устройство социальной, правовой и политической жизни в государстве* таким образом, чтобы она служила *делу Царства Божия*.

Естественно предположить, что секулярные правоведы тут привычно нам возразят: «Где право, а где любовь? Это же по природе разные понятия! Разве можно смешивать право и нравственность? Не Христос ли разделил Царство Божие и Царство Кесаря? Оставьте право нам – для земли, любовь заберите себе – для Неба».

Позволив себе несколько углубиться в данную тему, заметим, что кенотическое право-понимание, действительно, крайне сложно к уразумению светскому юристу, твердо выучившему, что сущность права содержится в справедливости, а не в «какой-то там любви». Думается, основное заблуждение, являющееся препятствием к восприятию сущности кенотического права, состоит в расхожем восприятии любви как некой эмоции, сильной симпатии, вкусового предпочтения или романтической страсти. Поэтому для уразумения евангельского понимания права необходимо вначале раскрыть христианское учение о любви, согласно которому она заключается в способности самоотречения, возможности жертвовать своими интересами или даже самой жизнью в пользу «другого». Здесь нет места сентиментальным или романтическим мотивам. Движущей силой христианской любви является желание спасения человека. По этой причине даже наказание, которое, на первый взгляд, кажется необходимым возмездием и проявлением справедливости, на самом деле будет ничем иным, как проявлением любви, поскольку оно служит исправлению или искоренению греха, препятствующего вечному спасению. Справедливость несколько не будет противоречить любви, если она продиктована не возмездием, а заботой о нравственном исправлении преступника «...и основанием, и побуждением, и целью правосудия должна быть любовь» [9, с. 152]. Конечно, данная точка зрения может быть понята лишь тогда, когда под преступлением мы подразумеваем не только нарушение чьих-то прав, но и грех против Бога и ближнего.

Пожалуй, телеологическое единство справедливости и любви наиболее раскрывается в богословии кенозиса, центральной идеей которого является добровольное умаление Бога. Именно на искупительном Кресте, посредством жертвенной любви Господа нашего Иисуса Христа была восстановлена справедливость. Таким образом, Крест Христов представляется онтологическим источником кенотического права.

Но может родиться закономерный вопрос: стоит ли тогда вообще считать идею любви правом? Отвечая на него, приходится напомнить, что право в своей основе – это не сборник законов, а система идей и ценностей, принятых в обществе и регулирующих его жизнь. Какими идеями-ценностями должно руководствоваться общество христиан? Ответ одно-

значен – евангельскими. Но высшей евангельской ценностью является любовь!

Весьма примечательно, что любое преступление может быть одновременно квалифицировано как грех против любви к ближнему или обществу. Но что это означает? В таком случае, называя преступление противоправным деянием, мы тем самым утверждаем, что оно направлено одновременно и против права, и против любви, а это также косвенно доказывает их органическое тождество. Об этом замечательно пишет опять-таки святитель Феофан Затворник: «Любовь ко всем законами и добродетелям не только евангельским, но и человеческим, гражданским есть основа. Следовательно, всякое действие, согласное с законом, согласно и с любовью...» [9, с. 152].

Точно так же первое преступление на земле – нарушение закона Адамом было не просто непослушанием, а попранием любви Творца-Законодателя. В этом библейском прототипе мы видим, что до опытного познания безгрешным Адамом добра и зла его правовое поведение основывалось только на любви. Любовь к Богу, а не страх исполнения санкции «в день, в который вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 17), делала невозможным нарушение закона. После грехопадения от преступления заповеди неустоявшего в любви Адама, как и живущих вне Христа его потомков, предохраняет только страх наказания.

Отрицая любовь как основание права, было бы непоследовательным видеть его тогда и в справедливости, поскольку справедливость, как и любовь, является прежде всего нравственным принципом, тесно связанным с миром идеального. В этом смысле любовь – не более идеальное, умозрительное понятие, чем справедливость, которая не всегда бывает выгодной. Напротив, она как проявление совести иногда требует от нас самих отказаться от каких-то прав или благ в пользу ближнего. А как быть, когда сила находится на нашей стороне, а правда – на стороне другого? Что тогда может заставить человека быть справедливым? Для того чтобы справедливость восторжествовала, от одной из спорящих сторон требуется пожертвовать своей выгодой, совершить некое самоотречение, умалить себя, чтобы не согрешить против справедливости, то есть, выражаясь христианским языком, проявить любовь. Любое общество, построенное на индивидуальном эгоизме, обречено: даже утилитарное общение на почве экономического обмена

предполагает элементарную солидарность, договороспособность, доверие между людьми. Любовь к ближнему есть незыблемая и вечная основа, без которой непредставимо никакое общество.

В рамках подобной философии права привычная для светского юриста формула «право как мера свободы» неожиданно обретает кенотический подтекст. Действительно, всякая мера – это лишь часть, а значит, умаление, кенозис полноты и самодостаточности. Это ограничение необходимо не только для регулирования общественных отношений, чем и занимается право, но является изначальным условием для того, чтобы данные отношения вообще возникли и появилось нечто общее. Известный философ Анастас Мацейна пишет об этом так: «Как Бог своим кенозисом делает общим свое бытие с человеком даже до его обожения, так и человек, своим кенозисом или ограничением своей свободы вводит другого в пространство своего бытия. Так и создается отношение Ты-Ты, в котором свобода как высшее благо личности становится общей. Осуществление свободы в отношении с другим, заключает Мацейна, может проявляться только как любовь» [5, с. 67].

Таким образом, онтологическое родство права и любви проявляется в самом эмпирическом опыте социальных отношений и доказывает то, что любовь, как и право, должна быть регулятором общественной жизни в здоровом обществе. Более того, только она придает государству истинную стабильность. И наоборот, справедливость в отрыве от любви может быть даже саморазрушительной, если точно следовать римскому юридическому принципу *regeat mundus et fiat justitia* («пусть погибнет мир, но свершится правосудие»). Неслучайно именно оскудение любви видится в православном предании главным признаком общественного кризиса, ибо «не воля к самоутверждению и самовластию способна создать и сохранить общественную жизнь, а только ее самоограничение и самообуздание... Не стихийная половая страсть создает устойчивую семью – она только разлагает последнюю, – а ее самоограничение; не голод и корысть создают экономический строй, упорядоченное частное хозяйство и упорядоченное взаимодействие их между собой, – их создает честность, трудолюбие, ограничение потребностей, взаимное доверие, рождаемое выполнением обязанностей; не страх и не властолюбие творит госу-

дарственное единство – оно создается готовностью к жертвам, аскетизмом воина и аскетизмом гражданского служения, верою в нравственную святость государственного начала. Человек как таковой не имеет вообще никаких “прирожденных” и “естественных” прав: его единственное и действительно неотъемлемое право есть право требовать, чтобы ему было дано исполнить его обязанность. Непосредственно или косвенно к этому единственному праву сводятся все законные права человека» [16, с. 16].

Таким образом, «любое право всегда должно оцениваться исходя из принципа любви. Поэтому только те права и лишь в тех пределах достойны признания общества, которые способствуют воспитанию в его членах истинной любви к человеку и искренности трех основных, по словам Аввы Дорофея, источников всех болезней человечества: славолубия, сребролюбия, сластолюбия» [7]. Без любви как энергии самоограничения невозможны здоровые социальные отношения. В свете этой истины открываются подлинные причины современного духовного кризиса права, ведь культивируемые и насаждаемые ныне ценности стяжательства и неограниченной свободы, психологические установки на постоянное получение удовольствия и наслаждения от жизни, являясь эманациями эгоизма, уничтожают любовь как единственную действенную основу правового поведения. Этим лишним раз подтверждается тот факт, что кенотическое правопонимание не только не противоречит сути права, но является условием его жизнеспособности и эффективности.

Подводя итог нашему исследованию, мы приходим к выводу, что системообразующей библейской основой государства святого Владимира Крестителя явился теократический принцип, квинтэссенция которого заключается в словах апостола: «Да будет Бог всяческая во всех» (1 Кор. 15, 28). Тем самым духовное наследие и завет святого князя Владимира состоит в воспринятой от Византии теократической идее обожения всего мира, а значит, неразделимости Божественного и человеческого как в личной, так и социально-правовой жизни человека. Это лишь идеал, но в силу своего библейского статуса идеал вечный. Будучи конечной целью, он способен задать вектор развития Российского государства в русле заветов своего основателя. Лишь указанные

духовные основы способны сделать Россию достаточно сильной для осуществления ее призвания, то есть того, что хочет от нее Сам

Бог. Они же являются критериями, по степени соответствия которым и возможно осмыслить место России в настоящем и будущем.

Литература

1. Соловьев В. Духовные основы жизни // Социальное значение религиозной личности. Вышний Волочек, 1903.
2. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVII Всемирного русского народного собора // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата. 2013. 31 октября. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3334783.html>.
3. Карташев А. В. Завет св. кн. Владимира // Путь. 1932. № 36.
4. Карташев А. В. Очерки по истории русской Церкви. М., 1991. Т. 1.
5. Мацейна А. Бог и свобода. М., 2009.
6. Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати. Памятники литературы Древней Руси. XI век. М., 2003.
7. Осипов А. И. Свобода христианина, свобода Церкви и религиозная свобода. URL: <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=694>.
8. Шмеман А. За жизнь мира. Вильнюс, 1991.
9. Св. Феофан Затворник. Наставления в духовной жизни. М., 2000.
10. Святитель Василий Великий. Беседа XXI «О том, что не должно прилепляться к житейскому» // Святитель Василий Великий. Беседы. М., 2001. Т. IV.
11. Святитель И. Максимович. Россия. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/47238.htm>.
12. Святитель Иоанн Златоуст. Творения. Почаев, 2009. Т. 1.
13. Сокольский В. (свящ.). Евангельский идеал христианского пастыря. Казань, 1905.
14. Соловьев В. Россия и вселенская церковь / пер. с франц. Г. А. Рачинского. Брюссель, 1969. Т. XI.
15. Федотов Г. П. Социальное значение христианства. Париж, 1933.
16. Франк С. Л. Религиозные основы общности // Путь. 1925. № 2.
17. Франк С. Л. Церковь и мир, благодать и закон // Путь. 1927. № 4.
18. Чельцов М. П. Христианство и политика // Христианское чтение. 1906. № 4.
19. Яннарас Х. Просто о христианстве. Тюмень, 2012.

Bibliography

1. Soloviev V. Spiritual foundations of life // The social significance of religious identity. Vishny Volochek, 1903.
2. Address by His Holiness Patriarch Kirill at the opening of XVII World Russian People's Council // Russian Orthodox Church. The official website of the Moscow Patriarchate. 2013 on 31 October. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3334783.html>.
3. Kartashov A. Testament of Vladimir // Way. 1932. № 36.
4. Kartashov A. Essays on the History of the Russian Church. Moscow, 1991. Vol. 1.
5. Matseyna A. God and freedom. Moscow, 2009.
6. Metropolitan Hilarion. Sermon on law and grace. Monuments of literature of ancient Russia. XI century. Moscow, 2003.
7. Osipov A. Freedom of a Christian, the freedom of the Church and freedom of religion. URL: <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=694>.
8. Schmemmann A. Over the life of the world. Vilnius, 1991.
9. St. Theophane the Recluse. Instruction in spiritual life. Moscow, 2000.
10. St. Basil the Great. Talk XXI «That should not cling to worldly» // St. Basil the Great. Conversations. Moscow, 2001. Vol. IV.
11. St. Ivan Maksimovic. Russia. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/47238.htm>.
12. St. John Chrysostom. Creation. Pochaiv, 2009. Vol. 1.
13. Sokolsky V. The Gospel ideal of a Christian pastor. Kazan, 1905.
14. Soloviev V. Russia and the Catholic Church / transl. from French G. A. Racha. Brussels, 1969. Vol. XI.
15. Fedotov G. The social significance of Christianity. Paris, 1933.
16. Frank S. The religious basis for public // The Way. 1925. № 2.
17. Frank S. The Church and the world, grace and law // Way. 1927. № 4.
18. Tcheltsov M. Christianity and politics // Christian reading. 1906. № 4.
19. Yannaras X. Just about Christianity. Tyumen, 2012.

Брусенская Людмила Александровна
Brusenskaya Lyudmila Aleksandrovna

профессор кафедры русского языка и культуры речи Ростовского государственного экономического университета («РИНХ») доктор филологических наук, профессор.

Professor, Department of the Russian Language and Speech Culture, Rostov state economic university (RINKH),
Doctor of Philology, Professor.
Тел.: 8(905) 450-84-72.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Legal linguistics and linguoecology: aspects of interaction

Статья посвящена вопросам взаимодействия юридической лингвистики и лингвистической экологии. Культура речи, следование риторическому канону интерпретируются автором в экологическом аспекте как составляющие элементы здоровой окружающей среды современного человека. В статье анализируется лингвистическое право человека, подчеркивается необходимость его защиты на уровне государства.

Ключевые слова: лингвистическое право, дискурс, obscenизм, культура речи, лингвоэкология.

Article is devoted to aspects of interaction of legal linguistics and linguistic ecology. The standard of speech, following to a rhetorical canon are interpreted in ecological aspect as a component of healthy environment of a modern person. The humiliation and a stress which person usually feels from vulgarisms, obscenizms, etc. can belong to violation of the linguistic right. The law has to protect a «linguoecologic» human right.

Keywords: linguistic right, discourse, obscenism, speech culture, linguistic ecology.

Лингвистическое знание уже давно перестало быть узкоспециальным и слилось с общенаучными исканиями времени, при этом для современной лингвистики характерен поликонцептуализм, когда новая исследовательская парадигма не отрицает предшествующие, а дополняет и обогащает их. Именно так обстоит дело и с появлением новых междисциплинарных наук – юридической лингвистики (юрислингвистики) и лингвоэкологии (лингвистической экологии). Наследуя ряд принципиальных положений классической лингвистики, они не оставляют их в неизменном виде, а развивают и обогащают путем привлечения идей многих гуманитарных [5, с. 7] и естественных наук. «Здоровье» языка, все аспекты которого берется исследовать экологическая лингвистика, есть важнейшее условие сохранения этнической идентичности народа [4, с. 6] и главная составляющая национальной безопасности государства. Экологический подход стал широко использоваться применительно к проблемам исчезающих языков (и задача, как и в случаях с вымирающими видами животных, состояла в их сохранении). Но экологическая интерпретация возможна не

только в тех крайних случаях, когда языку грозит подлинная гибель, но и во многих гораздо менее острых ситуациях. Этот термин все чаще стал применяться в связи с разрушением равновесия языка и культуры, расширением сферы применения инвективной лексики. Поэтому лингвоэкология имеет высокую социальную, культурологическую и духовно-нравственную значимость. Культура речи, следование риторическому канону интерпретируются в экологическом аспекте как составляющие здоровой окружающей среды современного человека. Главное – это следовать общеэкологическому принципу (сформировавшемуся, как известно, в медицине) «не навреди». При этом лингвистическая экология требует массового воспитания носителей языка, привития им навыков языковой культуры, поддержания коммуникативного пространства в целом [10], понимаемого как общее благо. Многие исследователи сегодня так или иначе затрагивают отдельные «кризисные» явления в языке: пишут о «синдроме» заимствований, криминализации языка, негуманитарности социальной мысли, порождающей «лингвоцинизм», жаргонизацию и вульгаризацию речи, об общем

падении грамотности и т. п. Ряд этих проблем соотносится не только с лингвистикой и этикой, но и правом.

Лингвистическая норма неотделима от этико-лингвистических установлений [1]. Многие этико-лингвистические нормы соблюдаются людьми интуитивно, без специального их изучения. Невозможно обратиться с приветствием *добрый день, доброе утро* к человеку, у которого в этот день случилось несчастье. Но для культурного человека (в соответствии с этико-лингвистическими нормами) малопримлемо призыв в коммерческой телерекламе *Бери от жизни все!* или плакат у книжного магазина *Читать – модно! Читать – круто!*

А. П. Романенко пишет о том, что СМИ «неустанно культивируют праздничное, приподнятое настроение», а наибольшей популярностью пользуются «слова, имеющие развлекательно-дурашливую семантику» [12, с. 515]: *отпад, оттянуться, отрываться, расслабиться, приколоться, приколы, с прибабахом, торчать, тусоваться, тащить, шизеть, чумовой* и т. п., что также многими представляется нарушением этико-лингвистических норм.

Традиционно считалось, что нормативное более статусно. В современных коммуникативных условиях [9] уместно уточнение: верно и обратное, то есть более статусно – более нормативно. Человеку с достаточно высоким статусом прощаются языковые вольности, сочтя их вполне приемлемыми, даже удачными с точки зрения выразительности и изобразительности. Именно так слушатели восприняли слова о «бандитских рожах», прозвучавшие в ежегодном Послании к Федеральному Собранию Президента РФ В. В. Путина от 3 декабря 2015 года.

На примере творчества ведущих писателей, известных еще в советское время, заметно, насколько снизился в постперестроечный период порог дозволенности в использовании инвективы [8]. Ранние произведения В. Астафьева отличались целомудрием и сдержанностью, а теперь его роман «Прокляты и убиты» содержит непрерывный поток обесценизов и вульгаризмов, что и послужило поводом к тому, что многие его читатели разочаровались в этом произведении. В. Токарева последнее время в своих текстах запросто вводит непечатное прежде, не применяя при этом

ни отточий, ни других способов эвфемизации.

Сегодня актуальна проблема защиты особой разновидности прав человека – лингвистического права, которое может и должно стать частью закрепленных международными стандартами и свидетельствами прав человека. Оно включает несколько составляющих, в которые входит также и право на лингвистическую экологию: согласно этому праву человек не должен находиться в языковой среде, чуждой ему, которая способна привести к тому, что он терпит коммуникативный ущерб. К нарушению лингвистического права могут относиться унижение и стресс, которые обычно человек испытывает от обесцененной лексики.

Сатирик М. Задорнов предлагает один из способов защиты лингвоэкологического права личности. В предвыборную кампанию 2012 года им были опубликованы «дополнения» к программам кандидатов на пост президента, в которые он включил такое предложение: «Год тюрьмы тому, кто матерится в общественном месте. Хочешь сквернословить – собери достойную компанию у себя дома и давай начинать!» (Советская Россия, 2012, 11 февраля).

Право на лингвистическую экологию тесным образом связано с правом человека на защиту собственной чести и достоинства. Судебные иски об оскорблении чести и достоинства, их частота определяют тесное профессиональное взаимодействие филологов и юристов.

Этико-лингвистические нормы определяют гармоничную коммуникацию, их нарушение – в высшей степени деструктивное явление даже в тех случаях, когда речь не идет о защите чести и достоинства в судебных исках [11]. Показателен фрагмент интервью с кинорежиссером Э. Рязановым в канун его 80-летия:

Э. Рязанов: *Я, как и большинство населения нашей страны, не понимаю, почему режиссер, чьи фильмы были рекорды по посещаемости, должен ходить к банкирам и кланяться им в пояс. Не для себя деньги прошу, а чтобы сделать очередную картину!*

Корр.: *Значит, у вас еще есть замыслы?*

Э. Рязанов: *Вопрос очень оскорбительный по сути своей. А у вас есть еще замыслы в жизни? У меня ЕЩЕ есть. У меня и аппетит хороший. Я и выпить могу. И с девушкой погулять тоже. А вы: «Вам в гроб пора, дорогой» (Аргументы и факты, 2007, 5 июня).*

Чаще всего оскорбление осуществляется с помощью лексики, не отвечающей принципам политкорректности. Ср. эпизод из кинофильма А. Балабанова «Брат-2», в котором главный герой – Данила Багров – при разговоре с афро-американцем использует слово *негр*. Даша его исправляет: *Не негр, а афро-американец. Негр для них обидно, это оскорбление*. Главный герой озадачен: *А какая разница? Меня в школе так учили. В Китае живут китайцы, в Германии – немцы, а в Африке – негры*.

Нарушения этико-лингвистической нормы бывают и не такими явными. Ср.: В учреждениях (почтовых отделениях, поликлиниках и так далее) г. Ростова-на-Дону осенью 2007 года были вывешены такие листовки:

Уважаемые жители Ростовской области!

Предупредим угрозы террористических актов на территории России и нашего региона. С этой целью: если вы, находясь в общественном транспорте, заметили подозрительного человека (в том числе и женщину), имеющего при себе какую-нибудь ручную кладь, проконтролируйте его выход...

Одной из главных задач юридической лингвистики является правовая регламентация обценной лексики. Несмотря на то, что эти лексические единицы по традиции (в самом начале становления юридической лингвистики) находились в центре внимания «юрислингвистов», до сих пор не выработаны рекомендации юридического характера. Ценными для юрислингвистики оказываются такие работы, в которых обосновывается с помощью данных экспериментов и опросов, проводимых среди носителей языка, типологического описания ситуаций и сферы использования тех или иных единиц языка и частотности, изучения русской лингвокультурной традиции их употребления степень инвективности тех или иных слов и классификация обценных выражений с учетом шкалы инвективности. «Особую роль для юрислингвистики могло бы сыграть психолингвистическое изучение воздействия обценной лексики при ее восприятии различными слоями носителей языка – от этого зависит ее квалификация в аспекте лингвистической экологии, лингвистической дискриминации и в конечном счете сама возможность юридической регламентации нецензурных слов» [2, с. 26]. Но трудности, связанные с юридической регламентацией инвективной лексики, вызваны

тем, что многие носители языка считают инвективную функцию естественной, даже полезной (имеется в виду, что инвектива не только демонстрирует агрессивность общества, но может также способствовать снижению агрессии, выведению ее из области дела в область слова).

Проблема, связанная с оскорбительным звучанием слова, в настоящее время становится все более актуальной в юридическом континууме, однако российские юристы, по замечанию В. И. Жельвиса [3, с. 9], пока располагают незначительными средствами, способными помочь четкому определению правовых границ данного феномена: что является безусловно оскорбительным, а что ограничивают определенные условия времени и места и т. п. Даже относительно бесспорных обценизмов эта проблема не решена.

В контексте лингвоэкологии в высшей степени важна педагогическая проекция данной проблемы. В этом отношении показательна работа И. А. Стернина [13], где предлагаются в полном смысле «рецепты спасения». Автор свел свои рекомендации к пяти положениям. Итак, чтобы справиться со стихией сквернословия, необходимо следующее: 1) развивать речь детей; 2) разъяснять, что сквернословие недопустимо не вообще, а только в общественном месте (причем присутствие при коммуникации хотя бы одного постороннего человека создает «общественное место»); 3) придумать «свои ругательства» (автор считает, что «выпустить пар» человек может и с помощью обычных неинвективных слов, которым он сам придает эту особую функцию и таким образом не оскорбляет присутствующих); 4) заменять непристойные обценизмы жаргонизмами (в этом смысле автор видит позитивную функцию глагола *трахать*); 5) надо не запрещать, а разрешать и ограничивать. Все положения, кроме третьего (тут автор приводит пример девочки, которая ругалась так: *У, колготка!* – весьма надуманный, на наш взгляд), представляются вполне убедительными и воспринимаются как руководство к действию. Это особенно ценно, поскольку очень часто и профессиональные педагоги, и родители занимают в этом вопросе пассивную позицию, так как считают, что бороться бесполезно. Ср. анекдот: *Если ваш ребенок начал употреблять нецензурные слова, нужно не огорчаться, а радо-*

ваться: значит, у него хороший слух и хорошая память.

Педагогическую борьбу со сквернословием всегда «подгачивали» примеры использования обценизмов в текстах авторитетных авторов. Классический пример «разрешения противоречия» И. А. Стернин видит в фильме А. Салтыкова «Председатель» (автор сценария – Ю. Нагибин). Е. Трубникову надо отреагировать на нецензурщину, которой «украсили» его детище – план развития села Коньково. Он кричит, что на фронте с помощью таких слов он «гнал людей под кинжальный огонь», потом предлагает: «А ну, бабы, закройте слух». Того, что он говорит, не слышно, на экране показана только реакция людей. То есть действенный характер (и даже эстетическая роль) таких слов не ставится под сомнения, однако необходимо соблюсти и формальные (совершенно правомерные!) запреты. И. А. Стернин проводит аналогию с античным театром. Смерть, убийство часто были предметом трагедий, но существовал запрет: убийство не должно было совершаться на сцене.

В художественных и публицистических текстах традиционно используются приемы отточий, а в стихотворных произведениях обценизм часто восстанавливается как рифма. Это характерно, например, для текстов Д. Быкова, где вместо подсказываемого рифмой обценизма располагается либо многоточие, либо нейтральное слово: *Недавно, так случилось, я участвовал в трех разговорах о ненормативной лексике. В одном из разговоров принимали*

участие нравные Невзоров и Джигурда, в другом – футболисты, в третьем – шальные эстрадные нимфетки с дурными манерами. Энд – куда без них? – непримиримые борцы за мораль, двое никому неизвестных писателя и томная дама – университетский преподаватель... Ну что вы, разумеется, на съемках все в белых одеждах, полный пи... я имел в виду паноптикум. Но, если что, я тоже знаю слово фрустрация и умею строить брови домиком. И это не мешает мне быть апостолом добра, ювелирно владеющим обценной лексикой, читай: горячей.

На съемках все орут или впадают в овощное оцепенение (это когда я сдула употребил слово трансцендентальный), я хоть тут спокойно выскажусь. При этом я рискую натурально: я знаю о способности нашей публики все истолковывать превратно, ну да ладно. «Душистый» словарь, который мною изучен в совершенстве, – это вопросы контекста и мастерства. Ты непременно должен быть хорошим парнем, горой стоящим за Важное, и никогда не козырять этим лексиконом при дамах и детях. Добро должно быть с кулаками, а просвещенный человек – с октановыми словами в арсенале. Понятно, вашу лицемерную мать? (О. Кушанашвили. Я и Путь in. Как победить добро).

Итак, мера использование обценизмов – это, как афористично сформулировал «апостол добра, ювелирно владеющий обценной лексикой» О. Кушанашвили, «вопрос контекста и мастерства».

Литература

1. Беляева И. В., Куликова Э. Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2009. № 22 (160).
2. Голев Н. Д. Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика–1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999.
3. Жельвис В. И. Брань в зеркале права: взгляд из Америки // Юрислингвистика–5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: межвузовский сборник научных статей. Барнаул, 2004.
4. Заяц П. В. Информационные ресурсы регионального развития в системе политическо-

Bibliography

1. Belyeva I. V., Kulikova E. G. Manipulative distortion: linguistic sense of euphemisms // Bulletin of the Chelyabinsk state university. Series «Philology. Art Criticism». 2009. № 22 (160).
2. Golev N. D. Statement of problems on a joint of language and law // Yurilinguistics–1. Problems and Prospects. Barnaul, 1999.
3. Zhelvis V. I. Obscenisms in a mirror of law: a look from America // Yurilinguistics–5. Legal aspects of language and linguistic aspects of law. Interuniversity collection of scientific articles. Barnaul, 2004.
4. Zayats P. V. Information resources of regional development in system of political engineering // Philosophy of law. 2013. № 6 (61).

го инжиниринга // *Философия права*. 2013. № 6 (61).

5. Заяц П. В. Инжиниринг в гуманитарном исследовании // *Философия права*. 2014. № 1 (62).

6. Заяц П. В. Инжиниринговые исследовательские практики аутсорсинга региональных систем // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. № 12.

7. Заяц П. В. «Система» как когнитивная категория анализа в инжиниринговых исследовательских практиках // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 7.

8. Куликова Э. Г. Массовая коммуникация в современной России: норма в лингвистике и паралингвистике // *Философия права*. 2012. № 1.

9. Куликова Э. Г. Культурное пространство современной России: проблема языковой небрежности и неадекватных образцов // *Философия права*. 2012. № 3 (52).

10. Куликова Э. Г. Прецедентные тексты: лингвистика и право, категория вариантности и отклонение от нормы // *Философия права*. 2013. № 3 (58).

11. Куликова Э. Г. «Правовая ответственность» и «правовая неопределенность» как категории современного публичного дискурса // *Философия права*. 2015. № 4.

12. Романенко А. П. Особенности современной словесной культуры // *Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина* / отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М., 2007.

13. Стернин И. А. Проблема сквернословия. Изд. 5, доп. и перераб. Воронеж, 2011.

5. Zayats P. V. Engineering in humanitarian research // *Philosophy of law*. 2014. № 1(62).

6. Zayats P. V. Engineering investigating practices regional systems outsourcing // *Social and humanitarian knowledge*. 2014. № 12.

7. Zayats P. V. «System» as cognitive category of the analysis in engineering investigating practices // *Social and humanitarian knowledge*. 2015. № 7.

8. Kulikova E. G. Mass Communication in modern Russia: norm in linguistics and paralinguistics // *Philosophy of law*. 2012. № 1.

9. Kulikova E. G. Cultural space of modern Russia: problem of language negligence and inadequate samples // *Philosophy of law*. 2012. № 3 (52).

10. Kulikova E. G. Precedent texts: linguistics and law, category of variability and deviation from the norm // *Philosophy of law*. 2013. № 3 (58).

11. Kulikova E. G. «Legal responsibility» and «legal uncertainty» as categories of a modern public discourse // *Philosophy of law*. 2015. № 4.

12. Romanenko A. P. Features of modern verbal culture // *Language in the Dynamics: To L. P. Krysin's 70-anniversary* / chief-edition E. A. Zemskaya, M. L. Kalenchuk. Moscow, 2007.

13. Sternin I. A. A Problem of Obscenizm. 5-th ed., added and proc. Voronezh, 2011.

Колесникова Елена Юрьевна
Kolesnikova Elena Yurievna

доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета кандидат социологических наук.

Associate Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, PhD in Sociology.
Тел.: 8(950) 852-56-48.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РАКУРСЕ КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ*

Social behavior from the perspective of classical and contemporary approaches in social sciences

В статье рассматриваются классические и современные подходы к изучению социального поведения в гуманитарном знании. В рамках выявленных исследовательских подходов представлена структурная модель взаимодействия объективных и субъективных факторов, детерминирующих социальное поведение человека. Обоснована необходимость разработки методологического конструкта междисциплинарного исследования форм социального поведения, который позволит посредством синтеза результатов монодисциплинарных разработок объяснить полиструктурные модели социального поведения, отражающие новую реальность социального бытия человека.

Ключевые слова: личность, социальное поведение, структурная модель, факторы, детерминанты социального поведения, ментальные программы, междисциплинарный подход.

The article deals with classical and modern approaches to the study of social behavior in the humanities. In the framework of the identified research approaches presented structural model of the interaction of objective and subjective factors determining social behavior. The necessity of developing a methodological construct an interdisciplinary study of forms of social behavior, which will allow, on the basis of a synthesis of the results of monodisciplinary research, to justify polystructural patterns of social behavior that reflect the new social reality of human existence.

Keywords: personality, social behavior, structural model, factors, determinants of social behavior, mental programs, interdisciplinary approach.

Стремительное развитие новых форм социальной реальности, безгранично расширивших социальный опыт человека благодаря тотальной доступности глобального информационного пространства, и симбиоз реальных и виртуальных форм социальной активности существенно изменили не только структуру социальных практик и основания социального поведения, но и традиционные формы субъективных реакций, когнитивные и аксиологические константы социального поведения, рефлексивные и неосознанные механизмы и мотивации социального поведения. В связи с этим актуализировались проблемы, связанные с выявлением и концептуальным осмыслением факторов, оказываю-

щих влияние на социальное поведение и формирование его моделей.

В гуманитарном знании (социальной психологии, социологии, культурологии) социальное поведение понимается как присущая человеку форма взаимодействия с окружающей социальной средой, опосредованного как ее внешней структурой и организацией, так и феноменологией самого сознания человека. Социальное поведение есть проявление активности субъекта, детерминированное формальными и неформальными социальными институтами, культурой, императивы которых корректируются в соответствии с когнитивной и аксиологической субъектностью личности человека, проявляющейся в его возможности

* Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе».

инициировать произвольные социальные реакции на ситуации, саморефлексирующие действия, поступки, а также конструировать психические образы и личное отношение к феноменам реального или воображаемого мира.

В научной литературе представлен значительный опыт как узкодисциплинарных, так и междисциплинарных исследований проблем социального поведения человека: соотношение биологического и социального в человеке, сознательного и бессознательного, роли внутренних и внешних, эндогенных и экзогенных факторов и детерминант в социогенезе и социализации личности; соотношение личностных и общественных факторов поведения человека в системе микро-, мезо- и макросоциума, особенностей мотивации поведения, стимулов и ограничений социальной активности, регуляции и саморегуляции, выявлении степени и характера доминирования объектно-субъектных отношений и поликультурного многообразия в различных социальных группах и общностях, особенностей социального поведения человека в виртуальном мире социальных сетей, пространстве искусственных интеллектуальных установок. Все это определяет разнообразие имеющихся сегодня в научном дискурсе теоретических концепций и моделей исследования социального поведения.

Среди них одной из наиболее востребованных является теория детерминант (А. А. Ухтомский, Б. Ф. Ломов, К. К. Платонов, Л. М. Попов, Б. Д. Парыгин, С. Московичи, К. Левин). Согласно Б. Ф. Ломову [4, с. 42], детерминанты социального поведения личности – это система факторов, условий, предпосылок, свойств, определяющих средства и способы его реализации. При оценке социального поведения, как полагает Л. М. Попов [9, с. 38], должны быть выявлены его регуляторы-детерминанты, внешние и внутренние. Внешние представлены социальными нормами и ценностями культуры, и в этом случае социальному актору предписывается конкретный тип социального поведения в той или иной ситуации. К внутренним детерминантам принадлежат установки, система ценностных смыслов, ориентаций, мотивов, психологические особенности личности. Это результаты эволюции личности, трансформаций, происходящих в ней в процессе социализации. Кроме того, как следует из теории детерминант, содержательное наполнение

внешних факторов вне личности не локализуется, оно субъективировано.

Суммируя теоретические позиции группы зарубежных и отечественных авторов по проблемам социального поведения, все многообразие внешних и внутренних факторов-детерминант социального поведения можно объединить в 8 групп: 1) детерминанты социально-психологического и личностного развития (социальный интеллект, идентичность, черты характера, интересы, способности, саморегуляция, активность, мотивация, характеристики самоопределения, направленность и система ценностных ориентаций и т. п.); 2) социально-психологические детерминанты: символы, традиции, предрассудки, мода, вкусы, коммуникация, слухи, реклама, стереотипы; 3) детерминанты, выраженные в психофизиологических характеристиках личности (темперамент, свойства нервной системы, эмоциональные состояния, состояние здоровья); 4) факторы, определяющие когнитивные характеристики личности (информированность, уровень знания о мире вообще и социальных системах и формах отношений, личный опыт, квалификация и другие); 5) ситуативные факторы (предшествующие ситуации события, предполагаемые ситуации, поведенческий опыт разрешения ситуаций, динамика актуальной ситуации, динамика социального времени и т. п.); 6) устоявшиеся характеристики субъективных отношений личности к предметам окружающего мира, себе, собственному поведению, другим поведенческим паттернам и так далее; 7) факторы, определяющие качество и содержание непосредственной социальной среды (региональные, историко-региональные, демографические; социальное окружение: референтная группа, средства информации; социально-экономические, социокультурные условия жизни, уровень воспитания, обычаи, традиции и т. п.); 8) детерминанты локальной культуры (субкультуры), этноса, поселенческой структуры, характерные для данной местности.

Социальное поведение в различных условиях его реализации может быть обусловлено «диспозиционными образованиями», концепция которых развита в теории диспозиций личности (Г. Олпорт и др.). Диспозиции личности маркируются направленностью, интенцией, которая может вмещать в себя все многообра-

зие желаний и устремлений социального субъекта.

В отечественной литературе теория диспозиций разрабатывается В. А. Ядовым [14]. Под диспозицией понимается определенная личностная предрасположенность человека к восприятию социальной ситуации и сложившихся условий деятельности, устойчивая склонность к выбору той или иной формы социального поведения в этих обстоятельствах.

Следующий широко используемый в социальной психологии и социологии подход к изучению социального поведения – теория социальной установки (У. Мак-Гайр, Ф. Хайдер, К. Ховланд, Г. Г. Дилигенский, Д. Н. Узнадзе и другие). Концепт «социальная установка» связан с устойчивой предрасположенностью, мобилизацией индивида (или группы) к социальному действию, ориентированному на социально значимый объект.

Известный грузинский психолог Д. Н. Узнадзе [13, с. 87] полагает, что в установке выражается внутреннее состояние готовности, интенциональность поведенческой активности социального субъекта. Установка формируется в процессе социализации и инкультурации индивида и является неосознаваемым состоянием, предшествующим той или иной деятельности. При этом именно установка выступает ключевым «фактором, направляющим и определяющим содержание нашего сознания» [13, с. 88].

В когнитивистской традиции объяснение причин изменений в социальных установках личности дается в терминах теории когнитивного диссонанса (Ф. Хайдер, Г. Ньюком, Л. Фестингер, Ч. Осгуд, П. Танненбаум). Согласно этому подходу трансформация установки происходит в том случае, когда в когнитивной структуре индивида возникает противоречие: к примеру, негативная установка, связанная с каким-либо объектом, сталкивается с позитивной установкой на «лицо», дающее этому объекту позитивную характеристику. Несоответствие может возникать и по другим причинам. Главным стимулом для изменения здесь становится потребность индивида в «реставрации» когнитивного консонанса, то есть упорядоченного, структурированного, однозначного восприятия окружающего социального мира.

Фактически различия между разными подходами связаны с тем, в какой степени ситуа-

ционные факторы способны детерминировать поведение человека. Ситуационный подход в теории социального поведения (Х. Хеккхаузен, К. Левин, У. Томас, Л. Выготский, У. Мишел, Л. Росс, Р. Нисбетт) представляет собой систему теоретических, методологических, методических представлений, формирующихся на базе следующих взаимосвязанных принципов: 1) принцип ситуационизма, делающий акцент на ситуационных и контекстуальных воздействиях на социальное поведение субъекта; 2) принцип субъективной интерпретации ситуации, акцентирующий внимание на субъективных трактовках ситуации ее протагонистами.

В основу ситуационного подхода был положен методологический принцип, обязывающий рассматривать поведение человека в системных рамках единства личности и переживаемой ею ситуации. Тем самым была предпринята попытка преодоления традиционной методологии жесткого противопоставления внутренних (личностных) и внешних (ситуационных) факторов.

В конце 80-х годов XX века была издана знаменитая книга американского психолога Л. Росса и канадского психолога Р. Нисбетта «Человек и ситуация» [10], которая вошла в число самых значительных психологических работ десятилетия, став неким «вызовом» ситуационного подхода, брошенным современной социальной психологии. Основная идея авторов книги заключалась в аргументации невозможности прогнозирования социального поведения индивида на основе знания о его личностных особенностях или моделях поведения в других ситуациях. Апеллируя к идеям К. Левина [3], авторы предлагают три фундаментальных принципа, которые должны стать базовыми для понимания и интерпретации поведения социального субъекта: принцип ситуационизма (представление о мощном определяющем влиянии социальной ситуации); принцип субъективной интерпретации (которая является результатом взаимодействия ситуации и индивида); и представление о напряженных системах (индивидуальная и коллективная феноменология предстают как системы, пребывающие в напряжении).

Оригинальный и весьма существенный вклад в развитие теории социального поведения был внесен отечественной социологической школой. Теоретические и инструменталь-

но-прикладные исследования социального поведения, начавшие формироваться в отечественной социологии в середине прошлого века, сегодня представляют собой весьма разветвленную область научного знания.

Разнообразие социологических подходов и взглядов на природу социального поведения человека выразилось в существовании множества социологических концепций, в том числе и институциональной теории социального поведения, объяснительные возможности которой чаще других используются в социологических исследованиях российских ученых.

Институциональная теория (Т. Парсонс, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и другие) трактует социальное поведение в формате действия единой социальной системы и составляющих ее институтов (функционирование которых предопределено набором соответствующих социальных ролей, норм, санкций). Социальное поведение в этом контексте есть результат принятия субъектом установленных в данном социуме функциональных требований и санкций за ненормативные действия. Все это гарантирует необходимый уровень социального порядка и предсказуемости социального поведения.

Ряд теорий социального поведения был развит в рамках культурологических подходов. Согласно теории структурализма (К. Леви-Стросс, М. Фуко) главная роль в социальном поведении отводится языку, «коллективному бессознательному», а также «ментальным структурам». Таким образом, модели социального поведения в рамках данного подхода детерминированы «ментальными структурами» и «коллективным бессознательным» [1, с. 83].

В контексте игрового подхода (Й. Хейзинга, С. Лем) культура возникает в форме игры, она «разыгрывается». И даже те виды деятельности, которые формально ориентированы на удовлетворение жизненных потребностей, стремятся воплотиться в игровую форму. В этих играх общество как бы манифестирует, выражает свою интерпретацию жизни и окружающего мира. Следовательно, игра оборачивается культурой, которая, в свою очередь, имеет характер игры, реализуется в игровых формах и пронизана ее настроением. Нидерландский философ, исследователь культуры Й. Хейзинга [11] ставит знак равенства между игрой и культурой. Согласно его концепции именно игровой характер культуры дает возможность

социальному актору выработать модели своего социального поведения, позволяющие ему выжить в социуме.

Представители семиотического, или знакового, подхода к интерпретации культуры Э. Кассирер, Ю. М. Лотман полагают, что социальные системы общества оформлены преимущественно лингвистически. Слово несет существенную этологическую нагрузку, лингвистическая коммуникация репающим образом определяет поведенческие процессы, выступает организатором социального поведения.

Еще один подход к исследованию социального поведения – концепция ментальных программ предложен голландским ученым Г. Хофстеде [15]. Под ментальными программами, детерминирующими социальное поведение, Г. Хофстеде подразумевает «образцы размышлений, чувств и действий». Источниками ментальных программ являются культура и социальное окружение, то есть те социальные условия, в которых протекает социализация и инкультурация человека. В оптике данного подхода социальное поведение человека связано как с осознанными аттитюдами и ценностями, привитыми в процессе социализации, так и с бессознательными установками, обусловленными культурными константами и базовыми архетипами. Последние представляют собой совокупность неосознанных архаических образов, ценностей и установок, носящих устойчивый характер. Как только складываются подходящие жизненные ситуации, они активизируются и начинают действовать, зачастую против разума и воли [6, с. 69].

Резюмируя все рассмотренные теоретические подходы и модели исследования социального поведения в рамках дисциплинарно-предметной парадигмы, можно следующим образом структурировать многообразие объективно-субъективных детерминант социального поведения (признание которых в качестве ключевых и отличает друг от друга изложенные выше исследовательские подходы и модели):

- 1) внутренние, субъективные, индивидуально-психологические детерминанты: потребности, цели, интересы, мотивы, установки и т. п.;
- 2) внешне акцентированные социально-групповые детерминанты – характер личностного взаимодействия в группе, групповые

нормы, ролевые директивы, ценностные ориентации;

3) социокультурные детерминанты индивидуального поведения, включающие специфику локальной социально-экономической среды, «наполненность» непосредственного социального пространства артефактами культуры и смысловыми символами, знаковыми конкретно-психологическими формами, элементами культуры (ценностями и нормами) как регуляторами социального поведения личности;

4) макросоциальные детерминанты, определяющие поведение субъекта как «человека пространственного» (регион, ландшафт, историко-региональные артефакты культуры), проявляющиеся в различных сферах жизни общества – экономической, социальной, политической, правовой, духовной.

Современные социологические концепции социального поведения представляют его в виде структурной модели короткого поведенческого сценария [8, с. 110], или когнитивно интерпретированного образца социальной активности. При этом методологическом подходе модели социального поведения оказываются упрощенными представлениями – образами реальности, которые необязательно должны отражать социальную реальность во всей полноте.

Литература

1. Галушко В. Г. Семиотический и аксиологический подходы в изучении коммуникации // Социосфера. 2015. № 56.
2. Ильющкин В. В. Социальный стереотип как концентрированное выражение социальной установки // Вестник науки и образования. 2015. № 1 (3).
3. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
4. Ломов Б. Ф. Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии. М., 1991.
5. Лубский А. В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10.
6. Лубский А. В. Цивилизационный дискурс в условиях глокализации // Философия права. 2016. № 2.
7. Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.
8. Павленко О. Б. Взаимосвязь ценностей

Данное методологическое ограничение позволяет глубже «погрузиться» в тот или иной когнитивный образ социальной реальности или представить ее в виде наиболее вероятно возможной синергии доступных для восприятия личности фактов и обстоятельств конкретной ситуации, что создает интеллектуальный ресурс для использования в исследовательской практике междисциплинарных подходов [5, с. 3–11], максимально улавливающих полиструктурный многоуровневый характер факторов – детерминант социального поведения, включая внешние и внутренние, сознательные и бессознательные, нормативные и модальные.

Таким образом, эволюция моделей социального поведения связана с разработкой и развитием методологии междисциплинарных исследовательских практик, в рамках которых осуществляется обобщение накопленного монодисциплинарного знания и формируется новый, более сложный класс задач по созданию целостной социологической теории, обеспечивающей интегрированные результаты воздействия совокупности факторов-детерминант на социальное поведение современного человека.

Bibliography

1. Galushko V. G. Semiotic and axiological approaches in the study of communication // Sphere. 2015. № 56.
2. Ilushkin V. V. Social stereotype as the concentrated expression of social systems // Herald of science and education. 2015. № 1(3).
3. Levin K. Field theory in the social sciences. St. Petersburg, 2000.
4. Lomov B. F. General, teaching and engineering psychology. Moscow, 1991.
5. Lubsky A. V. Interdisciplinary research: cognitive fashion or social call // Sociological researches. 2015. № 10.
6. Lubsky A. V. Civilizational discourse in the face of glocalization // Philosophy of law. 2016. № 2.
7. Moscovici C. Machine that creates real gods. Moscow, 1998.
8. Pavlenko O. B. Correlation values of culture and models of social behavior // Almanac of modern science and education. 2010. № 10 (41).

культуры и моделей социального поведения // Альманах современной науки и образования. 2010. № 10 (41).

9. Попов Л. М., Кашин А. П., Старшинова Т. А. Добро и зло в психологии человека. Казань, 2011.

10. Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация. М., 2000.

11. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб., 2011.

12. Хеккхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб., 2003.

13. Узнадзе Д. Н. Общая психология. СПб., 2004.

14. Ядов В. А. О социологической составляющей диспозиций // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М., 2013.

15. Hofstede G. Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. Thousand Oaks, 2001.

9. Popov I. M., Kashin A. P., Starshinova T. A. Good and evil in human psychology. Kazan, 2011.

10. Ross L., Nisbet R. Person and situation. Moscow, 2000.

11. Hejzinga J. Homo ludens. People playing. St. Petersburg, 2011

12. Heckhausen H. Motivation and activities. St. Petersburg, 2003.

13. Uznadze D. N. General psychology. St. Petersburg, 2004.

14. Yadov V. A. On the sociological component disposition types // Self-regulation and predicting social behavior: dispositional concept. 2 ed. Moscow, 2013.

15. Hofstede G. Culture's Consequences, Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. Thousand Oaks, 2001.

Салтыков Константин Геннадьевич
Saltykov Konstantin Gennadievich

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Civil and Legal Disciplines, Far Eastern Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: terminpravo@mail.ru

**ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ
КОММУНИКАТИВНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ
ИСТИННОСТИ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

**Linguistic aspects of communicative epidemiological justification
of the truth in the law**

Статья посвящена обоснованию истинности в юридическом измерении, что предполагает использование весьма тонкого методического инструментария для анализа роли языка в социальных практиках человека и способов рефлексии над ним. Автор полагает, что истинность в праве является многоуровневым феноменом, не сводимым лишь к эпистемологической категории, а когнитивизм должен быть сопряжен с коммуникативной составляющей юриспруденции.

Ключевые слова: язык, коммуникация, юридический термин, эпистемология, истинность, право, моделирование.

The article is devoted to justification for the truth in the legal dimension involves the use of very fine methodological tools for the analysis of the role of language in human social practices and ways of reflection over it. The author believes that truth of the law is a multi-level phenomenon, not reducible only to an epistemological category. Cognitivism in understanding of the truth needs to be paired with the communicative component of jurisprudence.

Keywords: language, communication, legal term, epistemology, truth, right, modeling.

Исследование проблемы понимания и обоснования истинности в юриспруденции имеет несомненную теоретическую и практическую актуальность, которая объясняется естественным стремлением глубже понять специфику человеческого бытия в демократических правовых условиях свободы и ответственности. Одновременно с этим неразработанность и затеретизированность многих правовых норм привели к тому, что на практике понятие истины пересматривается и уточняется на основании псевдоюридических стандартов мышления.

Между тем обоснование истинности в юридическом измерении предполагает использование весьма тонкого методического инструментария и позволяет достичь не только научно аргументированных знаний о глубинных, сущностных характеристиках явлений правовой действительности, но и особого психологического восприятия важнейших нормативных правовых документов. В результате этого

формируется философско-мировоззренческая система оценок, представляющая собой форму отражения скрытых от внешнего восприятия сакральных характеристик того или иного изучаемого явления.

Философское осмысление истины имеет давнюю традицию, которая берет начало в трудах таких философов, как Парменид, Зенон Элейский, Пифагор, Гераклит Эфесский, Эмпедокл, Анаксагор и другие. Как таковая проблема истинности была сформулирована софистами. В последующем она оригинально исследовалась Сократом, Платоном, Аристотелем, Плотинном, а также стоиками. Представители русской религиозной философии понимали истину в монотеистическом контексте, что нашло отражение в трудах В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, В. В. Розанова, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова и других. Особое внимание проблеме коммуникативно-эпистемологического обоснования истинности уделялось представителями фи-

лософии экзистенциализма и герменевтической школы – Ж. П. Сартром, М. Хайдеггером, Г. Гадамером, теории которых конвергируют в онтологическом понимании истины [1].

Герменевтический подход к осмыслению и обоснованию истинности неизбежно влечет обращение к анализу роли языка в социальных практиках человека и способов рефлексии над ним. Необходимо также отметить, что смысловым фоном анализа языкового аспекта коммуникативных и эпистемологических подходов к проблеме истинности в праве является возрастающая роль межъязыковой и кросс-культурной коммуникаций в современных условиях глобализации и мультикультурализма.

Национальная (договор, должник, уголовный, выдворение) и интернациональная (конфискация, кредитор, аренда) специальная лексика составляет терминологические основы юридического языка, обеспечивающие референцию понятийного освоения истины и истинности. Данное обстоятельство не позволяет согласиться с мнением Г. Д. Левина, который указывает на термин как на средство обозначения реально существующей и ясно понимаемой стороны действительности, которое не утверждает ни истинности, ни ложности. Термины, по его мнению, не имеют естественной, природной связи с обозначаемыми объектами. Следовательно, речь может идти лишь о том, насколько он удобен для анализа и соответствует исторически сложившимся традициям [2, с. 43]. Однако отказаться от терминологического аспекта обоснования истинности в праве в силу абстрактности юридического термина невозможно хотя бы потому, что абстрактное в онтологическом аспекте не всегда может считаться таковым в гносеологическом и наоборот.

Входя в состав русского литературного языка и обеспечивая представление определенной области знаний юридический язык в полной мере обладает набором специальных функций, одной из которых является когнитивная. Отсутствие цели исследовать процесс познания с точки зрения отношений субъекта познания (исследователя) к объекту познания (исследуемому объекту) или в категориальной оппозиции «субъект – объект» делает более корректным использование термина «эпистемология» для общего отражения когнитивной стороны проблемы. Таким образом, близкие по значе-

нию слова «эпистемология» и «когниция» понимаются как формирование сведений о мире как процессе, связанном с получением, обработкой информации, репрезентацией, хранением и использованием знания. Язык при этом выступает одним из модусов когниции. По мнению Г. В. Колшанского, «когнитивный мир языка, то есть общественное сознание, в своей форме объективно отражает исходный мир и поэтому служит средством дальнейшего его познания, правильной ориентацией человека в природе и в конечном итоге способом теоретического овладения закономерностями мира» [3, с. 21], что в полной мере справедливо для юриспруденции.

Эпистемологический потенциал юридического языка реализуется прежде всего в сфере когнитивного согласования неюридической и специальной правовой информации в сознании правоприменителя, который обязан «делать выводы из полученных в процессе его деятельности данных и обосновывать свою позицию (вывод), убеждать в истинности или достоверности своей позиции, доказывать или опровергать конкретные факты» [4, с. 3].

Обоснование истинности в рамках юридического процесса происходит как на уровне философии права, когда средствами языка осваиваются достижения конкретных наук в области космогонии и в сфере познания микромира, и в рамках конкретного дела при установлении истинности или ложности тех или иных фактов, определении их ценности и доказательственного значения, в формировании собственного отношения юриста к рассматриваемым событиям и действиям [5, с. 33–36]. Это позволяет не допускать ситуаций, когда судебная ошибка, «провозглашенная» именем Российской Федерации, основанная исключительно на законе, налагает печать презумпции легитимности и окончательной истинности в правовых спорах даже при очевидности судебной неправоты [6, с. 96–108].

Широкое понимание познавательной деятельности как совокупности происходящих в сознании человека процессов, связанных с приобретением, использованием, хранением, передачей и выработкой знаний, позволяет трактовать язык как средство обработки информации, форму ее хранения, передачи и, следовательно, обеспечения процедурно-процессуального компонента юриспруденции. По

меткому выражению Е. В. Васьковского, установление и обоснование истинности в праве, как правило, происходит «перед компетентным судом в предписанных законом формах» [7, с. 229]. При этом не вызывает возражений позиция С. Б. Россинского, отмечающего, что «истин, равно как и целей, в уголовном процессе не может быть несколько; истина может быть только одна, независимо от того, насколько выгодна или невыгодна эта истина» [8, с. 31–34]. Представляется, что данное утверждение справедливо и для сферы частного права.

Определенный интерес эпистемология истинности в сфере юриспруденции вызывает в телеологическом аспекте, который связан с прогностической функцией правоведения. Гипотезы о будущем общественных отношений, истинность которых затем проверяется практикой, позволяют обеспечить научно обоснованное прогнозирование, планировать подготовку действующего законодательства, определять, когда и какие правовые нормы принимать, отменять и изменять, добиваясь максимальной эффективности их применения.

Вместе с этим истинность в праве является многоуровневым феноменом, не сводимым лишь к эпистемологической категории. Когнитивизм в понимании истинности, редуцирующий либо нивелирующий некогнитивные (например, эмоциональные) компоненты к когнитивным, не является единственно верным и должен быть сопряжен с экспликацией многоуровневой структуры содержания категории «истинность» в юриспруденции. При этом необходимо учитывать то, что одной из главных функций языка, наряду с когнитивной, является коммуникативная, которая обеспечивает установление взаимопонимания между людьми. Кроме того, коммуникация исключает ситуацию профессионального вакуума, чем способствует эманации индивидуальной автономии в правовой сфере.

Юридическая коммуникация носит институциональный и строго процедурный характер, имеет интеллектуальный, эстетический, нравственный аспекты. В качестве коммуникантов в большинстве случаев выступают профессиональные юристы, что предполагает соответствующий уровень коммуникативной компетенции [9, с. 3–7].

В комплексе факторов, определяющих характер профессионального общения, терминологические

логические детерминанты преобладают в ситуации, когда значение термина определяет (способствует или противодействует) развитие коммуникации в юридической сфере [10, с. 80–86]. Юридический дискурс обретает динамическую связь с соответствующей терминологией.

В процессе профессиональной коммуникации, как правило, происходит обоснование истинности или ложности суждения при помощи фактов, имеющих доказательственное значение [11, с. 40–48], что актуализирует необходимость определения отличия истинности от обоснованности. По мнению некоторых авторов, обоснованность понимается как объективная истинность выводов суда о фактических обстоятельствах дела [12, с. 8], другие же видят предполагаемую истинность судебного решения в условиях отсутствия обоснованности, когда суд не имеет возможности для полного и всестороннего исследования материалов дела, например, при постановлении приговора в отношении подсудимого в особом порядке (ст. 316 УПК РФ) [13, с. 7].

Представляется, что между истинностью и обоснованностью в юриспруденции существует тесная связь, обусловленная тем, что знания и убедительные предположения разумного человека выступают как идеальная матрица для проверки истинности. Также как ценности не существуют вне ситуации (реального или потенциального) оценивания, так и истинность невозможна вне описания реальности, связанного с достижением обоснованности.

В любом случае философско-правовое осмысление категорий «истинность» и «обоснованность» связано с необходимостью интерпретационного восприятия семантики лексем и увеличением числа параметров, по которым может проводиться их толкование для обеспечения движения от истинности результата к ясности ее определения как важной для юриспруденции категории. Одной из целей такой деятельности является достижение конвенциональности в понимании специального терминологического аппарата в процессе профессиональной юридической коммуникации.

Семантическая вариативность как свойство юридической терминологии – явление, выступающее объектом в процессе познания правовой действительности, в структуре которого отчетливо обнаруживаются два эта-

па. Первый – от имперического изучения явления до образования отвлеченного понятия о нем, то есть целостное восприятие вариативных свойств юридического термина через абстрагирование и обобщение приводит к достижению отвлеченного знания о них. На втором этапе абстрактные конструкции позволяют представить интерпретационные особенности конкретного юридического термина. Таким образом, обеспечение единства человеческого знания происходит на научной логической основе. «Поскольку и искусство, и право, и мораль имеют дело со знанием, то они должны соотноситься с той единой логикой, которая вскрывает законы и формы движения мышления, то есть логикой научного знания» [14, с. 204]. В связи с этим А. Ф. Лосев, обращаясь к классическому римскому праву, отмечал, что оно «превратило живые человеческие отношения в голое вычисление, в алгебру; и чтобы создать эту рационалистическую громаду, нужны были века пластического, то есть схематического, ощущения социальной жизни. Только всенародный опыт социальности так рассудочно и с такой беспощадной, свирепой, с такой нечеловеческой логикой мог воспроизвести живое общение личностей в виде схем, в виде самоочевидных выводов, в образе математически точно решаемых ал-

гебраических уравнений, в виде римской юриспруденции» [15, с. 14–15].

Особым обстоятельством здесь является возрастание использования информационных технологий и автоматизации при обработке информации.

Перспективным при решении задач коммуникативно-эпистемологического обоснования истинности в юриспруденции представляется использование метода моделирования. Отдельные свойства реального процесса и модели сравниваются в определенной последовательности. Вначале проверяется истинность входов (входных потоков юридической информации), далее – истинность реализуемых целей и функций, затем – истинность структуры и параметров процесса и в заключение – истинность достигаемых показателей. Следует отметить, что оценка истинности положений, составляющих основу модели, является субъективной (как правило, доказательную часть выполняет исследователь, оценку осуществляет пользователь модели). Применение метода моделирования может помочь в поиске адекватного решения проблемы коммуникативно-эпистемологического обоснования истинности в юриспруденции, а также рассмотреть возможности его использования в компьютерных информационных технологиях.

Литература

1. Савельев И. А. Проблема истинности морального суждения: дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2006.
2. Левин Г. Д. Абстрактное и общее с логической точки зрения // Философские науки. 1976. № 1.
3. Колшпанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. Изд. 2-е, стереот. М., 2005.
4. Петров А. В. Мотивированность как гарантия законности и обоснованности // Законность. 2014. № 2.
5. Владыкина Т. А. Прения сторон в суде присяжных // Российский судья. 2015. № 11.
6. Воробьев Е. Г. Заявительный порядок в перерасчетах военных пенсий: судебный детектив о правовых последствиях нелегитимности свершившегося правосудия // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 10.

Bibliography

1. Savelyev I. A. The problem of the truth of moral judgments: dis. ... PhD in philosophy. Magnitogorsk, 2006.
2. Levin G. D. Abstract and general from a logical point of view // Questions of philosophy. 1976. № 1.
3. Kolshansky G. V. Communicative function and language structure. Ed. 2nd, stereotl. Moscow, 2005.
4. Petrov A. V. Motivation as a guarantee of the legality and validity // Validity. 2014. № 2.
5. Vladykina T. A. Pleadings before a jury // Russian judge. 2015. № 11.
6. Vorobiev E. G. Declaratory order in the recalculation of military pensions: forensic detective on the legal consequences of illegitimacy accomplished justice // Law in the Armed Forces. 2015. № 10.
7. Vaskovsky E. V. Textbook of civil procedure. Moscow, 1917.

-
-
7. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 1917.
 8. Россинский С. Б. Несколько слов о цели доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2015. № 10.
 9. Дубровская Т. В. Коммуникативная компетентность судей: кооперативные и некооперативные стратегии // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 8.
 10. Агамагомедова С. А. Оптимизация таможенных операций в проекте таможенного кодекса Евразийского экономического союза // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 4.
 11. Юдинцева Л. А. Аудиторские доказательства как объективная основа мнения аудитора // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 9.
 12. Щеглов В. Н. Законность и обоснованность судебного решения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1955.
 13. Касаткин А. Содружество права и морали // ЭЖ-Юрист. 2016. № 3.
 14. Копнин П. В. Логические основы наук. Киев, 1968.
 15. Лосев А. Ф. Эллинистически-римская эстетика. М., 1979.
 8. Rossinsky B. S. Few words about the purpose of proof in adversarial criminal proceedings // Russian justice. 2015. № 10.
 9. Dubrovskaya T. V. communicative competence of judges: cooperative and non-cooperative strategies // Arbitration and civil process. 2014. № 8.
 10. Agamagomedova S. A. Optimization of customs operations in the Customs code of the Eurasian economic Union // Bulletin of the Russian customs academy. 2015. № 4.
 11. Udintseva L. A. The audit evidence as an objective basis for the auditor's opinion // International accounting. 2015. № 9.
 12. Shcheglov V. N. The legality and validity of judicial decisions: abstract dis. ... PhD in law. Omsk, 1955.
 13. Kasatkin A. Commonwealth law and morality // Ezh-Lawyer. 2016. № 3.
 14. Koptin P. V. The logical foundations of sciences. Kiev, 1968.
 15. Losev A. F. Hellenistic-Roman aesthetics. Moscow, 1979.

Халиков Аслям Наилевич
Khalikov Islyam Nailevich

профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета доктор юридических наук, доцент.

Professor, Department of Criminology, Institute of Law, Bashkir State University, Doctor of Law, Associate Professor.
Тел.: 8(917) 440-80-00.

**ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

Philosophy of law and sociology of law: general and special

В статье рассматривается соотношение философии права и социологии права как в научном, так и в прикладном значении. Доказывается, что общими философско-правовыми исследованиями невозможно познавать реальные отношения в обществе, требующие точности и обоснованности их отражения в научных изысканиях, а также выработки соответствующих правовых норм.

Ключевые слова: естественное право, общество, общественное мнение, позитивное право, социология права, социологические исследования, социальные потребности.

The article deals with the correlation between the philosophy of law and sociology of law both in scientific and in applied value. It proves that it is impossible to know the real relations in society that require accuracy and validity of their reflection in scientific research and the development of appropriate legal standards on this basis with the help of the general philosophical and legal studies, though having fundamental values.

Keywords: natural law, society, public opinion, positive law, sociology of law, sociological research, social needs.

Предмет философии права включает в себя понимание сущности права, его смысла и идей путем постижения правовой действительности сквозь призму социальной философии, философских категорий и общеправового взгляда на мир. Содержание философии права составляют крупнейшие труды мыслителей и ученых в области философии, религии, культуры, а также теории и методологии права. К ним можно отнести историю философско-правовых учений, категориальный аппарат философии права и иные теоретические представления о философских основаниях права, созданные с древнейших времен и до нашего времени. Философия права исходит из ценностных категорий социальной и правовой действительности, таких как *свобода, равенство, справедливость, отношения собственности*, которые отвечают потребностям человеческого духа и основам материального устройства жизни людей. Образно рассматривая философию права, ее можно определить как высшую точку права, которая направляет развитие всего содержания права в ходе эволюции общества исходя из его разумных индивидуальных и социальных потребностей.

Однако только общими философско-правовыми исследованиями, пусть и фундаментального значения, невозможно познать реальные отношения в обществе, требующие точности и обоснованности их отражения в научных изысканиях, а также выработки соответствующих правовых норм. Иными словами, развитие права и конкретных его отраслей не допускает только обобщающего понимания социальных и правовых ценностей во времени и пространстве, поскольку содержание права постоянно меняется в зависимости от определенного периода и места его применения. И, разумеется, ни философия с ее обобщающим взглядом на мир и человека, ни философия права, вырабатывающая смысл и идеальные ценности права, не могут и не должны детально конкретизировать потребности общества с целью преобразования их в правовые отношения с одновременным законодательным регулированием.

Названные проблемы по установлению, измерению и оценке потребностей индивида и в целом всего общества в правовом ракурсе решает социология права, имеющая для этого теоретические и практические возможности

исследований. Именно социология права как «юридическое» ответвление социологии способна исследовать наиболее острые и злободневные реалии фактических отношений в обществе, которые влекут необходимость их правового отражения, вплоть до моделирования картины будущей правовой действительности при конструировании соответствующих законодательных норм. Уместно вспомнить, что М. Вебер, сравнивая общее и особенное в исследованиях содержания общества, писал, что для познания исторических, а следовательно, и общественных явлений в их конкретных условиях наиболее общие законы, практически лишённые содержания, имеют, как правило, наименьшую ценность. Ведь чем больше значимость родового понятия – его *объем*, тем дальше оно уводит нас от полноты реальной действительности, так как, для того чтобы содержать общие признаки наибольшего числа явлений, оно должно быть абстрактным, то есть *бедным* по своему содержанию [1, с. 378]. Таким образом, социология права и философия права при взаимном сочетании имеющихся предметов исследования наполняют друг друга каждый своим содержанием: философия права – идеями и наиболее общими смысловыми категориями, а социология права – конкретными результатами изучения общества и разработкой закономерностей развития наиболее важных для права общественных явлений и событий.

Тем самым социология права даёт философии права информационную и аналитическую базу для изучения общества с констатируемыми и проектируемыми положениями его содержания и закономерностей дальнейшего развития.

Известно, что предметом исследований социологии права является общество и характер его развития с установлением логики и содержания общественных отношений, которые оказывают влияние на становление и развитие права в виде его общей теории и отдельных законов (отраслей) вместе с обратным влиянием права на жизнедеятельность отдельного человека и людей. Как отмечает Г. Д. Гурвич, социология права устанавливает для определенной эпохи или определенного типа общества технологию совершенствования права, «политику права» [3, с. 780]. Однако социология права как наука, тесно связанная с

обществом, а следовательно, с политическими отношениями при существующем государственном режиме, должна иметь основные ориентиры и принципы для самостоятельных исследований, которые могут вырабатываться только независимой мыслью. Например, исследования в области политической социологии показывают, что в реальной жизни гражданское общество и мир политического (читай государственного. – А. Х) в качестве самостоятельных подсистем существовать не могут. Поэтому вычленение социального и политического возможно лишь в качестве идеальной конструкции, необходимой для проведения анализа различных сфер жизнедеятельности и теоретических исследований [7, с. 6–7]. Соответственно, онтологическими, гносеологическими и ценностными ориентирами в социологических методах изучения общества могут стать только философские позиции, выработанные и проверенные временем, на основе которых происходит развитие человечества. В нашем же случае соответствующими основополагающими стержнями социолого-правовых исследований будут выступать философско-правовые концепции и иные положения видения и понимания общества и права.

Изучение явлений социальной действительности требует своей определенной методологии и соответствующих средств, которые исходят из политических, идеологических, культурологических и иных мотиваций и которые могут отталкиваться как от гуманистических интересов общества, так и от узких потребностей группировок в сферах государственной власти. В этом отношении философия права устанавливает цели, задачи и средства социолого-правовых исследований на основе избранной методики изучения общества, законов его развития, общечеловеческих позиций о ценностях права. Например, социолого-правовое изучение общества, в том числе для прогнозирования его дальнейшего развития, можно проводить для достижения самых различных целей: укрепления государственной власти с вероятностью ограничения прав и свобод граждан, изменения государственной идеологии при осуществлении непопулярных экономических реформ либо создания механизмов развития самостоятельности партий и общественных организаций в политической жизни государства при исключении радикаль-

но-экстремистских течений и так далее. Перечисленные направления социолого-правовых исследований, отражающие интересы органов государственной власти, могут по-разному соотноситься с основными ценностями права. Но потребность в сближении целей и задач органов власти с интересами общества обуславливает необходимость обращения к истокам и ценностям философии и философии права. Это может привести к их забвению, если правовая политика будет направлена против социальных прав и интересов граждан страны.

Несомненно, соотношение философии права и социологии права при анализе состояния общества в определенный период его развития носит сложный характер, где невозможно прямолинейно сравнивать или накладывать результаты исследований одной науки на другую. Здесь необходим научный анализ, верное соотношение ценностей права и интересов общества, меры дозволенного и необходимого, когда, например, свобода не могла бы перейти в анархию, а законная власть в лице главы государства не монополизировала бы все другие ветви власти, пусть даже для поддержания порядка в обществе. При таком подходе результаты исследований в области философии права иногда, на первый взгляд, противоречат социологическим данным изучения настроений общества или отдельных его групп. Например, когда ценности свободы, равенства и справедливости в их прямолинейной интерпретации в определенный период времени могут не только не поддерживаться большинством общества, но и противоречить умунастроениям основной части населения государства. Но в то же время более глубокие исследования показывают неизменность фундаментальных социально-правовых, а следовательно, и философско-правовых ценностей.

Так, по данным социологического опроса 2014 года, более 70 % россиян «готовы попроситься с демократией и личными свободами ради сохранения порядка в стране» [2, с. 6]. Понятно, что на фоне дестабилизации ситуации на Украине, низкого уровня экономического развития стран бывшего Советского Союза подобные настроения вполне объяснимы и эмпирически обоснованы. Однако здесь возникают вопросы: что подразумевается под существующим порядком? Насколько он отвечает интересам населения России? В этом слу-

чае картина уже не выглядит слишком благостойной. Так, в 2014 году 12,6 % россиян (17,8 миллионов) жили за чертой бедности, то есть их доходы были ниже прожиточного минимума. При этом из 85 самых богатых людей планеты (мультимиллиардеров) 11 человек являются гражданами России. Отсюда, по мнению международных аналитиков, Россия относится к странам с высоким уровнем неравенства, что является угрозой ее политической и социальной стабильности. Об этом же свидетельствуют данные по так называемым децилям (соотношение совокупных доходов 10 % наиболее обеспеченного населения страны к совокупным доходам 10 % наименее обеспеченного населения). Как пишет В. Зорькин, в настоящее время в Скандинавских странах дециль не может превышать 4 единиц, а в Германии – 6, а в России же дециль за последнее время вырос с 15 до 17 единиц и продолжает расти, причем в ряде субъектов Российской Федерации он превышает 30 и 50 единиц. Однако, по мнению В. Зорькина, адекватная политическая и юридическая реакция на данные факты отсутствует, что снижает или даже обрушивает действенность права [5, с. 1].

Не менее острыми могут быть и политические противоречия, когда отсутствие порядка в правовых институтах государства влечет закономерные пертурбации в обществе и его дестабилизацию, требующую проведения радикальных правовых реформ. Ярким примером изложенной мысли являются массовые митинги и демонстрации в Москве и других городах, проведенные в декабре 2011 года. В результате органы власти, а фактически Президент РФ, вынуждены были реформировать порядок выборов руководителей субъектов Российской Федерации, оставив определенные ограничения по прямому выборам глав субъектов Федерации, так и не решив проблему фальсификации выборов на любом уровне избрания властных органов России. Последнее остается одним из наиболее острых правовых и, в общем-то, политических вопросов в России, перспектив реального решения которого пока нет.

Далее, анализируя соотношения философии права и социологии права, нельзя не обратить внимание на то, что содержание социологии права близко корреспондируется с философско-правовой категорией «естественное право». Последнее, как известно, в наиболь-

шей степени отражает представления людей о нормативных отношениях в обществе при естественном порядке взаимосвязей между индивидами и наличием традиционных ценностей и идеалов человеческой жизни. Адекватное отражение социологией права данных о структуре общества, уровне жизни основных его слоев, степени ожидаемых и получаемых прав и свобод, удовлетворении политических, экономических, социальных, культурных интересов в праве и так далее позволяет оценить получаемые данные о действительности правовой жизни в государстве в сравнении с положениями естественного права. Воспроизводя реальный срез общества, социология права показывает конкретное наличие или отсутствие справедливости и равенства в отношениях между людьми, явные и скрытые недостатки деятельности органов власти, применяющих законодательные нормы, необходимость изменения тех или иных законов с целью соответствия общественных отношений правовым актам.

Разумеется, близость социологии права к естественному праву вызывает противоречие с позитивным правом. Дело в том, что с позиций юридического позитивизма, или юридико-догматической точки зрения, право есть веление, приказ власти, тогда как социология права предмет своего внимания делает правотворческую и правоприменительную политику, что может противоречить действующему законодательству [4, с. 133–135]. Одним словом, позитивное право не может принять социологию права, исследующую фактические, то есть естественные, отношения в обществе.

Однако сухая констатация «враждебных» отношений между социологией права и позитивным правом не дает никаких выгод прогрессивному развитию права, которое существует в основном в позитивных (или написанных) формах. А отсюда сближением позиций социологии права и позитивного права будет только активное использование социологических данных в построении действующих правовых норм, а также новых идей и конструкций, исходящих из самой жизни. Причем данный подход будет сближать позитивное право с естественным, когда, по мнению теоретиков, «традиционное» естественное право (буквально за редкими исключениями) выполняет легитимирующую, стабилизирующую и воспро-

изводящую функцию по отношению к праву позитивному, подкрепляет собой порой неустойчивое законодательство, выступая в качестве его «неволеустановленного» фундамента [10, с. 382].

Таким образом, социология права по своему прикладному значению в социально-правовых исследованиях не может «дружить» только с концепцией естественного права, не признавая позитивного. Фактически это влечет бесполезность всей науки социологии права. Смысл социолого-правовых исследований состоит в максимальном их использовании нормами действующего права, а следовательно, права позитивного, которое гарантируется и охраняется государством. В то же время условием эффективного и научного существования юридического позитивизма должно быть постоянное его движение по направлению к естественному праву как к абсолюту правоотношений, выводимых из действующих законов. Как отмечает В. Шлохтер, «философски ориентированная логика естественного права трансформируется в юридически ориентированную логику позитивного права» [9, с. 8]. Разумеется, обратное положение, то есть статичное состояние позитивного права, непринятие им новых ситуаций из объективной действительности, поддержание государством давно отживших законодательных норм, будет отторгать даже самые минимальные данные социологии права.

Философия права является для социологии права не только смыслообразующим и идейным постулатом, но и предоставляет соответствующие методические инструментариумы для научных исследований. В первую очередь речь идет об общефилософском материалистическом и диалектическом подходе познания общественно-правовых явлений, а также о фундаментальных направлениях философской науки – онтологии, гносеологии, аксиологии, антропологии, логики, анализа, синтеза и других базисных составляющих. Например, как указывается в учебной литературе, гносеологический подход акцентирует внимание на проблемах изучения общественного мнения как способа отражения действительности на определенных уровнях общественного сознания. В этом ключе в рамках социологического подхода большой интерес проявляется к проблемам социальной детерминации обществен-

ного мнения, его места, роли и функций, выполняемых в жизни общества [6, с. 57].

Одновременно с общефилософскими методами исследований в области социологии права с ней непосредственно связаны специальные философско-правовые методы изучения социальных и правовых явлений. Более того, именно от философско-правового подхода часто зависят релятивизм (относительность и условность) получаемых данных в социологии права, их соотношение с практическими направлениями действия отраслей права, политической и идеологической составляющих развития правовой действительности. Иными словами, достоверность и адекватность результатов социолого-правовых исследований часто зависят от того, под каким углом зрения они рассматриваются, сквозь призму какой методологии происходит анализ получаемых в социологии права эмпирических данных.

К традиционным философско-правовым методам исследований в социологии права можно отнести либертарный, позитивистский, историко-диалектический (марксистский), прагматический, феноменологический, экзистенциальный, религиозный. Каждый из перечисленных методов (подходов) познания и применения права представляет собой комплексный пласт научных воззрений о правовой действительности, реализуемый в теоретических и прикладных направлениях, включая политику законодательной и исполнительной ветвей властей, а также судебную практику. В то же время наличие демократии и свободы в политическом режиме государства, независимости в выборе форм использования права позволяет при изучении и практической реализации права использовать различные методы (в зависимости от ситуационной обстановки действия юридических норм).

Либертарный метод, или либертарная концепция права, исходит из равенства всех перед законом, когда формальное равенство – это сущность закона как реального правового явления, а закон как проявление данной сущности – это правовой закон [8, с. 210]. Соответственно, исследование социально-правовых явлений основывается на доминанте равенства всех перед законом при условии, что сам закон не противоречит праву. Принцип равенства в условиях российской действительности не всегда является решаемым вопросом ввиду

вековых традиций и менталитета неравенства (Вся власть от Бога...) и представлений россиян о бесспорной иерархии власти. В связи с этим либертарный метод может приниматься в социологии права как должное в отношениях общества, государства и гражданина, однако достижение его составляло и составляет как философско-правовую, так и юридическую проблему.

Позитивистский метод – это фактические социолого-правовые исследования эффективности действующих законов и подзаконных актов, активно опутывающих жизнь современного человека и общества. Можно сказать, что самой будничной работой социологов права должно быть изучение как положительных сторон, так и недостатков принятых в государстве законов. При этом результаты данных исследований могут быть ожидаемыми либо представлять весьма оригинальные способы фактического неисполнения или злоупотребления правовыми нормами. Одновременно с этим следует внимательно рассматривать интерпретацию законов или их использование различными субъектами правоприменения, что может влечь достаточно широкий диапазон субъективного понимания правовых актов.

Историко-диалектический метод основан на изучении объективных факторов, влияющих на развитие права в эволюции человечества с перспективами прогрессивного формирования новых правовых явлений. В этом случае социология права больше внимание уделяет научным концепциям права, выводам ученых о развитии правовой действительности, философским и философско-правовым трудам, анализирующим право в исторической перспективе.

Прагматический метод определяет подход к праву с точки зрения его практической и индивидуальной полезности, указывая наиболее оптимальные и эффективные способы его применения. Истоки данного метода, практикуемого в США, кроются в деятельности судей по самостоятельному применению правовых норм, исходя из практической ситуации и собственного усмотрения. Однако прагматизм вполне уместен и при социологическом анализе деятельности других должностных лиц и органов власти, а также рядовых граждан. Он может войти в противоречие с позитивным

правом, поскольку позволяет достаточно вольно трактовать действующие правовые нормы в соответствии с обстоятельствами рассматриваемых юридических фактов, включая данные о субъектах, в отношении которых применяется закон. В то же время противоречие прагматизма и юридического позитивизма вовсе не объединяет прагматический метод с концепцией естественного права, поскольку речь идет об индивидуальных позициях при применении права, хотя и в интересах общества, рассматриваемого в определенной локализации.

Феноменологический, экзистенциальный и религиозный пути исследования права вряд ли широко используются в прикладной социолого-правовой деятельности по изучению правовой действительности. Данные методы применяются исключительно в научных или узкопознавательных целях. Исключением здесь

может быть религиозный метод, поскольку возрождение в обществе интереса к религии влечет и определенные правовые последствия, вплоть до применения норм канонического права в светской жизни. Подобные тенденции, следовательно, требуют и более глубокого изучения права в соотношении с религией.

Рассмотрев соотношение философии права и социологии права, следует отметить, что обе отрасли знаний не могут существовать друг без друга. Каждая из названных наук составляет определенное содержание другой, хотя и имеет только свой предмет научных изысканий. Целью же обеих отраслей является глубокое исследование права в обществе: его смысла и идейной сущности – в области философии права, конкретного содержания в статике и динамике фактических общественных отношений – в социологии права.

Литература

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. М., 1990.
2. Выжutowич В. Свобода или порядок: тема с социологом Леонтием Бызовым // Российская газета. 2014. 16 мая.
3. Жуков В. Н. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода: монография. М., 2013.
4. Зорькин В. Экономика и право // Российская газета. 2014. 22 мая.
5. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: учебник для вузов. М., 1995.
6. Козырев Г. И. Политическая социология: учебное пособие. М., 2013.
7. Лапаева В. В. Либертарная концепция права В. С. Нерсесянца: научное своеобразие и практическое значение // Философия права в России: история и современность: материалы третьих философско-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсесянца / отв. ред. В. Г. Графский. М., 2009.
8. Масловская Е. В., Масловский М. В. Социологические теории права // Социологический журнал. 2005. № 1.
9. Михайлов А. М. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения: монография. М., 2013.

Bibliography

1. Weber M. «Objectivity» of socio-scientific and socio-political cognition // Selected works. Moscow, 1990.
2. Vyzhutovich V. Freedom or procedure: topic with the sociologist Leonty Byzov // Rossiyskaya gazeta. 2014. May 16.
3. Zhukov V. N. Philosophy and sociology of law: the experience of a pluralistic approach: monograph. Moscow, 2013.
4. Zorkin V. Economics and law // Rossiyskaya gazeta. 2014. May 22.
5. Kazimirchuk V. P., Kudryavtsev V. N. Modern sociology of law: textbook for higher educational establishment. Moscow, 1995.
6. Kozыrev G. I. Political sociology: tutorial. Moscow, 2013.
7. Lapaeva V. V. V. S. Nersesyants' libertarian concept of law: the originality of the scientific and practical significance // Philosophy of law in Russia: history and modernity: materials of the third philosophical and legal readings in memory of acad. V. S. Nersesyants/ ed. in chief V. G. Grafsky. Moscow, 2009.
8. Maslovskaya E. V., Maslovskiy M. V. Sociological theory of law // Journal of sociology. 2005. № 1.
9. Mikhailov A. M. A comparative study of the philosophical and methodological foundations of natural law and historical schools of jurisprudence: monograph. Moscow, 2013.

Табакон Александр Леонидович
Tabakov Aleksandr Leonidovich

аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Graduate Student of the Moscow State University named by M. V. Lomonosov.

E-mail: alexander.tabakov@mail.ru

**ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В ФИЛОСОФИИ ПРАВА И. А. ИЛЬИНА**

The concept of equity in philosophy of law of I. A. Ilyin

В статье рассматривается концепция справедливости И. А. Ильина. Автором проанализированы взгляды ученого на сущностный характер данной категории, ее соотношение с правом, законом и правосознанием, определены виды справедливости. Подчеркивается зависимость представлений Ильина о справедливости от его политико-правового учения.

Ключевые слова: философия права, справедливость, правосознание, виды справедливости, социальная справедливость.

Справедливость – одна из ключевых категорий философии права. Мыслители разных эпох так или иначе выражали свое отношение к проблеме справедливости. Среди представителей русской философии права особое внимание уделял ей И. А. Ильин: «С незапамятных времен люди говорят и пишут о справедливости: может быть, даже с тех самых пор, как вообще начали говорить и писать... Но до сих пор вопрос, по-видимому, не решен, – что такое справедливость и как ее осуществить в жизни?» [4, т. 3, с. 235]. «Для любого человека, – отмечал философ, – свойственно желать и требовать справедливости, болезненно реагировать на любые проявления несправедливости в свой адрес. При этом разные потребности и мировоззренческие установки людей приводят к тому, что каждый воспринимает справедливым то, что соответствует именно его желаниям и убеждениям, в результате чего оказывается, что “справедливостей” столько, сколько недовольных людей, и единой, настоящей справедливости найти невозможно. А ведь, строго говоря, только о ней и стоит говорить». Отсюда, по Ильину, в людях копится скепсис по отношению к этому понятию, все чаще оно «встречается иронической улыбкой и насмеш-

The article discusses the concept of equity of I. A. Ilyin. The author analyzed his views on the essential character of equity, its relationship with law, right and sense of justice, types of equity and social equity. It's emphasized the dependence of ideas of Ilyin about equity on his political and legal doctrine.

Keywords: philosophy of law, equity, sense of justice, types of equity, social equity.

кой». Вместе с тем, утверждает мыслитель, данное обстоятельство ни в коей мере не компрометирует «благородную идею справедливости, и мы по-прежнему должны противопоставлять ее всякой бессовестной эксплуатации, всякой классовой борьбе и всякому революционному уравнительству. Мы можем быть твердо уверены, что ей принадлежит будущее. И все дело в том, чтобы верно постигнуть ее сущность» [4, т. 3, с. 236].

Анализ категории «справедливость» предполагает рассмотрение разнообразных аспектов, связанных с этой проблематикой, но в конечном счете ключевым является вопрос о том, может ли право быть справедливым. Ответ на него напрямую зависит от того, как тот или иной исследователь понимает смысл права, его назначение в обществе, каким образом воспринимает его с позиции ценностного сознания. Иными словами, в центре внимания любого мыслителя, рассматривающего справедливость, стоит проблема онтологии, аксиологии и телеологии права.

Как и многие отечественные философы права, И. А. Ильин анализирует государство и право сквозь призму религиозного сознания, философия права Ильина – это религиозная

философия права [1, с. 62; 6, с. 50–60]. Однако, в отличие от религиозных мыслителей, подчеркивавших негативные качества права (Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев), Ильин стремится показать его как неизбежное следствие духовной сущности человека. Если для Бердяева право – это следствие греховной природы человека, проявление его богооставленности, то для Ильина, напротив, право существует потому, что духовный мир каждого человека непосредственно связан с Богом. Философ описывает механизм возникновения и существования права следующим образом. В основе духовной жизни любого человека, по Ильину, лежит стремление к богообщению, реализации внутренних нравственных сил, наиболее полному раскрытию себя как образа и подобия Божьего – воля к духу. Именно это качество, считает мыслитель, характеризует человека как подлинно нравственное существо. Проявляя себя на трех разных уровнях (предметном, индивидуальном и социальном), воля к духу трансформируется в право. На предметном уровне это выражается в стремлении человека к раскрытию Божественного начала в жизни, что проявляется, во-первых, в восприятии человеком себя как самодостаточного духовного существа, во-вторых, в его стремлении к правовой организации взаимоотношений с другими нравственными существами. На индивидуальном уровне это восприятие человеком себя как безусловной ценности, подлежащей правовой защите. На социальном уровне воля к духу – это восприятие каждого другого человека как безусловной ценности, в той же степени подлежащей правовой защите, и, как следствие, понимание необходимости существования общего правового порядка [2, с. 381–390].

Описанные волевые установки свидетельствуют о восприятии Ильиным права как имеющего безусловно положительную ценность в жизни человека. При этом ценность права состоит не только и не столько в том, что оно поддерживает стабильность в обществе (иначе говоря, не позволяет жизни на земле превратиться в ад), сколько в том, что благодаря ему человек может приблизиться к Богу, постичь суть подлинно христианской жизни, стать полноценным нравственным существом. Такая аксиологическая установка с неизбежностью приводит философа к рассмотрению

справедливости в рамках правового поля. Любая система норм, рассуждает мыслитель, есть не что иное, как совокупность правил лучшего поведения, так как предписание совершать определенные действия имеет смысл лишь в том случае, если они рассматриваются в данной ситуации как лучшие. Следовательно, тот, кто устанавливает норму, должен четко осознавать, в чем состоит лучшее: «Тот, кто пытается установить правило *мышления*, должен исследовать, что есть “лучшее” в мышлении, то есть что такое *истина*; кто ищет правило для *художественного творчества*, тот должен решить вопрос о том, что есть лучшее в искусстве, т. е. что такое *красота*; кто стремится установить правило нравственно праведной жизни, тот должен исследовать сущность добра; а тот, кто устанавливает правовую норму, предполагает известным, в чем состоит сущность *справедливости*» [3, с. 222]. Кроме того, само существование права как социального регулятора, полагает Ильин, обусловлено тем, что человеку свойственно доверие к авторитету и вера в справедливость. Для всякого нравственного существа, рассуждает философ, вполне естественно стремиться уважать что-либо высшее и искать верного (а значит, справедливого) решения конфликтов – однажды найденный справедливый способ урегулирования спора становится правовой нормой [3, с. 233]. Таким образом, справедливость мыслится Ильиным в неразрывной связи с правом, то есть как средство достижения подлинно христианского способа бытия право не может не быть справедливым.

Ильин предлагает религиозную интерпретацию предложенного Аристотелем механизма уравнивающей и распределяющей справедливости. Свои рассуждения он начинает с критики доктрины эгалитаризма. По мнению Ильина, эта концепция исходит из глубоко ложного предположения о том, что все люди от природы абсолютно одинаковы и, как следствие, подлежат полному уравниванию в правах и обязанностях. Философ предлагает различать три категории: сходство, одинаковость и равенство. Сходство и одинаковость характеризуют природу человека, равенство – его правовой статус. О сходстве людей можно говорить в том случае, если они отчасти похожи друг на друга, об одинаковости – если люди «вполне» похожи. Следовательно, делает вы-

вод Ильин, людей следует уравнивать в правах в той мере, в какой они сходны друг с другом, и людей следует уравнивать во всех правах, если они одинаковы. Именно последнее суждение, по мнению мыслителя, служит отправной точкой для эгалитаристских доктрин: если люди совершенно одинаковы от природы, то любые элементы неравенства, привносимые в их правовой статус (это касается, по терминологии Ильина, и правовых полномочий, и правовых обязанностей, и правовых «запретностей»), нарушают требования справедливости [5, с. 447–448].

Если исходить из того, рассуждает далее философ, что люди одинаковы от природы, то вполне закономерно заключить из этого, что они одинаковы, во-первых, телом, во-вторых, душой и, в-третьих, духом. Между тем, указывает Ильин, реальное положение дел таково, что люди не одинаковы по всем этим параметрам. Различия в поле, возрасте, росте, строении черепа, мускульной силе, линии рук, отпечатках пальцев свидетельствуют о том, что каждый человек имеет уникальное, неповторимое тело. Несхожесть в умственных способностях, желаниях, волевых качествах говорит о психических различиях людей. Наконец, несовпадения нравственных устремлений людей, мотивации их поступков, более интенсивное эмоциональное восприятие духовно близкого человека (матери, жены, сына) по сравнению с другими людьми свидетельствуют о том, что люди различаются между собой по духу. Итак, Ильин приходит к выводу о том, что идея об изначальной «одинаковости» людей в корне не согласуется с действительностью. Мыслитель отмечает, что она вытекает из свойственной людям способности сосредотачиваться на одних впечатлениях и признаках и отвлекаться от других: выделяя лишь группу признаков при сопоставлении людей (например, наличие головы, рук или ног, способность дышать), исследователь рискует прийти к ложному выводу о том, что все люди между собой одинаковы [5, с. 448–452, 454–455]. В действительности, по мнению Ильина, при таком подходе равными оказываются не люди, а созданные воображением «отвлеченные препараты»: «Уравнивайте во имя справедливости ваши препараты, ваши химеры – наделяйте их равными правами, обязанностями и запретами – *но не уравнивай-*

те же живых неодинаковых людей... Но если вы все-таки делаете это – презирая живое, творческое разнообразие жизни, водворяя пустыню там, где цвели луга и нивы и народы, поражая этим уравниванием самую волю к жизни, самый творческий инстинкт человека, убивая жизнь химерою и попирая пятою невежды таинственное и священное начало самобытной личности, то не ссылайтесь при этом на справедливость. Ибо справедливость требует *иного, обратного*» [5, с. 456]. Прикрытая риторикой справедливости политика всеобщего уравнивания приводит, по мысли Ильина, к неизбежным и трагическим последствиям. Во-первых, это удаление, устранение и искоренение лучших – тех, кто не вписывается в эгалитаристскую концепцию «одинаковости». Во-вторых, это уравнивание всех на «низшем уровне»: поскольку не представляется возможным сделать всех людей в равной степени умными, богатыми, образованными и независимыми, единственный выход из этого положения – уравнивание в нищете и невежестве. В-третьих, ликвидация социальной дифференциации и специализации с неизбежностью приводит к тотальной неспособности людей к любым формам творческой деятельности. Закономерным итогом, делает вывод мыслитель, является всеобщая деградация [5, с. 464–467].

«Справедливость требует *индивидуализированного* подхода к человеку» – вот главная мысль Ильина, которую он стремится доказать. Если люди не одинаковы между собой, рассуждает мыслитель, то и в правах, и в обязанностях между ними должно существовать неравенство. Ильин специально подчеркивает, что стремится обосновать не всякое неравенство, а лишь такое, в соответствии с которым права и обязанности распределяются между людьми соразмерно их «неодинаковости»: «...Ибо бывают *неравенства справедливые* и бывают *неравенства несправедливые*, а я защищаю первые и нисколько не защищаю вторые» [5, с. 467–469]. Ильин приводит многочисленные примеры справедливых привилегий и ограничений в соответствии с собственными представлениями о телесном, психическом и духовном неравенстве людей. Так, по мнению философа, освобождение от воинской повинности женщин, детей, старцев, больных и калек, а также различные формы социального и трудового законодательства (например,

повышенная оплата труда и увеличенная продолжительность отпусков для рабочих («на трудных специальностях») – это справедливые привилегии в правовых обязанностях, связанные с телесной неодинаковостью людей. Лишение избирательных прав душевнобольных и уголовных рецидивистов, а также различные образовательные цензы для замещения тех или иных должностей – это справедливые ограничения и привилегии, связанные с психической неодинаковостью людей. Наконец, освобождение от воинской повинности профессоров и академиков – справедливая привилегия, связанная с духовной неодинаковостью людей [5, с. 449–452]. Вместе с тем, как отмечает Ильин, не следует забывать о том, что люди равны между собой как духовные существа. Несмотря на естественные различия, они имеют безусловно равные притязания на достойное существование. Как образ и подобие Божие, каждый человек имеет безусловное духовное достоинство и в этом смысле равен любому другому человеку: «Если люди различны по своим реальным свойствам, то они равны по своему человеческому достоинству. Поэтому справедливое право не поддерживает естественного неравенства людей, если от этого может пострадать их духовное равенство. Справедливое право есть право, которое верно разрешает столкновение между естественным неравенством и духовным равенством людей» [3, с. 247–248].

Таким образом, одну из главных задач государственной политики Ильин видит не в уравнивании в правах неодинаковых людей, а в нахождении параметров справедливого неравенства с учетом духовного равенства людей. И здесь мыслитель очень четко улавливает противоречие такой позиции с задачами закона как социального регулятора, который абстрагируется от многообразия жизни и формально подводит людей под определенные отвлеченные признаки, то есть уравнивает их между собой. Как полагает Ильин, это неизбежный процесс, так как закон, призванный обеспечить порядок человеческого общежития, имеет единственный путь для осуществления этой задачи – создание общих правил: «Закон юридически уравнивает сходное, которое в одном сходно, а во всем остальном несходно; а справедливость не уравнивает, а индивидуализирует. И в этом их глубокое различие: за-

кон упрощает – справедливость углубляет и усложняет; закону нужен общий признак – справедливость стремится к личной судьбе человека; закон нуждается в точности, строгости, твердости – справедливость хочет уловить таинственную глубину жизни; закон рассудочен – справедливость художественна. Закон... творит порядок, формально жертвуя справедливостью, а нередко прямо предпочитая несправедливый порядок хаотическим и кровавым поискам справедливости» [5, с. 471]. Неукоснительное следование закону, заключает Ильин, способно породить чудовищную несправедливость (*summum jus – summa injuria*). С другой стороны, если следовать лишь справедливости, под угрозой окажется организованное отвлеченным «несправедливым» законом мирное сосуществование людей.

Таким образом, по Ильину, гармоничное общество и государство немислимы без противоречащих друг другу закона и справедливости. Чтобы «удержать и смягчить мертвящее дуновение формального машинного равенства, изливающегося из закона на человеческую жизнь» и превратить действие закона в систему справедливых исключений, между законом и жизнью человека должен существовать посредник – «живое и совестное человеческое правосознание» [5, с. 472–473]. По мысли философа, именно правосознание – тот необходимый фундамент, на котором люди выстраивают государственные и правовые институты. Как отмечается в литературе, для философии права Ильина категория «правосознание» носит системообразующий характер: вся социальная жизнь людей, включая государство и право, выступает в его произведениях как отражение правосознания [1, с. 64]. Именно с его помощью человек, созерцающий подлинную цель права, может приспособить абстрактные положения закона к требованиям жизни, не терпящей слепой формализации, не позволяя тем самым, чтобы «*summum jus превращалось в summa injuria*» [2, с. 390]. Применительно к конкретным правовым вопросам это означает, что субъект правоприменительной деятельности должен, реализуя букву закона, учесть все особенности рассматриваемого дела и лица, в отношении которого принимается решение. Иными словами, правоприменитель, руководствуясь «живым и совестным» правосознанием, осуществляет не что иное, как акт

справедливости. Между тем нельзя не отметить, что подобная постановка вопроса неизбежно влечет за собой необходимость предъявлять повышенные требования к правовой квалификации и правовой культуре правоприменителя, поскольку усмотрение и произвол – зачастую неразлучные спутники правоприменительной деятельности. Как отмечает Ильин, при принятии подобного рода решений недопустимо руководствоваться какими-либо посторонними соображениями, «акт художественной справедливости и созерцание безусловной цели права» – прерогатива «нормального правосознания», обладатель которого в состоянии воспринять не только формальный характер правовой нормы и ее объективное содержание, но и ту «духовную миссию», которую ей надлежит выполнить [3, с. 267; 2, с. 545–546].

Ильин также анализирует справедливость в аспекте соотношения права и морали. По мнению философа, согласованность норм морали и права – важнейшее условие существования справедливости. «Правильное» соотношение между ними имеет место в том случае, когда право не нарушает своих границ и соответствует требованиям морали, поддерживая ее, а мораль выступает для права «высшим мериллом и руководителем». Конкретными проявлениями такого соотношения права и морали являются: предписание правом такого внешнего поведения, которое одобрялось бы совестью; воспрещение правом тех действий, которые не одобрялись бы совестью; установление справедливого порядка в человеческом общежитии. Условиями такого порядка выступают нахождение и поддержание разумного баланса между духовным равенством людей как Божьих созданий (уравнивающая справедливость) и естественным неравенством между ними, обусловленным их природной неодинаковостью (распределяющая справедливость). Правовые нормы, отвечающие вышеуказанным требованиям, по Ильину, достойны именоваться естественным правом, так как они соответствуют «естествену» человека и способны установить подлинно справедливые общественные отношения [3, с. 245–249].

Разрешение проблемы социальной справедливости (то есть представлений о том, какое общество и государство следует признать справедливым)

тем или иным мыслителем напрямую зависит, во-первых, от того, как он определяет сущность справедливости, во-вторых, от его политических предпочтений. Для Ильина как политического философа глубоко консервативной ориентации идеалом государственности является абсолютная монархия. Ильин, находившийся под опутимым влиянием философии Гегеля и православной догматики, воспринимал государство как необходимый элемент духовно полноценной жизни людей, отражение здорового правосознания, высшее проявление социальной деятельности человека [1, с. 132–137]. Как следствие, с точки зрения мыслителя, чем сильнее государство, тем больше у него возможностей для осуществления социальной справедливости. Конкретные проявления справедливого государства, по Ильину, сводятся к следующему. Во-первых, социальная справедливость несовместима с политикой слепого уравнивания в правах и обязанностях неодинаковых людей. На этом основании Ильин достаточно оригинально критикует социалистические доктрины. С его точки зрения, борьба с несправедливыми классовыми привилегиями, проходящая под лозунгами требований справедливого равенства, в действительности оборачивается борьбой за неравенство в свою пользу, то есть за перераспределение данных привилегий от «угнетающих» социальных слоев к угнетаемым [5, с. 474–476]. Во-вторых, подлинно справедливым можно считать лишь такое общество, в котором последовательно реализовано естественное неравенство между людьми: связанность государственной власти распределяющей справедливостью Ильин называет одной из аксиом власти. Предоставление тягот и привилегий, строго соответствующих телесной, психической и духовной неодинаковости людей, полагает философ, выступает важнейшей предпосылкой социальной справедливости [2, с. 450–452]. Вместе с тем, как отмечает Ильин, в политической жизни государства нередки случаи, когда осуществление социальной справедливости вступает в противоречие с интересами «национально-духовного и государственного бытия народа». В подобных случаях, рассуждает мыслитель, безусловный приоритет имеют соображения политической целесообразности, а требования справедливости следует признавать «политически неосу-

ществимыми», поскольку их реализация таит в себе угрозу жизнедеятельности государства как духовной организации людей: «...справедливый интерес может быть и должен быть оставлен без удовлетворения, или “урезан”, или “отложен”, если его удовлетворение угрожает самому существованию государства или наносит ущерб национально-духовному развитию. Нельзя вводить во имя справедливости такой государственный строй, который погубит самое государство или разложит и погасит духовную жизнь народа: ибо справедливость служит духу, а не дух – справедливости» [2, с. 453]. Очевидно, что эта мысль идеально подходит для оправдания любого произвола со стороны власти.

С учетом вышеизложенного следует признать, что понятие справедливости в философии права И. А. Ильина проанализировано достаточно глубоко, автору принадлежит ряд значительных мыслей по данной проблематике. Во-первых, необходимо отметить довольно оригинальную интерпретацию предложенного Аристотелем механизма уравнивающей и распределяющей справедливости: суждение о том, что люди одновременно и равны и не равны друг другу, – глубоко верная мысль, к ней трудно добавить что-либо принципиально новое, можно лишь наполнять ее дополнительными оттенками смысла. Во-вторых, обращает на себя внимание обозначаемая Ильиным связь справедливости и правосознания. Мож-

но спорить с его концепцией зависимости от правосознания всех государственно-правовых явлений (в конечном счете такая установка привносит в правовую теорию значительный элемент субъективизма), однако невозможно не согласиться с позицией философа о том, что справедливость, вне зависимости от смыслового наполнения этой категории, всегда непосредственно связана с уровнем правосознания людей, живущих в той или иной правовой системе. Между тем следует поддержать тех авторов, которые полагают, что правовые и политические взгляды Ильина во многом противоречат друг другу [1, с. 62]. Действительно, если соединить представления мыслителя о справедливости в праве с его крайне правыми политическими воззрениями, то возникает вопрос, насколько реальным (в том числе для самого автора) выглядит существование такого общества и государства. Политическая история человечества свидетельствует о том, что мысли о справедливости в политической программе правителя, обладающего неограниченной властью, занимают далеко не первое место. Более того, это косвенно подтверждается самим Ильиным там, где он рассуждает о безусловном приоритете интересов государства по отношению к справедливости. Таким образом, приходится констатировать, что представления философа о социальной справедливости во многом носят утопический характер.

Литература

1. Жуков В. Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013.
2. Ильин И. А. О сущности правосознания // Теория права и государства. М., 2008.
3. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // Теория права и государства. М., 2008.
4. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1994.
5. Ильин И. А. Справедливость или равенство? М., 2006.
6. Фролова Е. А. Природа права в трактовках отечественных неокантианцев (И. А. Ильин и Б. А. Кистяковский) // Государство и право. 2016. № 2.

Bibliography

1. Zhukov V. N. Russian philosophy of law: from rationalism to mysticism. Moscow, 2013.
2. Ilyin I. A. On the essence of justice // Theory of law and state. Moscow, 2008.
3. Ilyin I. A. General theory of law and state // Theory of law and state. Moscow, 2008.
4. Ilyin I. A. Collected Works: in 10 vols. Moscow, 1994.
5. Ilyin I. A. Equity or equality? Moscow, 2006.
6. Frolova E. A. Nature of law in the interpretation of russian neokantians (I. A. Ilyin and B. A. Kistyakovsky) // State and the right. 2016. № 2.

**Головко Владислав Анатольевич
Golovko Vladislav Anatolievich**

начальник кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России
кандидат педагогических наук.

Head of the Department of Tactical and Special Training, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, PhD in Pedagogy.
Тел.: 8(928) 139-84-85.

**Лавриченко Руслан Константинович
Lavrichenko Ruslan Konstantinovich**

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института
МВД России кандидат педагогических наук.

Senior Lecturer, Department of Tactical and Special Training, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation, PhD in Pedagogy.
Тел.: 8(952) 571-85-35.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Modern problems of national security

Статья посвящена исследованию проблем глобальной безопасности. Авторы анализируют основные и наиболее значимые виды глобальных проблем, указывают на то, что важнейшее значение для человечества имеет поиск научно обоснованных способов их решения и создание механизмов и инструментов обеспечения коллективной безопасности.

Ключевые слова: глобальная безопасность, проблемы глобальной безопасности, глобализация, мировое сообщество.

The article is devoted to the research of global security. The author enumerates and analyses the main and more significant types of global problems and the ways to, they points out that the essential for humanity is the search for science-based solutions to problems of global security and the movement towards the creation of collective security mechanisms and instruments.

Keywords: global security, problems of global security, globalization, international community.

В процессе эволюции человеческой цивилизации перед обитателями нашей планеты постоянно возникают сложные и подчас неразрешимые проблемы мирового масштаба, которые в полной мере начали проявляться во второй половине прошлого века и вызваны целым рядом причин, актуализировавшихся в наши дни.

В данной статье мы остановимся лишь на наиболее значимых проблемах.

Так, проблему экономических отношений развивающихся стран с развитыми можно обозначить как проблему Север-Юг. Ее основной посыл заключается в том, что для преодоления пропасти между уровнями экономического и социального развития данных стран развивающиеся требуют от развитых государств различных уступок. Очень часто речь идет об увеличении доступа их товаров на рынки развитых стран, инвестиций в их производство, а также списании долгов и иных мерах.

Актуальна сегодня и проблема бедности, под которой понимается невозможность обеспечить необходимые для комфортного проживания людей условия. Гигантские масштабы бедности, особенно в слабо развитых странах, угрожают не только национальному, но и мировому стабильному существованию [4, с. 98–103].

Продовольственная проблема, связанная с неспособностью некоторых государств в полной мере обеспечить себя жизненно необходимыми продуктами питания. Ни для кого не секрет, что ее решение будет во многом зависеть в первую очередь от научно-технического прогресса, рационального использования полезных ископаемых и уровня поддержки государства.

В последнее время актуальной становится так называемая энергетическая проблема. Это проблема настоящего и будущего, основной причиной возникновения которой можно счи-

тять ускоренные и постоянно увеличивающиеся темпы потребления топлива. Развитые страны стараются минимизировать ее за счет уменьшения спроса на энергоресурсы путем снижения энергоемкости производств. В остальных странах, наоборот, наращиваются темпы потребления энергоресурсов. Кроме того, увеличивается конкуренция на мировом рынке энергоресурсов. Все вышеуказанные обстоятельства в сочетании с военной и геополитической нестабильностью в ряде регионов могут способствовать появлению значительных колебаний уровня мировых цен на энергоресурсы. Это может значительно влиять на динамику спроса и предложения, производства и потребления энергетических товаров, порождая кризисные ситуации.

Хозяйственная деятельность человека все больше влияет на экологические возможности мировой экономики. Ответом на эту угрозу может стать концепция экологически устойчивого развития, которая предполагает учет существующих в данный промежуток времени потребностей и обязательно интересов будущих поколений.

Охрана природы является важной и неотъемлемой частью развития. В 80-х годах XX века экономисты пришли к осознанию значимости проблем окружающей среды для экономического развития. К сожалению, процессы деградации окружающей среды могут иметь необратимый характер, что грозит полным разрушением и истощением ресурсов.

Демографическая проблема предстает в двух аспектах: демографический взрыв в странах развивающегося мира и демографическое старение населения благополучных и развитых государств. Для первой категории в качестве решения проблемы можно предложить повышение темпов экономического роста и снижение прироста населения. Для вторых – эмиграцию и неизбежное реформирование пенсионной системы.

Зависимость роста населения от экономического развития достаточно давно является предметом исследования ведущих экономистов мира. В результате выработаны несколько подходов. Первый подход связан с теорией Мальтуса. Суть ее заключается в том, что рост населения опережает развитие производства, и именно поэтому население мира беднеет. На сегодняшний день подходы к оценке роли народонаселения в экономике стран являются

комплексными, всеобъемлющими и выявляют как негативные, так и положительные факторы влияния роста населения на экономику и благосостояние населения.

Существует и проблема развития человеческого потенциала. Речь идет о соответствии качественных характеристик рабочей силы типу современной экономики. Сегодня растут требования к физическим качествам и образованию работника. Например, он должен обладать способностями к постоянному повышению своей квалификации, развитию своих навыков и способностей. Конечно, самые слабые показатели в данном направлении демонстрируют развивающиеся страны, выступающие основным источником пополнения мировых трудовых ресурсов. Именно вышеуказанные факторы обуславливают глобальный характер проблемы развития человеческого потенциала [3, с. 21–26].

Из целого комплекса экологических проблем можно выделить основную – сохранение и грамотное, рациональное использование водных ресурсов мирового океана. На сегодняшний день он представляет собой замкнутую экологическую систему, с трудом выдерживающую постоянно усиливающуюся антропогенную нагрузку, в результате чего создается реальная угроза его гибели и человечества в целом.

На сегодняшний день мир нестабилен, что доказывают последние события на Украине и в Европе. Воинственные настроения по отношению к нашему государству, расширение Североатлантического альянса на Восток и многочисленные учения вблизи границ России, заявления некоторых политических деятелей Украины о возможности возвращения Крыма в ее состав говорят о наличии еще одной серьезной проблемы – угрозы мировой ядерной войны.

Важнейшее значение имеет поиск научно обоснованных и реалистичных способов решения вышеуказанных и других проблем. Именно с этим связан целый ряд философских, общетеоретических и методологических вопросов, сложившихся в последовательную концепцию глобальных проблем, опирающуюся на достижения современной науки и определяющей стратегию глобальной безопасности.

Но данный перечень проблем не является окончательным. Понимание существующих глобальных проблем развития человеческой

цивилизации постоянно меняется, корректируется их приоритетность. Видимо, в будущем будут зарождаться новые глобальные проблемы, о которых еще не догадывается человечество.

Таким образом, глобальная безопасность – это вид безопасности для всего человечества, защита от опасностей всемирного масштаба, угрожающих существованию людей или как минимум способных привести к ухудшению условий жизнедеятельности людей [1, с. 272].

Особую озабоченность вызывает проблема локальных конфликтов, возникающих на почве межрелигиозного непонимания. За ними обычно скрываются традиционные геополитические противоречия. Наш мир подходит к грани, за которой стоит совершенно реальная угроза возрождения джихадов и крестовых походов, вдохновляемых фундаменталистами различного толка [2, с. 95–103].

Очевиден факт, что усилия мирового сообщества по созданию системы глобальной безопасности должны двигаться по пути создания механизмов и инструментов коллективной безопасности, охватывающих всех без исключения участников глобального мирового сообщества. Необходимо сформировать систему безопасности долгосрочного и комплексного плана, охватывающего различные факторы стратегической нестабильности, а также отвечающего потребностям демократической глобальной системы.

В наши дни практика обеспечения безопасности человека и гражданина в связи с появлением новых проблем, опасностей и угроз требует поиска адекватных подходов к ее реализации. Данные подходы должны ориентироваться не на предотвращение широкомасштабной войны, а на исключение локальных военных конфликтов, количество которых не уменьшается на нашей планете, а только растет. Локальные конфликты причиняют значительный не только материальный, но и экологический ущерб, подвергают опасности здоровье и жизни людей, влияют на политические, социальные и экономические явления и процессы, которые прямо или косвенно отражаются на жизненно необходимых интересах человека. Современные подходы к обеспечению безопасности должны акцентироваться на проблемах, связанных с региональной политической нестабильностью, которая обязательно приведет к экономической нестабильности, глобализации политики и экономики, деградации среды оби-

тания человека, распространению организованной преступности, терроризма, эпидемий и болезней.

Безопасность личности представляет собой систему отношений, существующую между людьми, оказавшимися в опасном состоянии, а также обществом и государством. Она выражается в обеспечении сохранности тех или иных жизненно необходимых потребностей и интересов человека, втянутого в социальные отношения. Обеспечение безопасности личности подразумевает использование государственных и общественных ресурсов, функционирующих на определенной правовой и социальной основе.

Многие исследователи термин «безопасность личности» представляют значительно шире, чем правовой, используя при этом системный подход методологии исследования национальной безопасности. Согласно данному подходу любая система является совокупностью функциональных и структурных компонентов, не только взаимодействующих между собой, но и взаимосвязанных и взаимозависимых.

Система обеспечения безопасности личности нацелена на создание универсального механизма, позволяющего выработать верную единую политику и стратегию государства и общества в области обеспечения безопасности личности. Данная система позволяет реализовать политику и стратегию государства в конкретных функциях институтов власти, сил и отдельных органов, призвана противостоять различным угрозам жизненно важным интересам человека и гражданина.

Для максимально подробного изучения системы обеспечения безопасности личности нужно привлекать все известные методы, уже хорошо себя зарекомендовавшие при изучении социальных систем. Но при этом нужно учитывать тот факт, что безопасность личности и составляющие ее элементы относятся к классу сложных систем. Именно поэтому изучение системы обеспечения безопасности личности, а также ее структурных и функциональных компонентов – подсистем всегда должно охватывать значительное число разнообразных методов получения, обработки, анализа и обобщения эмпирических данных.

Координальные изменения в области политики, а также устройства и распределения власти являются сопутствующими признаками глобализации. От того, насколько верно и полно будет раскрыт смысл данных изменений и

проявлено стремление к совместным действиям, в большой степени зависит способность человека контролировать процесс глобализации. Можно использовать положительные стороны этого процесса, чтобы попытаться свети к минимуму его негативные последствия и достойно и адекватно ответить на целый ряд современных вызовов, таких как экономические, социальные, экологические, духовные.

Революции в области коммуникаций приводят к своеобразному уплотнению пространства. Необходимость общечеловеческого взаимоуважения и взаимопонимания, солидарности перед лицом постоянно растущих и надвигающихся на нас угроз неуклонно сокращает возможности национальной политики и множит в геометрической прогрессии число региональных, континентальных и глобальных проблем. Взаимозависимость отдельных обществ усиливается, вследствие чего вышеуказанная тенденция не только начинает доминировать во внешней политике многих развитых государств, но и все больше дает о себе знать в решении возникающих внутриполитических вопросов.

Между тем суверенные государства остаются основой организационной структуры мирового сообщества. В условиях такого двоевластия встает вопрос о необходимости разумного баланса между национальной и глобальной политикой. Немаловажен вопрос и об оптимальном распределении обязанностей между этими типами политики, а также их органичном взаимодействии между собой.

Несмотря на все вышесказанное, опыт последних десятилетий не позволяет утверждать, что межнациональная система безопасности будет эффективна в будущем. Устранение разделения мира на два противоборствующих военно-политических блока не позволило демократизировать всю систему международных отношений, не исключила гегемонию и не привела к сокращению применения грубой военной силы. Начался новый этап геополитических игр на большой шахматной доске, именуемой Евразией, и новый передел сфер влияния. Вместо прежних конфликтов разгорелись новые, гораздо более кровопролитные. В целом после значительного продвижения вперед в виде прекращения так называемой холодной войны, был сделан и заметный откат «назад».

Но все же это не ставит под сомнение возможность гуманистического переустройства международной системы безопасности, хотя и

свидетельствует о том, что эта задача намного сложнее, чем представлялось ранее.

Наравне с формированием новой современной системы международных отношений, а также перераспределением власти между государствами, все более возрастающее значение приобретают иные факторы, явно значительно влияющие на устройство мирового порядка. Международные финансовые институты, глобальные системы коммуникаций, транснациональные корпорации, объединившиеся между собой родственные по духу политические партии и социальные движения, а также различные объединения, такие как религиозные, культурные, являются институтами формирующегося глобального гражданского общества, которые могут в ближайшей перспективе приобрести сильное влияние на ход мировой истории.

Многие страны и народы считают, что наличие статуса суверенного государства является эффективным средством защиты и обеспечения экономических и национальных интересов.

В экономическом развитии одной из ведущих проблем становится противоречие между глобализмом и национализмом. Возникает вполне закономерный и обоснованный вопрос: на самом деле ли и до какой степени национальные государства будут терять возможность определять экономическую стратегию и политику, освобождая место для транснациональных корпораций? А если все-таки это в действительности так, то каковы будущие последствия для социальной среды, формирование которой осуществляется в основном на национально-государственном уровне?

Взаимосвязь рыночной трансформации в нашем государстве и на всем постсоветском пространстве, с одной стороны, и экономической глобализации – с другой – это новая и перспективная, пока еще мало исследованная область для научного анализа и прогнозирования.

Мы наблюдаем открывающуюся новую сферу противостояния двух мощных сил: международной экономической среды и бюрократии (то есть всего, что за ней стоит), медленно, но уверенно утрачивающей национальную самобытность и обязательства. Глобализация обостряет экономическую конкуренцию, в результате чего ухудшается социальный климат, усиливается социальная напряженность.

В ближайшее время жителям нашей планеты придется столкнуться с необходимостью переосмысления базовых основ хозяйственной

деятельности вследствие быстро углубляющегося экологического кризиса, требующего внесения изменений в господствующую экономическую систему как на национальном, так и всемирном уровне нарастания поляризации богатых развитых стран и беднеющих развивающихся.

Формирующейся глобальной системе необходима четко организованная законная власть, выражающая волю граждан всех стран, обладающая широкими полномочиями для решения общемировых социальных проблем.

Очевидно, что обеспечение глобальной безопасности тесно связано с уменьшением общего числа глобальных проблем и ослаблением их давления на мировое сообщество.

Исходя из всего вышесказанного, можно понять, почему глобальная проблематика занимает важное место в повестках дня Генеральной Ассамблеи ООН, а также в деятельности ее специальных учреждений. Для изучения всех политических, социальных и экономических аспектов глобальных проблем современности по инициативе Организации Объединенных Наций были созданы несколько комиссий, которые представили свои глубоко проработанные доклады на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН. Одним из результатов Конференции ООН по проблемам окружающей среды, состоявшейся в 1992 году

в Рио-де-Жанейро, стало создание Комиссии по сбалансированному развитию. Комиссия межправительственного органа состоит из 52 человек и является центром согласования и координации программ, исполняемых различными учреждениями ООН. Но все-таки эту Комиссию нельзя рассматривать как административный координирующий орган, так как она функционирует в качестве механизма обеспечения общего политического руководства в сфере сбалансированного развития, например, в выполнении Программы-21 (Программы XXI века), принятой в Рио-де-Жанейро. Рекомендации этой программы можно свести к нескольким основным направлениям: снижение ресурсопотребления современной технологической сферой; борьба с бедностью; сохранение устойчивости биосферы; учет природных закономерностей при принятии решений, относящихся к политической, экономической и социальной областям [5, с. 13–18].

Глобальная безопасность имеет всеохватывающий характер. Она может быть обеспечена только согласованными усилиями всех членов мирового сообщества. Всеохватывающий характер глобальной безопасности говорит о том, что ее достижение возможно лишь при учете всех без исключения кризисных факторов мирового развития.

Литература

1. Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов / под общ. ред. А. И. Смирнова. М., 2011.
2. Скрыбина Н. Ю. Андрагогические условия обучения взрослых в системе непрерывного профессионального образования // Образование. Наука. Инновации: южное измерение. 2012. № 4 (24).
3. Сухорукова Л. М. Современные международные инициативы и глобальные тенденции в стратегическом управлении развитием систем непрерывного образования // Образование. Наука. Инновации: южное измерение. 2011. № 5 (20).
4. Гурба В. Н. Информационно-аналитическая компетенция менеджеров по актуальным проблемам безопасности сферы образования // Образование. Наука. Инновации: южное измерение. 2010. № 2 (12).
5. Власова В. Н. Стратегические инициативы ЮНЕСКО по сближению культур в глобальном пространстве // Культура. Наука. Интеграция. 2011. № 1 (13).

Bibliography

1. Global security: innovative methods of conflict analysis / ed. by A. I. Smirnov. Moscow, 2011.
2. Scriabin N. Yu. Andragogical conditions of adult learning in continuing professional education // Education. Science. Innovation: south dimension. 2012. № 4 (24).
3. Sukhorukov L. M. Modern international initiatives and global trends in strategic management and continuous education // Education. Science. Innovation: south dimension. 2011. № 5 (20).
4. Gurba V. N. Information and analytical competence of managers on current security issues in education // Education. Science. Innovation: south dimension. 2010. № 2 (12).
5. Vlasova V. N. Strategic initiatives of UNESCO on the approximation of cultures in global space // Culture. Science. Integration. 2011. № 1 (13).

Москаленко Сергей Григорьевич
Moskalenko Sergey Grigorievich

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат исторических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in History, Associate Professor.
E-mail: moscalenko1963@mail.ru

**ЭТИЧЕСКИЙ СТАНДАРТ ЭЛИТЫ КАК ОСНОВАНИЕ ТИПА
ВЕРХОВНОГО ВЛАДСТВОВАНИЯ И ЛЕГИТИМНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

**Ethical standard elite as the base type of the supreme ruling
and the legitimacy of state coercion**

В статье рассматриваются этические аспекты античного опыта кастинга и функционирования государственных элит, устанавливается аналогия между элитарными и силовыми функциями государства, подчеркивается значение этической конституции элиты для жизнеспособности государства.

Ключевые слова: элита, этический стандарт, этическая мотивация элиты, силовой блок государства, жизнеспособный полис.

The article discusses ethical aspects of the ancient experience of casting and operation of the state elites, it establishes analogy between the elite and the power functions of the state and stresses the importance of the ethical constitution of the elites for the viability of the state.

Keywords: elite, ethical standard, ethical motivation of the elite, power block of the state, viable polis.

Генезис государства в самой начальной точке предполагал первоочередное формирование структур, обеспечивающих территориальную целостность, сбор дани (в будущем трансформировавшейся в налоги), преследование уголовных преступников, то есть осуществление самых главных функций, тесно связанных с сутью государства как феномена цивилизации. Все многообразие функций современного государства в диапазоне от организации системы образования до космических программ и обеспечения адекватного санитарного состояния городов сформировалось очень поздно и является вторичным по сравнению с функциями принуждения или насилия. Со временем выработались разные варианты понимания правомерности насилия или его легитимности и связи с природой государства, но они касались не факта принуждения, а лишь его меры и границ.

Источником легитимного насилия может быть только законная государственная (публичная) власть. Можно выделить три вида легитимности, соответствующие природе типа верховного властвования, убедительно разра-

ботанных дореволюционными российскими юристами государственного права, в том числе Л. А. Тихомировым.

Верховная власть обладает такими признаками, как единство, неделимость, непрерывность, сакральность, постоянство, безответственность, абсолютность, ненарушимость, простота и т. п. [2, с. 53]. Под термином «безответственность верховной власти» Б. Чичерина понимает не «произвол», а отсутствие контролирующей инстанции, возвышающейся над верховным уровнем властвования, неподчиненность верховной власти никому, кроме самой себя (верховная власть в государстве ни перед кем не отвечает, кроме самой себя, так как на ней замыкается пирамида властеотношений, верховная власть не делегируется, властвует «из себя самой»).

Верховное властвование просто, так как не сложено из нескольких принципов, но основывается на одном из трех, открытых и описанных античными интеллектуалами, принципов: она может быть либо демократической, либо аристократической, либо монархической. Если такое имеет место, то перед нами случай

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

нормального легитимного функционирования и, соответственно, выражения верховной идеи – власти арифметического большинства, власти качественного меньшинства, власти этического принципа. Область этики на любом интуитивном уровне связывается со свободой и личностью, поэтому этическое доминирование не может выразиться полнее и однозначнее ни в какой иной форме, кроме монархии, определяемой как «единоличная власть в значении верховной». А демократия как тип верховного властвования наиболее индифферентна к этике из всех трех типов верховного властвования, поскольку здесь доминирует калькуляция и закон больших чисел (*vox populi vox dei*).

Неделимость верховной власти означает свойство любой власти вообще: разделенная власть – это уже в какой-то мере утраченная власть. Нельзя верховно властвовать, например, на 10 %. Деление верховной власти – это всегда двоевластие или троевластие, то есть гражданская война. Смешивание принципов верховного властвования и является признаком и вариантом полиархии. Для делегированной (инструментальной) власти возможны комбинации любых принципов. Поэтому данный тип власти более адекватно было бы называть управлением, или «властью-управлением». Показательно то, что современные ученые-политологи, например М. Манн, типологизируя государственную власть, выражают ту же самую идею, что и дореволюционные российские юристы, называя верховную власть «деспотической» (монополия полномочий на принятие решений государством), а инструментальную власть – «инфраструктурной» (монополия полномочий на реализацию этих решений) [3, с. 15–16].

Непрерывность (постоянность) выражает свойство верховного властвования к максимально длительному – теоретически абсолютному – фактическому наличию. Если в условиях демократии меняются должностные лица, вечным фактором остается «демос» (численное большинство), избирающий, контролирующий, судящий, карающий. В аристократиях таким вечным фактором выступает культ специальной квалификации и способностей. Властвующие правят по праву, легитимно, потому что осуществляют власть интеллекта, силы, богатства как принципов, олицетворяют их. В монархиях непрерывность обеспечи-

вает династизм – гарант этического стандарта высшего слоя элиты, но начинались они как выборные, со временем трансформируясь в наследственные и в наследственные по мужской линии.

Абсолютность – это свойство любой власти, интегральная характеристика, вбирающая в себя и непрерывность, и неделимость, и установку на сакральность (дивинальность, вечность).

Вопрос о том, почему народы выработали разные типы верховного властвования, в значительной степени является историческим и культурологическим. Мы генетически обречены ориентироваться на античный образец, для нас монархия без этического стандарта – это личная и клановая деспотия восточных падишахов или полисная тирания, имеющая делегированный, предаваемый, зависимый, а не верховный характер.

Тип верховного властвования определяет тип элиты – властвующего слоя. Функция любой элиты (демократической, аристократической и монархической) заключается в военном и экономическом доминировании, то есть в обеспечении элитарного статуса (суверенитета, суверен – это господин, хозяин). Древнейшие и первичные функции государства прямо связаны с осуществлением принуждения, поэтому они автоматически стали и функциями его элит.

Жизнеспособность любого государства в решающей степени определяется функциональной адекватностью его силового блока, качествами армии, полиции, специальных служб, пенитенциарной системы, в числе которых этические характеристики занимают ведущие позиции. Античные интеллектуалы, в том числе Платон в диалогах «Государство», «Закон», «Политик», акцентировали внимание на прямой корреляции функциональной жизнеспособности государства (полиса) и этических качеств его элитарного (доминантного, правящего, силового) слоя.

Фундаментальной (первичной и основной по смыслу и времени возникновения) функцией элиты («профессионалов» – «аристократии» – «лучших» (от греч. «аристос»)) Платон называет защиту от внешней угрозы инвазии и обеспечение элитарного военного, экономического, политического доминирования в полисе.

Государственные органы, которые сейчас принято называть силовым блоком, со време-

ни зарождения государства выполняют первичные функции элиты.

Элита всегда и везде первично и привычно проявляет себя как «силовики», осуществляя «легитимное насилие» для обеспечения функциональной целостности полисной структуры. Выдающийся русский юрист и историк Н. М. Коркунов обоснованно утверждал, что максимально близким к идеалу станет такое государство, в котором будет обеспечен необходимый уровень монополизации им функций правомерного военного и полицейского насилия при предельном дистанцировании частных лиц от законно осуществляемой данной функции [4, с. 184–186].

Государство, таким образом, представляет собой прежде всего систему «легитимизированного насилия», то есть признанную большинством населения монополию на справедливое, то есть правомерное, доминирование в области применения насилия. При отсутствии или деформации этического стандарта элиты легитимность утрачивается и государство «рес публика» («общее благо») деградирует до «рес привата» («частное благо») соответственно. Аристотель ярко и убедительно показывает в «Политике», что монархии трансформируются в тирании, аристократии – в этически вырожденный тип олигархии, а демократии – в охлократии.

Бесчисленные примеры из истории становления государства и права России и зарубежных стран свидетельствуют о долгой и подчас ожесточенной борьбе силового блока (элиты) государства за данную монополию с частными инициативами. Характерна, например, история попыток ограничения и ликвидации таких институтов, как местничество (клановый кровно-родственный кастинг на элитарные статусные позиции), кровная месть, ордалии (судебные поединки), которые интерпретируются как активность частных лиц по реализации претензий, образующих предмет притязаний монопольного характера со стороны публичных силовых (элитных) структур. Эти претензии воспринимались «вельможами» и «холопами» как «привилегии», за них население готово было бороться до последнего предела, в ряде стран это могло мутировать в некую «гражданскую» культуру и идеологию, обосновывающую «привилегию» частных лиц на осуществление насилия как признак «свободы» и «вольности». Парадоксальными для современного восприятия выглядят, например, причины

казачьих войн с государством XVII века, то есть войн частных сообществ (казаки не являлись в тот период сословием и учитывались как «гулящее» население, не несущее никакого государственного тягла) с политическими структурами, с элитарными (силовыми) сословиями Московского государства. Знаменитое каноническое для советской школьной исторической концепции и пропагандистского нарратива «восстание Степана Разина» не в последнюю очередь инспирировалось попытками государства ограничить кабаление в холопство. Известно, что холоп на период кабального срока освобождался от публичных повинностей, включался в частнопроводные отношения в качестве раба (объекта вещного права). Ограничение возможностей кабаления в холопство (то есть в частнопроводную зависимость) со стороны государства было воспринято как угроза сужения возможности уклоняться от публичных повинностей для частных лиц. Государственная элита (силовой блок) в любой момент времени и в любой точке контролируемого ею пространства для конституирования и легитимизации именно в этом элитарном качестве доминаторов должно было отстаивать в борьбе с конкурирующими частными претендентами тройную монополию на «трон» (верховную власть), «виселицу» (смертную казнь), «мантию и парик» (суд). Таких частных претендентов – заговорщиков и бунтовщиков – воспринимали в системе терминологических координат русского исторического права как «воров» (самозванцев, мятежников, заговорщиков), а самозванчество расценивалось «частниками» как важная привилегия, максимальная в числе всех прочих по дерзости замысла, конкурентная официальной власти «законной» претензией (Е. Пугачев). Серьезность угрозы самозванцев для срыва программы легитимного формирования силовой элиты России отмечала Екатерина II, называя Пугачева «мой объявившийся супруг» и «маркиз Пугачев». В случае успешной борьбы государство и его силовая элита (заметим, что вплоть до второй половины XIX века эти понятия совпадали) приобретали эйдетически адекватный конструктивный и функциональный публичный статус, если же успех не достигался, то процесс конкурентной борьбы с государством (с верховной властью монархического типа) мог быть воспринят и как борьба между типами верховного властвования, и как

бесконечное самоутверждение местничества, вендетты, «фаустрехт» и самозванчество, способные превратить формируемые государством сообщества в аморфные, сотрясаемые «восстаниями», почти нежизнеспособные образования.

«Назад к античной классике» – в современных условиях этот лозунг был бы более чем актуален, так как можно констатировать, что постепенно происходит утрата должной адекватности в понимании конструктивной ценности проблемы легитимного государственного насилия.

Банальный вариант интерпретации легитимности как таковой заключается в отождествлении ее с общепризнанностью гражданами. Проблема состоит в том, что общепризнанность является весьма многозначным понятием и требует максимального уточнения [6, с. 301–304]. К тому же общераспространенные интерпретации почему-то оставляют в стороне такой важнейший аспект легитимности, как этический стандарт осуществляющего государственное насилие слоя элиты. Под этическим стандартом не следует понимать что-то в бытовом смысле идеальное, совершенное, недостижимое. Вполне достаточно вспомнить продуктивную мысль Платона о цели государства как осуществлении минимальной справедливости. Если элита (силовики) по каким-то причинам окажется на это не способна, то государство неизбежно пройдет все закономерные стадии деградации – от аристократии и монархии к охлократии и тирании. Платон акцентирует внимание на этических качествах именно элиты, а не подчиненных граждан, так как он открывает феномен «мимезиса»: низшие подражают высшим, и народ-демос подражательно будет этически примерно таким, какова его элита. Согласно классическим античным взглядам на соотношение «легитимность – общепризнанность», для элиты необходимо не только силовое обеспечение политического и экономического доминирования, но и обязательное этическое преобладание.

Так, этическое доминирование элиты в контексте классических взглядов обеспечивает все другие виды элитарного господства незыблемым обоснованием, то есть, другими словами, делает их легитимными надежно и непоколебимо. Этический стандарт военной, интеллектуальной, творческой элиты (понятие, в Античности совпадавшее с категорией

«силовики»), так как культурное, интеллектуальное доминирование в полисе было немисливо вне военного, силового доминирования. В фаланге Афин сражался и гошпит Сократ, и воин – кулачный боец Платон, более того, любой гражданин полиса имел, согласно реформам Солона, обязательный военный статус) в решающей степени определял жизнеспособность государства, баланс условий, необходимых для процветания полиса. К этическому стандарту относилось не совсем то, что мы сейчас могли бы назвать нравственным. Основу этического стандарта составляли четыре кардинальных «арете» (добродетели, типы этической конституции человека): мужество, мудрость, справедливость, умеренность (благоразумие).

Подводя итог своим размышлениям о наилучшем полисе, Платон закономерно приходит к выводу о том, что полис-«политейя» (лучший из возможных) возможен только тогда, когда «каждый будет находиться на своем месте», определенном посредством справедливого кастинга, распределяющего граждан по критерию индивидуальной этической конституции: в таком полисе мудрые попадают в академии, мужественные – в армию, справедливые – в суды, расчетливые занимаются бизнесом. Генеральная мысль в сочинениях Платона, затрагивающих политическо-правовую проблематику, заключается в утверждении, что этический стандарт элиты относится к числу важнейших факторов обеспечения баланса условий выживания полиса как целого, а гражданин может быть элитарной частью полиса только тогда, когда он способен к высокой нравственной мотивации, адекватен элитарному этическому стандарту. Гипотетически именно такой кастинг элиты и его культивирование обеспечили небывалый и неповторимый расцвет полисной цивилизации. Техника превращения «идиотес» (частного лица) в «политес» (гражданина) и, наконец, аристократа («аристос» – лучший), профессионала власти и управления с высокой мотивацией («силовика», политика) в деталях нам известна мало, но общий вектор реконструируется по классическим текстам достаточно достоверно и надежно.

Сейчас широко используется классификация типов государств, разработанная Платоном и Аристотелем, причем оперируют ею в основном политологи: они зачастую совершенно уходят от этического содержания кон-

цепции классиков, а без него, как нам представляется, и невозможно установить необходимую степень адекватности представлений о предмете. Только этическая дешифрация позволит воссоздать, спроецировать и адекватно применить столь важное нам сейчас античное наследие в части объяснения условий жизнеспособности государства.

Таким образом этически мотивированный античный «силови́к» (представитель полисной военной и интеллектуальной элиты), прошедший соответствующий кастинг, обеспечивает управляемое, оптимально жизнеспособное функционирование государства в качестве его аристократии – элиты. «Жизнеспособный полис» и «военное, экономическое, политическое, креативное доминирование мотивированных этически профессионалов, способное обеспечить минимальный уровень справедливости» – это синонимичные термины.

Государственная монополия на насилие будет наиболее правомерна, если его осуществляет слой адекватных профессионалов с кодексом профессиональной чести, этическим контролем и самоконтролем. В результате полис постепенно трансформируется в сообщество, превращающее «зоон» в «зоон политикон», которые распределены по статусным

позициям в соответствии с адекватными критериями – «каждый на своем месте» – мудрые управляют и судят, сильные и мужественные воюют и т. п.

Силовые блоки государств полностью определяются типом их этической конституции. К числу этически здоровых, нормальных и функциональных типов государства классики относили, помимо аристократии, монархию и демократию. Если же элита не соответствовала требованиям этического стандарта даже при максимальной степени выраженности иных видов доминирования, она перерождалась, трансформируя велед за собой весь полис, в тирании, олигархии и охлократии. Возвращение классических смыслов и значений современной терминологии позволит нам понять источник негативного вектора эволюции элит, силовых блоков и государств в целом. Став тираническими, олигархическими или охлократическими, элиты и силовые блоки утрачивают конструктивный этический фундамент легитимности и неизбежно трансформируются в феномен доминирования группировок частных лиц, вынесших публичный интерес за скобки, использующих ценности государства в целях прикрытия частной самореализации.

Литература

1. Коркунов Н. М. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. Государство и его элементы. М., 2015.
2. Тихомиров Л. А. Единичная власть как принцип государственного строения. М., 1993.
3. Джералд М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.
4. Голиков А. К. Основы законности и защита прав и свобод личности в социально-философских и политико-правовых концепциях русских либералов конца XIX – начала XX века (С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. № 16. Т. 6.
5. Платон. Государство, или О справедливости. Законы, или о законодательстве // Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т. 6.
6. Аристотель Политика. Афинская политика. М., 1997.

Bibliography

1. Korkunov N. M. Comparative essay on state rights of foreign powers. The state and its elements. Moscow, 2015.
2. Tikhomirov L. A. Personal authority as a principle of state structure. Moscow, 1993.
3. Gerald M. Reconstructing the state. Personal networks and identity in Soviet Russia. Moscow, 2010.
4. Golikov A. K. Fundamentals of law and protection of the rights and freedoms of the individual in social-philosophical and political-legal concepts of Russian liberals of the late XIX early XX century (S. A. Muromtsev, N. M. Korkunov) // Izvestia of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university. 2006. № 16. Vol. 6.
5. Platon. Republic // Collected works: in 4 vols. Moscow, 1994. Vol. 3.
6. Aristotle Politics. Athens Politeia. Moscow, 1997.

Григоров Евгений Валентинович
Grigorov Evgeny Valentinovich

доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России кандидат исторических наук, доцент.

Associate Professor, Department of History and Philosophy, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in History, Associate Professor.
E-mail: grigorovev@mail.ru

КОНСЕРВАТИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ: ПЛОДЫ ЛОГИЧЕСКОЙ ОШИБКИ

Conservatism and liberalism: the product of logical errors

В статье анализируется распространенное в историографии мнение об аморфности консерватизма, о его возможности иметь почти любое содержание, о его ситуативном определении, что можно рассматривать как отказ от выделения собственно консервативной идеологии. Истоки этой проблемы автор видит в нарушении правил логического определения понятия, сводящих консерватизм к «не либерализму», а ее решение – к процедуре дифференциации нелиберальных идеологий, одной из которых и является консерватизм.

Ключевые слова: консерватизм, либерализм, традиция, модерн, идеология, логическая ошибка.

The article analysis accepted in historiography idea about the amorphism of the conservatism, about its ability to have nearly any content, about its situational definition, that can be treated as a rejection of the conservative ideology. The author sees the roots of this problem in breaking the rules of logical definition of the term, that brings the conservatism to the concept of «non-liberalism». The decision of this problem is the differentiation of non-liberal ideologies and the conservatism is one of them.

Keywords: conservatism, liberalism, tradition, modern, ideology, logical mistake.

Термин «консерватизм» широко распространен в современной общественно-политической, исторической и философской мысли. Но видим ли мы и наши оппоненты за этим словом один и тот же референт, одно и то же явление? Скорее нет, чем да. Мы вынуждены решать семантические задачи, связанные с «иллюзией понятности» – ситуацией, когда наше толкование смысла слова не соответствует его действительному содержанию, несмотря на полную уверенность в правильном его понимании.

Нужно постоянно помнить о том, что сходство между знаками, словами ни в коем случае не определяет сходство между референтами, явлениями, которые они обозначают. Несмотря на то, что последняя мысль более чем тривиальна, использование одного и того же термина может серьезным образом повлиять на наше восприятие смысла. Возьмите две различные теории, далекие друг от друга во времени и пространстве, в которых нет общих существенных признаков, и назовите их одним словом, и вот уже «хитрый разум» обнаруживает мнимое сходство, и эти концепции начи-

нают рассматриваться в рамках одной традиции, как и, например, идеи Н. М. Карамзина и программа Р. Рейгана исследуются с точки зрения «консервативного направления мысли». Могущество слова особенно проявляется в историческом исследовании консерватизма. Поэтому самоидентификация идеологий в качестве консервативных не только зависит от того, что понимается под содержанием консерватизма, но и излишне расширяет это содержание, поскольку исследователи зачастую некритично зачисляют эти идеологии в консервативный лагерь.

Таким образом, рассматривая философский анализ консерватизма как феномена социально-философской или политической реальности, мы с необходимостью должны решать формально-логические и семантические трудности, возникающие в ходе нашего исследования.

Научный поиск сущности консерватизма в современной теории превращается в непрекращающийся процесс уточнения и переопределения понятия. Существует обширная историография, где этот вопрос рассматривается специально [4; 7; 10].

Исторические условия возникновения консерватизма [5] стали причиной того, что многие исследователи не только отметили его соперничество с либеральной концепцией, но и посчитали эту противоположность существенной чертой консервативной идеологии [17]. М. Ю. Чернавский пишет: «Консерватизм идейно формировался как реакция на либерализм, и по своим принципиальным положениям является антиподом либерализма... только на путях идейного противодействия либерализму консерватизм сможет выступить как самостоятельное и цельное философское и социально-политическое течение общественной мысли» [17].

Традиционное отождествление либерализма с духом Нового времени позволяет рассматривать консерватизм как реакцию на новое мировоззрение или на его отдельные составляющие: консерватизм – реакция на рационализм Просвещения, консерватизм – ответ на Французскую революцию, «консерватизм возник как реакция на национализм и индивидуализм Нового времени» [13], «консерватизм экзистенциального толка... в ответ на вторжение масс в политику и распространение идей социального равенства» [14, с. 37].

Мы считаем, что выведение сущности консерватизма из его противопоставления либерализму ошибочно, поскольку именно этот широко распространенный подход имеет недостатки логического характера. Радикально противопоставив себя всему прошлому опыту, Новое время (модерн, современность) может быть сведено к отрицательному определению: «Новое время не есть старое время», что выражено уже в «Новом органоне» Ф. Бэкона. Однако, как мы знаем, по правилам определения понятия оно не должно быть отрицательным. Это приводит к нарушению другого правила – соразмерности и, соответственно, к ошибке «слишком широкого определения понятия». Если консерватизм отрицает парадигму Нового времени, выраженную в либерализме и Просвещении, то он становится тождественным понятию «старое время», то есть всему социальному и политическому опыту, предшествующему модерну. Консерватизм, определяемый как антиреволюция, антисовременность, антипросвещение [10], может включать в себя любые признаки социального опыта всего периода развития человеческой цивилизации,

предшествующего Новому времени. Однако социальная жизнь домодерновской истории не была единой и непротиворечивой, она во многом иррациональна и наполнена парадоксами и антиномиями. Поэтому совокупность признаков конкретной консервативной идеологии может включать в себя противоречащие друг другу утверждения, поскольку консервативные мыслители Нового времени, находясь в рамках рациональной парадигмы современности, воспринимают весь период древней и средневековой истории как единое целое, противоречащее модерну, и, соответственно, могут заимствовать из него любые идеи. Так, в некоторых социально-философских школах основу домодерновской жизни связывают с понятием «традиция» и радикально противопоставляют его слову «современность» [2]. Однако попытка включить весь социально-политический, религиозный, духовный опыт всех культур, народов, цивилизаций, существовавших на протяжении десятков тысяч лет на всей поверхности земного шара, в узкое содержание понятие «традиция» выглядит достаточно спорной, ведь противопоставляется оно категории, сформулированной в конкретной точке пространства (Западной Европе), в конкретную эпоху (XV–XVII века), на базе конкретного мировоззрения (западно-христианской интеллектуальной традиции). В дальнейшем же некритическое отождествление традиционалистской идеологии с консервативной привело к тому, что и консерватизм вобрал в себя все богатство домодерновской эпохи [3].

С точки зрения логики, определяя консерватизм как концепцию, противоречащую либерализму, который выражает всю сущность модерна, исследователи проводят операцию «образования дополнения к классу».

Класс «либерализм» дополняется классом «не либерализм» (= «консерватизм»), которые в совокупности образуют универсальный класс «мировоззренческая концепция» (здесь возможны варианты: «идеология», «социально-политическая теория», «духовное движение»). Консервативные учения не включают в себя сразу все домодерновские принципы, а могут занимать любое место в объеме класса «не либерализм». Поэтому в рамках такого подхода исторические формы консерватизма могут быть между собой в отношениях равнознач-

ности, пересечения, подчинения, несовместимости. Например, понятие «французский консерватизм» подчиняется понятию «европейский консерватизм» и подчиняет понятие «консерватизм де Местра», а понятие «религиозный консерватизм» пересекается с понятием «консерватизм в России» (последний мы берем в широком значении, например, брежневский «застой» можно рассматривать как форму консерватизма).

Кроме того, в политической жизни консерватизм и либерализм стали «соперниками-партнерами», иллюстрируя закон единства и борьбы противоположностей. Если где-то возникает либеральная партия, то оппозиционные силы, как правило, заявляют о своей консервативности, и наоборот. Если же либеральная партия, развиваясь, включает в себя консервативные идеи, то ее консервативный соперник начинает использовать идеи либеральные. Объем понятия «либерализм» смещается в универсальную область «мировоззренческая концепция», занимая место объема одной из консервативных доктрин, а объем другой консервативной идеологии может переместиться на освободившееся место. Таким образом, конкретное консервативное учение может занимать любое место не только в объеме класса «не либерализм», но в объеме всего универсального класса «мировоззренческая концепция».

Пример такого взаимодействия можно встретить в истории XX века. Кризис идей раннего либерализма привел к тому, что он стал развивать социальные программы, ранее характерные именно для консерваторов («социальное государство» Бисмарка), которые достигли своего пика в концепции «государства благоденствия». После его кризиса в политику вернулись принципы раннего либерализма, отстаивать которые принялось движение, назвавшееся неоконсерватизмом (политика Р. Рейгана и М. Тэтчер).

Исходя из этого, первоначальное противопоставление консерватизма либерализму перестало быть фундаментальным, сформировалась совершенно противоположная точка зрения. Некоторые ученые стали рассматривать консерватизм как явление Нового времени, разделяющее его дух с либерализмом [1; 6; 10; 12; 15; 18]. По их мнению, в этот период не было самостоятельной, специальной консер-

вативной идеологии, которая в дальнейшем восприняла либеральные черты. «Консервативная» идеология модернизма изначально была либеральным проектом. «Консерватизм ментально включен в парадигмы, возникшие с приходом Нового времени» [6]. В Англии «тори и виги мало чем отличались друг от друга» [11], а их «идейная общность... исключала возникновение каких-либо антагонизмов между ними» [11]. Если же и признавалось различие между этими концепциями на первых этапах их существования, то утверждалось их быстро наступившее сближение [16]. А. Токвиль «производит своеобразную “либеральную революцию” внутри консервативной идеологии» [16]. По мнению А. В. Фененко, именно так консерватизм приспособлялся к либерализации общества [16].

Либерализму противостоял «старый порядок» с его феодальными институтами и традиционным обществом. Этот противник был побежден либеральными силами окончательно уже в XIX веке благодаря успехам капиталистической экономики. После провала европейских революций 1848 года почти никто не сомневался в исторической правде либеральной идеологии и реакционности феодального уклада. В дальнейшем оппозиция либерализму стала связываться с развитием социалистических идей, а не с консервативным направлением, поскольку в большинстве исторических, социально-политических и социально-философских исследований консерватизм стали понимать как течение в либерализме: «Основа социал-политических воззрений современного консерватизма (например, в США) составлена из идей “классического либерализма”» [18]. «Консервативная» историография включает имена таких либеральных мыслителей, как Берк, Токвиль, Хайек, Фридман и другие.

Странники самостоятельности консервативной теории не избежали опасности сближения противоречащих друг другу концепций. Р. Нисбет утверждает, что консерватизм XVIII–XIX веков повлиял на все идеологии, а А. А. Ивин отмечает, что «либеральное направление мысли органически впитало в себя главные направления консерватизма» [9]. Таким образом, по словам В. Г. Богомякова, «к концу XX века происходит своего рода историческая инверсия и требования классического либера-

лизм начинают пониматься в качестве консервативных» [1].

Мысль о том, что консерватизм менялся, очень популярна у современных исследователей. «Консерватизм на протяжении последнего столетия продемонстрировал поразительную способность ко всякого рода мутациям и трансформациям», – пишут А. Ю. Минаков и С. Г. Аленин [13]. Однако нам кажется, что такое представление возникает только у того, кто некритически принимает за консерватизм любую идеологию, которая об этом заявляет.

В этом случае, как было показано выше, любое учение может быть названо консервативным, и консерватизм может иметь какое угодно содержание [7], и, соответственно, не может быть никакого единого консерватизма для всех эпох и всех регионов, что, и закреплено в ситуативном подходе. С точки зрения практического использования консервативной идеологии ее аморфность и неопределенность может оцениваться положительно, так как позволяет идеологам и теоретикам следовать иррациональным изменениям реальности, не выходя за рамки этой идеологии, что неизбежно для тех теорий, где все существенные признаки строго закреплены за определенными принципами [15]. Мы считаем, что указанная аморфность консерватизма и его политическая всеядность являются следствием логической ошибки, которая привела к несопоставимости статусов консерватизма, понятого как вся полнота жизни в период, предшествующий Новому времени, и либерализма как рационально сконструированной идеологии, как определенной рациональной схемы. Для корректного сравнительного анализа этих двух феноменов нужно либо свести консерватизм к рационально выстроенной идеологии, что и пытаются сделать многие современные исследователи, либо расширить либерализм до всего содержания современной жизни (такую попытку предпринимает школа интегрального традиционализма). Но оба эти пути сталкиваются с неразрешимыми методологическими проблемами. Традиционалисты, анализируя современность, вынуждены отрицать принципы традиции в качестве свойств современного мира и относить их к анахронизмам, считая их элементами вечно живущей традиции. В противном случае их противопоставление традиции и современности потеряет свою радикальность,

чего они не могут ни в коем случае допустить, так как вся их методология и выстроена на ней. Попытка же рационализировать консерватизм ведет к его либерализации, уничтожает его существенные черты, поскольку либерализм возник вследствие развития буржуазного рационализма, а методами рациональной науки можно обосновать только либеральную идеологию.

Мы видим, что отрицательное определение консерватизма как «не либерализма», понятого как «не модерн», а также зачисление по этому признаку идеологий в консервативный лагерь стало причиной ситуативного определения консерватизма и отказа исследователей от поиска общего содержания этой идеологии.

Для того чтобы избежать этой методологической проблемы, необходимо признать, что в момент возникновения консерватизма как противника Великой французской революции появлялись и другие идеологии, противостоящие последней (умеренный либерализм, традиционализм), которые развивались по собственной внутренней логике и проявлялись через различные, как либеральные, так и антилиберальные, концепции. Кроме того, не все политические теории, имеющие связь со средневековым мировоззрением, являются консервативными. В этом случае вывод о мутации консерватизма будет малоубедителен. Ошибка многих исследователей в том, что эти очень разные концепции, берущие начала от антиреволюционных взглядов, пытаются втиснуть в рамки какого-то общего консерватизма, который, соответственно, не может существовать ни в каком другом, а только в аморфном виде.

На самом деле идеи Э. Берка совершенно естественно перетекли в идеологию тори и консервативной партии Великобритании, затем через неоконсерватизм дошли до крайней формы либертарианства. Речь идет о чисто либеральной традиции. Идеологические принципы вигов Берка общеизвестны, это принципы классического либерализма Дж. Локка и А. Смита. Вся свою жизнь он отстаивал идеалы «Славной революции» 1688 года. Поэтому его нельзя считать и противником любых кардинальных изменений. В своей работе, иногда называемой «библией» консерватизма, этот «отец-основатель» «консервативной» идеологии отстаивает основные принципы

наиболее либерального общества того времени и защищает институты и механизмы самого либерального государства его эпохи – Англии. Работа Берка «Размышление о Революции во Франции», хотя и была вызвана событиями Французской революции, но не содержала никаких новых социальных и политических взглядов. Э. Берк борется против радикального крыла в английском либеральном лагере, к которому он, без сомнения, принадлежал и сам, против тех, кто поддерживает экстремистскую французскую политику, а все его дифирамбы традиции обусловлены его склонностью к умеренным политическим решениям.

Позднее, при перерастании классического капитализма в государственно-монополистическую форму, именно либеральные ценности – невмешательство государства в экономику, свободный рынок, индивидуальная свобода, в том числе и «главная ценность и смыслообразующий элемент либерализма – самоопределение и автономия личности» [10, с. 40], стали признаком западного консерватизма, а затем и неоконсерватизма. Поэтому, характеризуя неоконсерватизм, пишут о его неоконсервативном содержании. При этом самое большое заблуждение здесь состоит в том, что вместо того, чтобы раз и навсегда вычеркнуть неоконсерватизм из списка консервативных концепций и перестать его анализировать в рамках исследований консерватизма, это направление с маниакальным упрямством включают в консервативную историографию. Как бы мы не называли политическую концепцию, но очевидно одно: если она защищает капиталистическое общество с его экономическим укладом, то она отстаивает либеральные ценности. «Усвоив определенный пласт либеральной мысли, сам консерватизм начал превращаться в системную идеологию, составной элемент и даже своеобразную “опору справа” современного западного общества» [16].

За пределами Англии (во Франции и России) консервативные учения имели совсем другие признаки.

Ж. де Местр придерживался контрреволюционной идеологии феодального монархизма в условиях ее политического банкротства. В новых политических реалиях его аристократическая партия превращается в сторонников реакционной утопии, призывающей к

возврату во времена Людовика XI, к идеализированному, никогда не существовавшему феодализму. Идеи Ж. де Местра, связанные с иррационализмом и феодализмом, через немецких романтиков, философию Шопенгауэра, Ницше, Шпенглера в XX веке нашли свое выражение в школах «консервативной революции», интегрального традиционализма Р. Генона и «новых правых», что, как видим, довольно логично.

Также значимым здесь будет различие во взглядах западноевропейских и русских консерваторов. Истоки русского консерватизма совсем другие, чем на Западе. Консерватизм в России всегда был связан с христианством, православием. К. С. Аксаков писал: «Напрасно думают иные, что консервативность западная хороша; консервативность может превратиться в революционность, как скоро консервативность эта – западная. Надо помнить, что, будучи сторонами одной и той же жизни, они могут переходить одна в другую, ибо консервативность на Западе предполагает уже революционность и есть только ее противоположность, она вызвана врагом, против которого борется. Русская же консервативность не имеет врага, ибо в русском народе нет духа революции» [8, с. 196]. Русский консерватизм выходит из жизни и души народа, а не из-под пера идеолога или философа, это не теория, это сама жизнь. «Стоит нам только быть русскими – вот мы и консерваторы», – пишет К. С. Аксаков [8, с. 196].

Представления о коренной трансформации возникают лишь тогда, когда от идей Берка переходят к Местру, от него – к тори и Токвиллю, затем – к Ницше и «консервативной революции» и к неоконсерватизму и либертарианцам. Все эти «переходы» возможны лишь по причине совершенно некритичного использования слова «консерватизм». Причем невнимательность к терминам у консерваторов объясняется их критическим отношением ко всякого рода схемам и системам, в том числе и понятийным, а у либералов – отрицательной оценкой всех нелиберальных идеологий.

Мы считаем, что, оставаясь в рамках историко-политического дискурса, решить проблему единого содержания, а соответственно, и определения консерватизма нельзя [4]. Развивая аксиологический взгляд на природу консерватизма, мы определяем его как ориен-

тацию на общеизвестные ценности, носители которых существуют в форме реальных институтов и реализованных проектов. Консерватизму в этом случае противостоит не модерн, не радикализм, а ориентация на нормативные ценности, реализующиеся в форме идеалов, рациональных конструкций. Эту позицию, по

нашему мнению, можно отождествить с утопизмом. Взгляд на общество сквозь призму отношений между консерватизмом и утопизмом позволяет прояснить многие проблемы как истории идей, так и природы социальной реальности.

Литература

1. Богомяков В. Г. К вопросу типологии консерватизма // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4.
2. Генон Р. Кризис современного мира. URL: <http://www.philosophy.ru/lib/relig/>
3. Григоров Е. В. Консерватизм и традиционализм: теория и идеология // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 1 (12).
4. Григоров Е. В. Проблемы определения консерватизма // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2009. № 3 (6).
5. Григоров Е. В. Рождение консерватизма? (Э. Берк, Жозеф де Местр, Н. М. Карамзин) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2010. № 3.
6. Джемаль Г. Консерватизм как часть либерального клуба // Консерватизм как принцип: от социальной идеи к философии русского общества (круглый стол). URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=502>
7. Дугин А. Г. Консерватизм как явление: возможна ли его общая теория? // Философия права. 2009. № 4.
8. Замалеев А. Ф. Курс истории русской философии. М., 1996.
9. Ивин А. А. Философский словарь. URL: <http://encdic.com/philosophy/Ivin-Aleksandr-Arhipovich-3951>.
10. Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (материалы круглого стола) // Полис. 1995. № 4.
11. Лабутина Т. Л. У истоков британского консерватизма: идеология и политика первых тори. URL: <http://geum.ru/next/refrt-81644.html>.
12. Мигранян А. М. Переосмысливая консерватизм // Вопросы философии. 1990. № 11.
13. Минаков А. Ю., Алленов С. Г. Предисловие // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: сборник научных трудов. Воронеж, 2001. Вып. 1.

Bibliography

1. Bogomyakov V. G. The question of typology of conservatism // Bulletin of Tyumen state university. 2004. № 4.
2. Genon R. Crisis of modern world. URL: <http://www.philosophy.ru/lib/relig/>
3. Grigorov E. V. Conservatism and traditionalism: theory and ideology // Bulletin of Surgut state pedagogical university. 2011. № 1 (12).
4. Grigorov E. V. Problems of notion of conservatism // Bulletin of Surgut state pedagogical university. 2009. № 3 (6).
5. Grigorov E. V. The Birth of Conservatism? (E. Burke, J. de Maistre, N. M. Karamzin) // Bulletin Surgut state pedagogical university. 2010. № 3.
6. Dzhemal G. Conservatism as a Part of liberal club // Conservatism as a Principe: from social idea to the philosophy of Russian society (round table). URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=502>.
7. Dugin A. G. Conservatism as phenomenon: is its general theory possible? // Philosophy of law. 2009. № 4.
8. Zamaleev A. F. The Course of the history of Russian philosophy. Moscow, 1996.
9. Ivin A. A. Dictionary of philosophy. URL: <http://encdic.com/philosophy/Ivin-Aleksandr-Arhipovich-3951>.
10. Conservatism as a stream of social thought and a factor of social development (round table proceedings) // Polis. 1995. № 4.
11. Labutina T. L. At the sources of the British Conservatism: ideology and politics of the First Tories. URL: <http://geum.ru/next/refrt-81644.html>.
12. Migranyan A. M. Rethinking conservatism // Questions of philosophy. 1990. № 11.
13. Minakov A. Yu., Allenov S. G. Introduction // Conservatism in Russia and worldwide: past and present: collection of research papers. Voronezh, 2001. Part 1.
14. Myslivchenko A. G. The problem of the genesis of conservatism of existential type // Questions of philosophy. 2006. № 3.

14. Мысливченко А. Г. К вопросу о генезисе консерватизма экзистенциального типа // Вопросы философии. 2006. № 3.

15. Солонин Ю. Н. Консерватизм: актуальность проблемы // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности). СПб., 2004.

16. Фененко А. В. Аристократический консерватизм Алексиса де Токвиля и его влияние на политическую теорию «правых» А. В. Фененко // Commentary de History. 2001. № 4.

17. Чернавский М. Ю. К проблеме возникновения идеологий либерализма и консерватизма // Гуманитарные науки: проблемы и решения. СПб., 2007. Вып. V.

18. Шамшури В. И. «Концепция Фрасимаха» и социально-политический опыт консерватизма // Социс. 1994. № 5.

15. Solonin Yu. N. Conservatism: a live issue // Philosophy and socio-political values of conservatism in public conscience of Russia (since the Beginnings to the modern times). St. Petersburg, 2004.

16. Fenenko A. V. Aristocratic conservatism by alexis de toqueville and his Influence upon the political theory of «the rights» by A. V. Fenenko // Commentary de History. 2001. № 4.

17. Chernavsky M. Yu. The problem of the origin of ideologies of liberalism and conservatism // Humanities: challenges and solutions. St. Petersburg, 2007. Part 5.

18. Shamshurin V. I. «Thrasymachus Conception» and socio-political experience of conservatism // Socis. 1994. № 5.

Лотарев Константин Анатольевич
Lotarev Konstantin Anatolievich

старший научный сотрудник отдела управления науки, инноваций и подготовки научных кадров
Волгоградского государственного университета кандидат политических наук, доцент.

Senior Researcher, Department of Science, Innovation and Research Staff Training, Volgograd State University,
PhD in Politics, Associate Professor.
Тел.: 8(919) 982-85-82.

**К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПОИСКА ИДЕОЛОГИИ:
ВОЗМОЖНОСТИ КОНСЕРВАТИЗМА В УСЛОВИЯХ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНВЕРГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(ЧАСТЬ II)**

**To the question of interpretation and the search for ideology: conservatism
in terms of ideological convergence in contemporary Russia
(part II)**

В статье рассматриваются и анализируются различные подходы к исследованию таких феноменов, как «идеология» и «мировоззрение», а также изучается идеологическое пространство современной России. Автор отмечает, что происходит неизбежный процесс конвергенции идей и ценностей в борьбе за голоса избирателей, однако аксиологические основы идеологии сохраняют свою целостность.

Ключевые слова: идеология, демократия, консолидация, консерватизм, либерализм, социализм, политический плюрализм, государственная идеология, общество.

In the article discusses and analyzes the approaches of researchers to the phenomenon of «ideology» and «world view». In chronological order, study of the ideological space of modern Russia. Author notes that in democratic system there is an inevitable process of convergence of ideas and values in the fight for votes, in the main axiological basis of the ideology retain their integrity.

Keywords: ideology, democracy, consolidation, conservatism, liberalism, socialism, political pluralism, state ideology, society.

Длительный советский период прервал возможности для реализации и развития консерватизма. В Новейшей истории России (1991–2015 гг.) апробирование основных политических идей либерализма и консерватизма вновь стало возможным и дало определенные результаты в аспекте обоснований «демократического транзита». Практическая апробация в обществе идеологических конструктов не прошла бесследно. В условиях преодоления идеологической ограниченности, доставшейся гражданам России от советского времени, теоретические конструкты основных европейских идеологий стали реально действующими. Россия при всей ее территориальной масштабности – страна европейская. И если в 1990-е годы об идеологических конструктах, или идеологических параметрах, можно было говорить в основном в теоретическом и историческом ключе, то в 2000-е годы идеологии уже обре-

ли практический статус. Трудно не согласиться с утверждением А. В. Матюхина о том, что «современный политический дискурс в России основан на “реанимации” и адаптации идеологической классики» [4, с. 37]. Вместе с тем специалистам в области политической культуры и идеологий очевидно, что классические идеологии пребывают в настоящее время в состоянии процесса конвергенции, которая, однако, не лишает консерватизм целостности и своей онтологии.

Определение и утверждение государственной идеологии есть процесс двусторонний. С одной стороны, идеология может «родиться» только из реально существующих и воспроизводящихся в поколениях ценностей. С другой – решающая роль в утверждении идеологии, концептуализирующей внутреннюю и внешнюю политику страны, принадлежит государственной власти. Я. А. Пляйс

напоминает динамику и последовательность идеологического поиска – формирование национальной идеи при Б. Н. Ельцине, разработка программных положений партии «Единая Россия», определяемой как партия власти, с 2006 года – суверенная демократия [7, с. 6–7]. В настоящее время «Единая Россия» позиционирует себя в политическом пространстве как партия центристская, стоящая на позициях консерватизма.

Есть категории, которые не должны смешиваться в силу качественных онтологических различий. Только при поверхностном подходе, при игнорировании или незнании исторической эмпирики появились спорные категории «либеральный консерватизм» и «консервативный либерализм». Так, М. А. Фадеичева справедливо выражает сомнение в убедительности категории «консервативный либерализм», определяя его как оксюморон [11]. Во время избирательных кампаний и парламентской борьбы и либералы, и консерваторы, и социалисты неизбежно в соревновательном процессе могут заимствовать те или иные лозунги или ценности, но при этом каждая идеологическая целостность сохраняется.

Вышеприведенное рассуждение представляется важным в связи с тем обстоятельством, что необходимость определения консолидирующей общество и государство идеологии очевидна и для власти, и для образованных слоев общества. По поводу «деидеологизации» так же справедливо отмечается, что «... “теория деидеологизации” тоже является своеобразной идеологией, но только негативной. К ней обращаются, как правило, в момент, когда хотят избавиться от исторически исчерпавших себя идей» [8, с. 21].

Консерватизм как мировоззрение опирается на исторические реальности, традиции, непременно на веру и опыт предков. В период существования СССР сильной коррозии было подвергнуто историческое сознание и самосознание. Русский народ во многом превратился в общезитие Иванов, не помнящих родства.

Как отмечалось выше, основным источником консервативной идеологии выступает соответствующее мировоззрение, а поскольку либерализм и социализм появились и развивались в первую очередь как доктрины, то консерватизм (и в Европе, и в России) в идеологическом содержании появился позже. У ли-

берализма и социализма, по убеждению консерваторов, совсем иной, выражаясь категориями социальной философии, аксиологический и экзистенциальный характер.

Консерватизм по природе своей не теоретичен, не является сегментным, он основывается на опыте предков, осуществляет связь времен, основывается на сложившемся мироустройстве, которое возникает не однажды и не быстро, а по воле и замыслам отдельных людей. Другими словами, консервативное мировоззрение опирается на существующие реальности, кто бы и как бы их не интерпретировал. Негативные реальности, по убеждению консерваторов, сильное государство и общество способны смягчать, но преодолеть их полностью невозможно. Согласно консерватизму главная причина всех бед в человеческом сообществе состоит в том, что слишком велики гордыня и волюнтаризм, гипертрофированная уверенность во всеисилии своего разума. А консерватизм основывается на эволюционности всех изменений, к которым нужно быть подготовленными.

Поиск и органическое восприятие властью и нацией идеологии, способной консолидировать слабоструктурированное общество, не могут существовать вне исторической, политической, культурной и религиозной жизни России. В этом контексте представляется интересным и в перспективе продуктивным подход, синтезирующий в себе связь этноцентризма и религиозного опыта. А. И. Бобков предлагает понимать этноцентризм «как самобытное, самодостаточное осмысление социальной реальности, где процесс социогенеза описан в привычных категориях этнического самосознания. Этноцентризм нельзя путать с национализмом и цивилизационным монизмом. ... Этноцентризм подлинный является ответом на вопросы: “Кто мы?”, “Какие мы?”, а не опасной игрой стереотипа “Мы – они” [2, с. 320].

В 1994 году академик Г. В. Осипов справедливо отметил необходимость проведения в стране консолидирующей политики, но «разрушительный потенциал политического радикализма сказался самым пагубным образом на экономических, социально-политических, духовных основах жизни общества» [6, с. 5]. Консолидирующая политика основывается на объединяющей идеологии, так как сначала

рождаются идеи, а политика затем претворяет их в жизнь.

Полагаем, прав П. Н. Беспаленко, говоря о причинах, которые мешают определить принципы и направления общенациональной идеологии: «Непонимание или имеющее какие-то причины нежелание руководства страны установить высший приоритет своей работы именно в идеологической сфере; большое количество “гуляющих” в СМИ теорий и схем переустройства общества, многие из которых являются сознательно выброшенными нашими геополитическими противниками в ходе информационной войны, которую они продолжают вести с нами; неоднородный характер приближенных к высшим лицам государства экспертных групп, формирующих “научно обоснованные” противоречивые мнения для элиты» [1, с. 216].

Потребность в консерватизме возникает, как правило, при внутренних и внешних угрозах. Европейская политическая жизнь в последнее время дает нам возможность осмыслить и понять опасность экспериментирования теориями и проектами, опирающимися не на национально-государственные реальности, а на вне-национальные проекты «общечеловеческих ценностей». Консервативная охранительная функция способна быть ответом на глобализационные процессы, противостояние которым весьма заметно и в самой Европе. Верным представляется суждение о том, что «консолидирующая идеология может быть только государственной идеологией, которая, опираясь на совокупность духовных ценностей, выражает интеллектуальную консолидацию общества и выполняет охранительную функцию по отношению к устоям государства» [1, с. 221].

Как отмечалось выше, консерватизм по природе своей не идеологичен. В силу этого его ценности трудно обращаются в лозунги и призывы (что так свойственно социализму и отчасти либерализму). Если брать консервативные ценности, абстрагируясь от реальной политики, то они никак не противоречат интерпретациям либералов и социалистов: государство в контексте порядка; общество в контексте процветания; ответственность в контексте гражданских свобод и так далее. Консерватизм в состоянии идеологии – это, как правило, коррекция последствий радикального творчества, нередко свойственного либералам

и социалистам. Методологически важно отметить, что консерватизм не является антиподом либерализма и социализма. Консерватизм – концептуальный оппонент волонтаризма и радикализма как методов и способов ведения политики.

Вышесказанное подтверждается тем, что большинство консервативно ориентированных партий в Европе не использует в своем названии слово «консерватизм». Казалось, это может наносить некоторый ущерб самоидентификации консерваторов в конкурентной политической борьбе за избирателей в условиях развитого демократического политического режима. Но политическая практика показывает обратный эффект.

Д. Е. Вовчук, С. С. Серебренников отмечают: «Европейская народная партия (European People's Party, EPP) – самая большая европейская политическая партия, основанная в 1976 году. EPP включает в себя в качестве коллективных членов национальные христианско-демократические партии, народные и другие национальные консервативные партии с близкой идеологией со всей Европы. В Европейском парламенте EPP сотрудничает с более консервативной и евроскептической фракцией “Европейских демократов” (ED) в форме группы депутатов EPP-ED. Основу фракции “Европейских демократов” составляют английские консерваторы – тори и северо-ирландские юнионисты. Эта объединенная фракция в настоящее время является самой крупной в Европейском парламенте» [3, с. 136]. Идеология Европейской народной партии основывается на консервативном мировоззрении и ценностях. Опора партии – приверженность к традиционным устоям, социальным или религиозным доктринам, отстаивание ценности государственного и общественного порядка, неприятие радикальных реформ и экстремизма. Во внешней политике консерватизм делает ставку на укрепление безопасности, поддержку традиционных союзников, разумный протекционизм [3, с. 136]. В Европейскую народную партию входят крупнейшие консервативные партии Европы – Народная партия Испании (PP), «Вперед, Италия!», Французский Союз за народное движение, Германские партии ХДС и ХСС. Как правило, эти партии являются правящими, формируют в центре Европы мощнейший германо-франко-итальян-

ский консервативный центр, что, безусловно, создает основы новой политической традиции в Европе [3, с. 136].

Партия «Единая Россия» поддерживает регулярные отношения с Европейской народной партией. Следует отметить универсальные ценностные положения консерватизма, позволяющие взаимодействовать консервативным партиям разных стран. С точки зрения международной интеграции консервативных ценностей Д. Е. Вовчук и С. С. Серебренников отмечают необходимость сохранения и укрепления традиционных общественных институтов – государства, семьи и церкви [3, с. 137]. Это ценности непреходящего характера. К тому же они являются универсальными и находятся даже вне идеологии, поскольку не могут не разделяться большинством европейских либералов и социалистов. Не отрицая неизбежности усиления европейской интеграции, консервативные политики и общественные деятели выступают за сохранение национального единства, основанного прежде всего на идентичности родного языка, настаивают на сохранении и популяризации европейской культуры и цивилизации. В миграционной политике консерваторов Европы отличает жесткость, нередко сопряженная с идеей закрытия границ для мигрантов и политикой внутренней ассимиляции. В частности, верно отмечается, что «все чаще в предвыборных программах европейских консервативных политических партий звучат призывы к введению драконовских мер для мигрантов. Более того, неоевроскептицизм во многом стал ответом на присоединение к Европейскому союзу густонаселенных стран Восточной Европы – Польши, Румынии и др., что, естественно, вызвало небывалый поток миграции с Востока на Запад уже внутри Европейского союза. В связи с этим понятием и скептицизм европейцев относительно присоединения к ЕС Украины и Турции – стран еще более крупных и еще менее экономически развитых» [3, с. 138]. Общеввропейский дом представляется и воспринимается консерваторами Европы как часть глобального мира. Но в идеале Европа – это политический и культурный центр, независимый от гегемонии США. В экономической политике консерваторы отстаивают экономические свободы в системе Европейского союза, но не исключая принципов европейского протекционизма. Неоконсервативные

составляющие проявляются в утверждении принципов экономических свобод, неодобрении излишнего государственного вмешательства в рыночную экономику. Свойственное социалистам преувеличение роли государства в экономических отношениях приводит к снижению их авторитета в обществе и уходу из власти. Последний пример начала этой властно-административной последовательности мы видим во Франции. Современные консерваторы Европы не подвергают сомнению необходимость крепкого демократического политического режима, поскольку демократия была и остается базовой ценностью европейской культуры. Но сегодня, как справедливо отмечается, современные европейские консерваторы отошли от навязывания и насильственного продвижения ценностей европейской демократии, чем все еще занимаются американские неоконсерваторы [3, с. 139]. Справедливо ставится вопрос и дается на него ответ: «Чем евроконы (европейские консерваторы. – Л. К.) отличаются от американских неоконсерваторов? Думаем, что многим, например, неприятием американской гегемонии, отрицанием права силы, уважением к партнерам. Если идеологически эти различия не сильно заметны, то в реальной политической деятельности эти отличия видны невооруженным глазом, например, в том, насколько политика Джорджа Буша-младшего отличается от политики Жака Ширака» [3, с. 140]. Консерватизм США плохо «накладывается» на европейский. Они очень разные. Представляется, что общественная культура США все же больше основывается на либерализме. Возможно, это заключение и несомненно. Тем не менее полагаем справедливым замечание А. Н. Швечикова о том, что «духовная сторона жизни человека либерализмом фактически отвергается как мешающая развитию его естественных жизненных (материальных) потребностей и интересов. В центре либеральной идеологии стоит именно естественный, а не исторический человек, прошедший многовековую школу духовного возмужания» [12, с. 21].

Говоря о значительном влиянии идеологии на общественную и государственную жизнь, не следует его гипертрофировать. Социальный мир, неотделимый от хозяйственно-экономического, культурного и правового бытия, не зависит тотально от политико-идеологическо-

го поля. Г. И. Мусихин справедливо говорит о реально происходящих в экономических отношениях капитализма процессах и научных подходах в аспекте формирования и развития моделей капитализма как способов хозяйственно-экономического устройства общественных отношений. Прослеживая экономические процессы и их научное осмысление, справедливо ставится вопрос о том, чего больше в исследованиях – непредвзятого научного анализа или оценочной идеологической тенденциозности? Или оба эти элемента неизбежно будут присутствовать при выстраивании различных моделей современного капитализма [5, с. 84]. В частности, отмечается, что «при выделении трех типов европейского капитализма, следует уделять принципиальное внимание значению политических дискурсов, которые способствуют формированию определенных представлений того или иного общества по поводу приспособления к меняющемуся миру вообще и к экономической ситуации в частности. С этой точки зрения в Европе можно выделить *коммуникативную и координирующую формы дискурса*. Первая характерна для более централизованных систем управления (например, Великобритании и Франции), которые нацелены на информирование граждан о том, что нужно делать. Вторая типична для Германии, где основное внимание уделяется достижению консенсуса между мощными акторами, которых не удастся удержать под центральным правительственным контролем» [5, с. 92]. Так же отмечается, что в подобной реальности действия политических акторов будут отличаться значительной вариативностью и недетерминированностью, что показывает уязвимость научной теории рационального выбора. Показывая разнообразие капиталистических форм и их взаимодействие, научные поиски экономистов, политологов и социологов, Г. И. Мусихин (принимая точку зрения западных специалистов) выражает определенную долю скептицизма в возможностях теоретического построения образов моделей капитализма: «различные страны могут как создавать уникальные механизмы регулирования экономики, так и заимствовать институциональные образцы других государств. Все это говорит о том, что *современный капитализм подвержен мощному процессу гибридизации (но не унификации)*... Подобное обстоя-

тельство делает попытки выделения очевидных моделей современного капитализма, привязанных к определенным странам и регионам, достаточно проблематичными» [5, с. 93].

В вышеприведенных замечаниях есть свой смысл. Тем не менее отметим положение о том, что свойство человеческого познания, а познания научного особенно, неизбежно приводит к необходимости структурировать накопленные знания и облекать их в некие системы, концепции и модели, которые с течением времени, по мере накопления новой эмпирики, подвергаются не только качественным изменениям, но и прекращают свое существование, уступая место новым. Не экономика и не право оказывают определяющее влияние на жизнь государства и общества, а идеи, воплощаемые во всех сферах нашей жизни, в том числе и политические, которые обусловлены духовным развитием человечества. Результаты материальных процессов, впрочем, нередко автономны от прямого идейного воздействия и управления, но имеют ресурсы для дальнейшего развития только при условии поддержки властью, которая видит или не видит пользы или целесообразности. «Аналитические ловушки» и «идеологические искушения» [5, с. 85] всегда подстерегают ученых и политиков (и в этом Г. И. Мусихин, безусловно, прав), но одно дело – присутствие элементов идеологии в научном гуманитарном познании (этого невозможно избежать) и совсем другое – тенденциозная их гипертрофия.

По мнению некоторых исследователей, социально-политические и социально-экономические процессы в современной России находятся в стадии переходного периода. Весьма трудно определить, к какой модели капитализма можно теоретически отнести молодую рыночную экономику России. То же можно сказать и о процессе формирования идеологического пространства. В данном аспекте представляется убедительным суждение Ю. В. Сорокиной в той его части, где речь идет об источниках идеологии, но что касается эклектичности, следует помнить, что она различна как в эмпирическом, так и в органическом плане: «Государственная власть обладает целым арсеналом имплицитного воздействия на людей, и к ним следует прежде всего отнести искусство, науку, традиции, различные доктрины, которые сплетаются в сложный клубок, рож-

дая особый эклектичный феномен – идеологию. Было бы неправильным считать, что идеология исходит от государственной власти. Идеологии создаются и используются субъектами политической деятельности – партиями, движениями, политическими лидерами... теми, кто втянут в орбиту деятельности, связанной так или иначе с государственной властью» [9, с. 83]. В данном случае не следует проводить концептуального обобщения, под которое попадают все идеологии. Повторим лишь, что консерватизм, в отличие от других идеологий (либерализма и социализма при всей их вариативности), менее всего идеологичен. В силу этого у консерваторов так мало лозунгов и призывов. Они, как правило, только напоминают о ценностях, основанных на вечном и являющихся непреходящими (вера, государство, общество, семья, высокое искусство, профессионализм, ответственность и другие). И только в периоды обострений и кризисов онтологические основы консерватизма превращаются в направляющие векторы, о которых люди периодически забывают в силу самых разных причин и обстоятельств.

Справедливой в данном контексте представляется посылка Е. П. Спиридоновой, подтверждаемая еще и ссылкой на известную работу С. Жижика «Возвышенный объект идеологии» (1999): «Специфика современного идеологического дискурса власти... характеризуется отождествлением экспертной программы, политического имиджа и личности самого политика при почти полной непроявленности идеологических коннотаций... их содержательное измерение характеризуется абсолютной пустотой и формальностью призывов» [10, с. 11].

В частности, верно рефлексировано сложившееся состояние, суть которого состоит в изменении концептуального статуса идеологий, что «в целом объясняется логикой глобальных социокультурных трансформаций и мейнстримом гуманитаристики: традиционное для России понимание идеологии как “ложного сознания”, предложенное марксизмом и укоренившееся в массовом сознании и политической практике, в современной ситуации замещается интерпретацией идеологии как инструмента “символического насилия” (П. Бурдьё) или “мягкой силы” (Д. Най)» [10,

с. 5]. С другой стороны, отнюдь не бесспорным представляется мнение о том, что в ситуации усиления «инструментального» контекста концептуализации можно предполагать, что «современные идеологии утрачивают “идейные” компоненты, становясь технологиями легитимации власти», «оставляя за собой роль нарративов (дискурсивных или визуальных), легитимирующих тот или иной дизайн власти» [10, с. 5].

Представляется, что «дизайн власти» в России с 2000 года мало изменился. «Бюрократический каркас» довольно устойчив, что определяется стилем управления президента в кадровой политике. Если анализировать внешнеполитические процессы, то можно видеть, что Россия при всех сложных геополитических обстоятельствах сохраняет статус великой державы. Но во внутриполитической жизни положение остается кризисным. Прежде всего это относится к экономическому и хозяйственно-промышленному развитию. Россия остается сырьевой державой. Социальная политика развивается, но еще во многом является формальной. Система образования в стране весьма далека от совершенства. Нарастает проблема занятости молодежи. Не сложилась и иерархия труда в том смысле, что обеспеченность трудящегося человека не столько зависит от его умений и профессиональных качеств, сколько от ниши, которую удастся или не удастся занять. В сфере не только среднего, но и высшего образования проводятся волонтеристские эксперименты, приводящие к заметной деградации гуманитарной мысли и знания, усилившейся настолько, что власть была вынуждена отреагировать, в частности, введением и развитием системы антиплагиата. В настоящее время назрела необходимость вернуть прежние позиции гуманитарному знанию, особенно российской истории и культуре. Только они являются основным источником и базой гражданского мировоззрения, способного позитивно питать консолидирующую идеологию. Либеральные, социалистические и консервативные представления не являются антагонистическими антиподами. В качестве противопоставления всегда выступает радикализм. Левый большевистский радикализм, медленно трансформируясь в относительно более умеренные формы (от Сталина к Брежневу и Горбачеву), чрезвычайно дорого стоил стра-

не и народу. Исторические и политические парадигмы меняются, но либеральные ценности и ценности умеренного социализма никак не могут быть сброшенными со щитов, поскольку они тоже есть часть нашей истории и традиции. Процессы конвергенции неизбежны, поскольку существует демократическая конкуренция политических партий и общественных движений. Но при всей конкуренции идей, неизбежной и позитивной в условиях демократии, консервативная парадигма, прерванная в ходе политической истории XX века и постепенно восстанавливаемая инициативами власти, научного и культурного сообщества, вносит свой вклад в консолидацию российского общества.

Аксиология консерватизма созвучна социально-политической идее, согласно которой государственное управление и управление социальными отношениями, созидание благ и гармонии в общественных отношениях должны основываться на уважении памяти и опыта предков. Консервативное мировоззрение отличается опорой на ценности непреходящего

характера: державности, вере, единении народа, исторической памяти (ответственности за прошлое и будущее, связи времен), культурном наследии. Консервативная идеология естественна, поскольку отражает реальные, а не умозрительные интересы социума. В процессе неизбежной идеологической конвергентности консерватизм не отличается спекулятивностью, следовательно, более отдаст, чем принимает в себя формы и методы непродуманных преобразований и нововведений, последствия которых предсказать сложно.

Как функция времени, консерватизм неизбежно возвращается, когда возникает необходимость в коррекции политического курса, направленной на исправление прошлых ошибок. В непрекращающейся синусоиде человеческого безумия консерватизм как мировоззрение – источник обновления здравого смысла и мудрой дальновидной политики, основанной на ответственности за страну и общество, политики, направленной на утверждение устойчивости и стабильного развития.

Литература

1. Беспаленко П. Н. Духовная безопасность современной России и поиски общенациональной идеологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. Т. 10. № 7.
2. Бобков А. И. Связь этноцентризма и религиозного опыта как концептуальная основа поиска консолидирующей идеологии современных обществ // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2008. № 1.
3. Вовчук Д. Е., Серебренников С. С. Консерватизм как идеология ведущих политических партий Европы // Власть. 2009. № 3.
4. Матюхин А. В. Основные параметры идеологических проектов в России // Обозреватель – Observer. 2008. № 12.
5. Мусихин Г. И. Модели современного капитализма в новой политэкономии: между наукой и идеологией // Политические исследования. 2009. № 3.
6. Осипов Г. В. Просчеты радикализма // Независимая газета. 1994. 5 апреля.
7. Пляйс Я. А. Политическая элита в поис-

Bibliography

1. Bepalenko P. N. Spiritual security of modern Russia and the search for a national ideology // Scientific statements Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer science. 2009. Vol. 10. № 7.
2. Bobkov A. I. Contact ethnocentrism and religious experience as a conceptual basis for the search consolidating ideology of modern societies // Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political science. Religious Studies. 2008. № 1.
3. Vovchuk D. E., Serebrennikov S. S. Conservatism as an ideology of Europe's leading political parties // Power. 2009. № 3.
4. Matyuhin A. V. Basic parameters ideological projects in Russia // Observer – Observer. 2008. № 12.
5. Musikhin G. I. Models of modern capitalism in the new political economy: between science and ideology // Political studies. 2009. № 3.
6. Osipov G.V. Miscalculation radicalism // Nezavisimaya gazeta. 1994. On April 5.
7. Pljajs Ya. A. Political elite in search of a new ideology // Observer – Observer. 2008. № 3.

ках новой идеологии // *Обозреватель – Observer*. 2008. № 3.

8. Славин Б. Ф. Россия в поисках идеологии // *Свободная мысль*. 2008. № 5.

9. Сорокина Ю. В. Идеология и политическая власть // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2010. № 1.

10. Спиридонова Е. П. Идеология и структурирование властных отношений в современной России // *Вестник Поволжской академии государственной службы*. 2010. № 1.

11. Фадеичева М. А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России // *Политические исследования*. 2006. № 4.

12. Швечиков А. Н. Либерализм как идеология секуляризации // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2009. № 89.

8. Slavin B. F. Russia in search of ideology // *Free Thought*. 2008. № 5.

9. Sorokina Yu. V. Ideology and political power // *Bulletin of Voronezh State University*. Series: Right. 2010. № 1.

10. Spiridonov E.P. Ideology and structuring of power relations in modern Russia // *Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration*. 2010. № 1.

11. Fadeicheva M.A. Ideology and discursive practices «nashism» in modern Russia // *Political Studies*. 2006. № 4.

12. Shvechikov A. N. Liberalism as an ideology of secularism // *Proceedings of the Russian state pedagogical university named by A. I. Herzen*. 2009. № 89.

Контарев Анатолий Александрович
Kontarev Anatoly Aleksandrovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor.

E-mail: anatolyrontarew@rambler.ru

НОРМАТИВНЫЙ И ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ СУЩНОСТИ ПРАВА

Normative and philosophical approaches to the problem of the essence of law

Статья посвящена методологическому анализу наиболее распространенных в современном российском правоведении подходов к праву – нормативного и философского. Автор показывает, что природе этих методологических подходов следует рассматривать в контексте особенностей научного и социально-гуманитарного видов рациональности.

Ключевые слова: право, сущность права, методологический подход, научная рациональность, теория права.

The article dedicated to the problem of widespread to law approaches in contemporary Russian theory of law – normative and philosophy. The author clears that nature of these methodological approaches we have to interpret with respect to the context of peculiarities of scientific and social-humanitarian rationality.

Keywords: law, essence of law, methodological approach, scientific rationality, theory of law.

Полагаем, не будет преувеличением сказать, что современное российское правоведение находится в состоянии кризиса. Тем более что такая оценка не является новой, поскольку впервые она была озвучена еще на заре истории новой России и вызвана необходимостью формирования альтернативных советской теории государства и права подходов к праву. Однако два десятилетия, прошедшие со времени принятия Конституции РФ, несколько не снизили остроту этих оценок, которые сегодня часто подкрепляются солидным теоретическим обоснованием, новыми подходами к праву, связанными либо с его интегральной синтетической интерпретацией в рамках некоего нового типа правопонимания [6; 14; 15], либо с исторической и теоретической необходимостью формирования новой правовой науки [11; 12]. Однако основным лейтмотивом этой затянувшейся дискуссии о судьбах правоведения все это время оставался вопрос об эвристической значимости, теоретической корректности, методологической и идеологической целесообразности двух альтернативных подходов к сущности права – нормативного и философского. Полагаем, что именно этот не снятый с повестки дня правоведения вопрос и

именно указанные подходы, активно применяемые в нем, являются основным свидетельством того кризиса, о котором было упомянуто выше.

Не стоит обосновывать актуальность проблемы сущности права. Ведь, несмотря на историю формирования различных подходов к решению этой проблемы, она столь же актуальная, как и сто, двести и более лет назад, и занимает едва ли не главное место среди иных проблем правоведения. По нашему мнению, это может объясняться несколькими обстоятельствами: во-первых, тем, что от раскрытия сущности права в значительной степени зависит ответ на многие ключевые теоретические вопросы, связанные с происхождением права, его функционированием в обществе, соотношением правовой нормы и правоотношения, природы юридического закона и пр.; во-вторых, тем, что как сама постановка проблемы сущности права, так и способ ее интерпретации реализуются в соответствующем аксиологическом, мировоззренческом, политическом и др. контекстах, которые изменяются во времени, имея историческую природу, будучи обусловленные множеством социальных факторов, в том числе и историческими особенностями са-

мого права; в-третьих, тем, что правоведение, равно как и другие социально-гуманитарные науки, включено в контекст научной рациональности, которая эволюционирует, изменяется под воздействием как внешних социальных и культурных, так и внутринаучных факторов, формируя устойчивые стили научного мышления, оказывающие влияние на способ постановки и решения проблемы сущности права [18].

В связи этим следует отметить, что теоретическая интерпретация данной проблемы имеет существенное докринальное значение, то есть содержание учения как совокупности принятых научным сообществом положений о праве в значительной степени определяется именно решением данной проблемы – соответствующей теоретической интерпретацией сущности права. Так, если обратиться к анализу советских и современных российских теоретических постулатов, раскрывающих сущность права, то мы можем заметить несколько важных обстоятельств: во-первых, в российской теории государства и права решению данной проблемы отводилось важное место; во-вторых, существенное сходство подходов к данной проблеме, прежде всего состоящее в нормативной интерпретации права; в-третьих, различия как в постановке, так и в решении данной проблемы объясняются применением наряду с нормативным и классового подхода, господствовавшего в советском социально-гуманитарном знании.

Так, в теории государства и права сущность права определялась на основе классового подхода, сформулированного еще К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии»: «Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяются материальными условиями жизни вашего класса» [13, с. 422]. Поэтому советская правовая доктрина исходила из того, что «право представляет собой систему общеобязательных норм, правил поведения, официально провозглашаемых или призванных (санкционированных) государством. Эти нормы выражают волю господствующего класса» [17, с. 54]. Особенностью подхода, применяемого советской правовой доктриной, являлось то, что, с одной стороны, понимание права было нормативным (нормативное правопонимание), а с другой – классовым, то

есть формально-нормативное правопонимание, которое само по себе может быть достаточным на уровне раскрытия права как явления (формальная сторона), дополнялось определением его социальной и политической сущности (классовый подход к праву). Некоторые советские теоретики права в период перестройки усматривали в этом коренное противоречие советской правовой доктрине, что практически выразилось в приоритете государственно-волевого компонента в праве, в принципе целесообразности и, соответственно, непоследовательности в проведении принципа законности [1; 2].

Отличие современной правовой доктрины, формирование которой, очевидно, еще продолжается, заключается в преодолении классового подхода и акценте на формально-догматической интерпретации сущности права. Вместе с тем наличие других типов правопонимания, функционирующих в поле современного российского правоведения, объясняет попытки некоторых авторов в процессе раскрытия сущности права определять его исходя из разных интерпретаций, выделяя общие положения данных подходов. Так, например, некоторые авторы отмечают: «Несмотря на противоречивость и различие научных представлений о праве, все эти учения имеют ряд общих положений:

- право есть социальное явление, без которого невозможно существование цивилизованного общества;

- право в нормативной форме должно отражать требования общечеловеческой справедливости, служить интересам общества в целом, а не отдельным его классам или социальным группам, учитывать индивидуальные интересы и потребности личности как первооснову общества;

- право частной собственности является основой всех прав человека;

- право есть мера поведения, установленная и охраняемая государством» [19, с. 171].

Другие исследователи, опираясь на положение о том, что разные подходы к праву выражают лишь его аспекты, стремятся определить сущность права на основе их интеграции. Отсюда возникает некая структурная интерпретация права: «...право с точки зрения социальной выступает в виде официально установленной и поддерживаемой государством

системы социальной свободы и справедливости. С точки зрения формальной оно выглядит как система норм и других видов нормативных правовых предписаний; с содержательной стороны – как нормативно закрепленный результат правотворческого компромисса. Объединительным моментом этих аспектов является понимание права как определенной, установленной на официальном уровне системы нормативных установок, регулирующих поведение людей» [5, с. 35].

Но очевидна неудовлетворительность подобных подходов, поскольку это стремление выделить общее в разных способах интерпретации права не соответствует задаче раскрытия его сущности как устойчивого, внутреннего содержания, которое бы выражалось в единстве форм его бытия. Такое усредненное толкование по своему результату направлено на выделение содержания (элементов, составляющих право как нормативную систему) юридических форм права (источники права). Полагаем, что позитивным результатом данного подхода является выяснение связи способа интерпретации сущности права с соответствующим типом правопонимания, когда оно выступает и начальным, и конечным пунктом раскрытия сущности права. Так, профессор Н. Н. Вопленко совершенно справедливо указывает, что именно правопонимание «...предстает как своеобразная онтология права, система идей, объясняющих сущность и бытие права в обществе» [5, с. 11]. Однако в целом такая постановка проблемы сущности права является не столько предпосылкой ее решения, сколько способом уклонения от этого, поскольку ограничивается лишь указанием на теоретико-методологические источники той или иной трактовки проблемы.

В этой связи нельзя не отметить значение подхода к данной проблеме, разработанного профессором М. И. Байтиным, который стремится ее исследовать не на основе усредненного толкования, а в контексте укорененного в российском правоведении нормативного правопонимания, противопоставляя его общему (философскому) правопониманию и полагая, что сущность права заключается в том, что это «...система общеобязательных формально определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; издаются и санк-

ционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений» [3, с. 81–82]. При этом автор подчеркивает, что главная ошибка философского подхода к определению сущности права заключается в выходе содержания этого понятия за пределы правовой нормы (то есть права), отождествлении с правом правосознания, правоотношений, субъективных прав, распространении его на всю правовую систему, отрыве права от государства, а также противопоставлении права закону [3].

В связи с этим мы хотели бы подчеркнуть, что возможность научного изучения права, которую и стремятся реализовать большинство представителей отечественной теории государства и права, обусловлена лишь таким его пониманием, которое предполагает его интерпретацию в качестве объекта, что и позволяет ставить цель достижения *объективной* по содержанию истины в процессе его познания, предполагая разработку и использование методов познания, нивелирующих субъективность исследователя. Причем это должен быть именно *эмпирический* объект, данный в предметных «осязаемых» формах, поскольку лишь изучение такого объекта позволяет исключить по возможности полностью оценочные суждения из процесса познания и реализовать прикладную направленность научной теории. Поэтому когда речь идет о научном анализе права, то подразумевается его изучение как явления, а правовая норма рассматривается в качестве элементарного явления права. Отсюда следует, что нормативное правопонимание более соответствует критерию научного изучения права, нежели общее (философское) правопонимание, которое, впрочем, на такую роль и не претендует, имея иные задачи.

При такой постановке проблемы сущности права неизбежны негативные следствия, которые присущи, пожалуй, всем теориям, нормативизму в частности. Эти негативные следствия можно свести к консерватизму, догматизму и этатизму данной доктрины, которые обуславливаются акцентом на изучении формальной стороны права как социального регулятора общественных отношений посредством санкционированных государством норм, имеющих общеобязательный характер благо-

даря их закреплению в законе и иных источниках права. Указание же на волевой, классовый компоненты права, по сути, не изменяет рассмотренной особенности подхода, не влияет на формальную трактовку права, доминирующую в нем. Неслучайно подобные нормативные теории, как правило, являются и инструменталистскими, когда, хотя и признается существование некоей социальной цели в праве, само право рассматривается в качестве инструмента – «... в качестве юридических способов решения субъектами соответствующих задач, достижения своих целей (интересов)» [16, с. 722]. По мнению некоторых теоретиков, признающих противоречивый характер данной ситуации, эта проблема может быть решена созданием особой области правоправедения – политики права [11; 12]. Но это означает признание недостаточности нормативного подхода к изучению сущности права.

Противопоставление научного и философского подходов к праву возникает в XIX веке в связи с распространением позитивизма на сферу правоправедения и предполагает, с одной стороны, определение его объекта в качестве позитивного права (действующего законодательства), а с другой – использование строгих (часто естественнонаучных) методов его изучения. При этом философскому подходу к праву отводилась роль моральной оценки действующего законодательства. Однако необходимость решения задачи общей трактовки права на фоне развивающегося отраслевого правоправедения вновь и вновь обращалась к философии как системе целостного знания. Тем не менее вопрос о том, как совместить научное изучение сущности права с его философским понятием оставался открытым.

В этой связи большой интерес представляет отечественное правоправедение, где данная проблема активно обсуждалась в XIX – начале XX века. В результате были предложены разные решения, связанные как с исключением философии (философии права) из сферы научного правоправедения, так и с «онаучиванием» философии, приспособлением ее к решению задач науки права. По мнению одного из российских теоретиков позитивистской ориентации, правоправедение как наука имеет особую, отличную от философской задачу: «Эта задача заключается в том, чтобы определить понятие о положительном праве. Вниманию ис-

следователя подлежит только то право, которое действует, но не то, которое должно бы действовать. Этим ограничением избегается при определении понятия опасность смешения права с правовым идеалом, со справедливостью» [17, с. 273]. Если наука вообще имеет дело с научными фактами, то научное правоправедение – с юридическими отношениями, которые урегулированы нормами права [7].

Так, в целом отрицалась не только необходимость, но и возможность использования средств традиционной классической философии в научном изучении права. Однако при этом никто не отрицал необходимости для правоправедения общего знания о праве. В условиях бурного развития правоправедения, которое выражалось в дифференциации и специализации юридического знания, остро стоял вопрос о необходимости формирования новой научной юридической дисциплины, которая бы существенно отличалась как от философии права, так и от распространенной в то время в университетском образовании энциклопедии права. Это новое учение должно интегрировать разрозненное юридическое знание на основе выяснения общего понятия о праве, которое, однако, должно быть не дедуктивно как философское понятие о праве, а индуктивно, опираться на данные отраслевых юридических наук [8]. По замыслу Н. М. Коркунова, данный подход исключал произвольность в постановке проблемы сущности права, поскольку эмпирической основой данной науки являлись отрасли права. Выяснение их общего содержания позволило составить понятие права, которое не является результатом единого подхода к праву в философском смысле. Несмотря на расширительное толкование права как способа разграничения интересов, прежде всего посредством установления при помощи юридической нормы прав и обязанностей, определение права Н. М. Коркуновым опирается на отраслевое правоправедение, решая задачи общего правоправедения и, соответственно, играя методологическую роль, устанавливая общие закономерности возникновения права, его функционирования в обществе.

Данный пример в настоящей статье представляется важным по нескольким причинам. Прежде всего, он иллюстрирует попытку реализации научного подхода к праву, который состоит в ориентации общей теории права на

эмпирическое поле отраслевого правоведения, что должно исключить произвольность и оценочность теоретических положений. Другой причиной является то обстоятельство, что подход Н. М. Коркунова основан на идее о том, что общее учение о праве не только необходимо для дальнейшего развития правоведения, но и его формирование является закономерным этапом эволюции правового знания. Третьей же причиной является то, что общее понимание права теоретиком формируется не на основе выделения его сущности, то есть его внутреннего содержания, обуславливающего его формы, которое может быть лишь идеальным, а на основе выделения внешних юридических признаков, интерпретируемых в социальном контексте в качестве способа решения социальной задачи – реализации интересов посредством их разграничения. При этом когда речь идет о предмете общей теории права, конечно же, рассматриваются не сами интересы социального субъекта, а юридические способы их разграничения [8]. В качестве же последней причины необходимо указать на то, что Н. М. Коркунов сознательно противопоставлял общую теорию права как научную дисциплину философии права, указывая при этом на основной порок философии права, которая, по его мнению, уже сыграла свою положительную роль в интеграции правового знания, преодолев хаотичность и бессистемность энциклопедии права, – на ее оторванность от правовой реальности в силу дедуктивного характера философского знания. Следовательно, согласно этому теоретику, общий подход к праву не только возможен, но и необходим как способ интеграции правового знания, но не на метафизической (философской), а на научной основе.

Такая точка зрения не является случайной и, по нашему мнению, выражает специфическую ситуацию, связанную с особенностями формирования правовой науки того времени, требованием уточнения ее предмета, а значит, определением общего содержания права, то есть такого содержания, с которым бы могла согласиться и опираться на него в дальнейших исследованиях любая отрасль правового знания. Н. М. Коркуновым эта задача решается на основе социологического правопонимания (социологического позитивизма), ищущего источники общего содержания права в обще-

стве, в тех формах, в которых они реализованы в позитивном праве.

По некоторым оценкам, социологическое правопонимание в его российской интерпретации склонно к нарушению общего методологического принципа юридического позитивизма, состоящего в признании лишь позитивного права (законодательства) в качестве источника права и предмета правовой науки [10]. По нашему мнению, это не совсем так, поскольку для Н. М. Коркунова именно позитивное право остается предметом общей теории права. Точнее, речь у него идет не столько о самом позитивном праве, сколько о знаниях отраслевого правоведения о нем. Экспликация же общего содержания на основе выделения формального свойства – способ разграничения интересов. Здесь речь идет не о содержании самих интересов, а об их юридической форме, закрепленной в позитивном праве, не столько о социальном, сколько о юридическом источнике права.

В данном контексте важно отметить, что необходимость выделения общего содержания права в целях интеграции правоведения как науки признавали многие юридические позитивисты того времени как социологической, так и формально-догматической ориентации. Некоторые авторы, напротив, полагали, что такую задачу может решить лишь философия права в силу общего характера философского знания и того, что лишь философия способна раскрыть сущность права. Но эта задача не относится к сфере правоведения, это именно философская задача. А без ее решения не может возникнуть полного знания о праве [17]. Таким недостающим знанием всегда будет философское мировоззренческое знание. Так, «...философия, занятая выработкой общего мировоззрения на основе выводов отдельных наук, не в состоянии при современном развитии знания вступать в непосредственное отношение с каждой специальной наукой. Философия права является в данном случае в роли посредницы. Это как бы мост, перекинутый от философии к правоведению. По этому мосту провозится от правоведения к философии отчасти обработанный юридический материал для того, чтобы потом вернуть его с той стороны вполне обработанным при помощи таких средств, которыми правоведение не располагает» [17, с. 25–26].

В такой интерпретации философия права теряет свой главный объект – сущность права, его идеальное содержание. С этими задачами, очевидно, вполне мог согласиться и цитируемый выше М. Н. Коркунов, с той лишь разницей, что их решение вменяется в обязанность не философии права, которую он полностью отождествлял со школой естественного права, а с общей теорией права. Вероятно, такая интерпретация необходимости и природы общего знания о праве присуща юридическому позитивизму как таковому. Поэтому понимаемая в позитивистском духе философия права может быть лишь позитивистской философией, то есть общей теорией права. Г. Ф. Шершеневич вполне предсказуемо говорит о том, что «...философия права, отказавшись, раз навсегда, от всяких естественноправовых увлечений, должна заняться исключительно исследованием основных понятий, лежащих в основе всякого положительного права. Философия права превращается в теорию права, которая получает название общей, чтобы отличить ее от тех теорий, которые создаются в пределах специальных юридических наук. На основании только исторически данного материала философия права должна выяснить, что такое вообще право, независимо от его изменчивого содержания...» [17, с. 39–40].

Но, с другой стороны, с чем не могут не согласиться теоретики права того времени, философия права имеет не только теоретическую, но и практическую сторону, выражающуюся в изучении действительности с точки зрения должного и, соответственно, критике ее. В случае философии права речь идет об изучении того, каким должно быть право и о том, насколько в данном конкретном случае позитивное право не соответствует представлению о должном. Так, например, Н. М. Коркунов во введении к своей работе «История философии права», говоря о праве как о «явлении общности», вынужден был признать, что «...для полного объяснения явлений общности необходимо принимать во внимание и то, как относятся к ним люди, как думали и думают о них» [9, с. 1]. А значит, общая теория права по содержанию своего предмета и задачам не совпадает с философией права.

Общая теория права как научная дисциплина способна вскрыть глубокие и общие для различных отраслей права закономерности,

типические особенности и черты, свойственные им, раскрывающие фундаментальные принципы права, выражаемые в системе понятий, главным из которых является право. Но никакая юридическая теория не способна дать ответ на вопрос, который время от времени рассматривается как ключевой не только для самого права, но и, возможно, для всей эпохи. Это вопрос о том, каким должно быть право не по форме, а по содержанию, ответ на который возможен лишь в контексте разграничения явления и сущности права, где явление есть не что иное, как формы и источники права, а сущность – идея, лежащая в его основе, ценности и идеалы, наполняющие позитивное право реальным социальным смыслом.

Русскому правоведа П. Г. Виноградову, отличавшемуся пристрастием к социологическому позитивизму в методологии своих исследований, принадлежат замечательные слова, которыми он объясняет место, роль, значение и предмет изучения философии права. Он писал: «...право, будучи делом рук человеческих, стареет не только в его отдельных нормах и доктринах, но и в его общей национально-исторической постановке, а потому призыв к очищению и реформе права может с каждым поколением становиться все настойчивее и настойчивее. Тогда общественное мнение обращается к действительности, к идеалам; начинается отвлеченное исследование существенных свойств права с точки зрения справедливости. Конечно, эти понятия справедливости являются сами историческими, но они извлекаются не из сложных компромиссов положительного права, а из более простого и более научного учения философской доктрины» [4, с. 151].

Таким образом, можно сказать, что на заре становления российской общей теории права, несмотря на существенные различия подходов к праву, культивируемых представителями юридического позитивизма, сформировались три основных принципа данной науки, определившие ее предмет и методологию:

1) право, которое реально существует как действующее позитивное право, имеет некоторое общее содержание, являющееся предметом общей теории права;

2) общее содержание права является ре-

зультатом теоретического абстрагирования, индуктивного обобщения свойств отраслевого права на основе интеграции знаний отраслевого правоведения;

3) научное изучение права сопряжено с такой его интерпретацией, согласно которой общим содержанием права является его формально-нормативная природа.

В контексте предмета настоящей статьи отметим, что в пределах такой постановки проблемы сущности права, то есть в рамках его научного изучения, является безальтернативным отождествление сущности с общим (типическим) содержанием права. Учитывая же то обстоятельство, что задача выделения общего содержания права состоит в формулировании его формально-юридической природы, следует подчеркнуть, что в категориальной оппозиции сущности и явления данное обобщение выражает последнее. При этом проблема сущности в контексте этого подхода даже не ставится.

Так, можно предположить, что это являет-

ся особенностью нормативного подхода к праву в целом, включая и современное российское правоведение. В связи с этим попытки изучить сущность права с позиций нормативного правопонимания являются методологически некорректными, поскольку речь идет не о сущности, а об общем содержании права.

Полагаем, что лишь в пределах философского подхода к праву возможна постановка проблемы его сущности, а определение содержания права является главной задачей философии права, что и обуславливает круг проблематики данной сферы знания. Поэтому можно предположить, что противоречия между нормативным и философским подходами к праву выражают диалектическую природу процесса его познания, раскрываемую категориями «содержание» и «форма», «сущность» и «явление», где нормативизм ориентирован на познание права как явления, а философский подход к праву анализирует его сущность.

Литература

1. Алексеев С. С. Тайна и сила права. М., 2009.
2. Алексеев С. С. Правовое государство – судьба социализма. М., 1897.
3. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное понимание на грани двух веков). Саратов, 2003.
4. Виноградов П. Г. Очерки по теории права. М., 1915.
5. Вошленко Н. Н. Очерки общей теории права. Волгоград, 2009.
6. Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще не завершённый проект // QRZ: библиофонд. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=97806>.
7. Капустин М. Н. Юридическая энциклопедия (догматика). СПб., 1893.
8. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1915.
9. Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1915.
10. Лукьянова Е. В. Учение о законе в русской юриспруденции. М., 2014.
11. Малько А. В. Правовая политика как направление научных исследований, область юри-

Bibliography

1. Alekseev S. S. The mystery and forth of law. Moscow, 2009.
2. Alekseev S. S. Law state – the destiny of socialism. Moscow, 1987.
3. Baytin M. I. The essence of law (the contemporary normative understanding on the border of two century). Saratov, 2003.
4. Vinogradov P. G. Essays on theory of law. Moscow, 1915.
5. Voplenko N. N. Essays on theory of law. Volgograd, 2009.
6. Grafsky V. G. Integral (sintisated) jurisprudence: acute and not finished project // QRZ. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=97806>.
7. Kapustin M. N. Juridical encyclopedia (dogmatic). St. Petersburg, 1893.
8. Korkunov N. M. Lectures on general theory of law. St. Petersburg, 1915.
9. Korkunov N. M. History of philosophy of law. St. Petersburg, 1915.
10. Lukyanova E. V. Doctrine on legislative in Russian jurisprudence. Moscow, 2015.
11. Malko A. V. The law policy as the directions of scientific studies, the realm of juridical experience and teaching discipline // State and law. 2012. № 10.

дической практики и учебная дисциплина // Государство и право. 2012. № 10.

12. Малько А. В. Правовая политика как категория 21 века // Государство и право. 2012. № 11.

13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Сочинения. Т. 4.

14. Поляков А. В. Возможна ли интегральная теория права? // QRZ: библиофонд: электронная библиотека. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=97806>.

15. Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2.

16. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2001.

17. Теория государства и права / под ред. А. И. Денисова. М., 1980.

18. Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2013.

19. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 1997.

20. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910.

12. Malko A. V. Law policy as a category of 21 century // State and law. 2012. № 11.

13. Marx K., Engels F. Manifest of communist party // Essays. Vol. 4.

14. Polyakov A. V. Is integral theory of law possible?. URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=97806>.

15. Polyakov A. V. Postclassical law theory and the idea of communication // Theory of law. 2006. № 2.

16. Theory of state and law. Curs of lectures. Moscow, 2001.

17. Theory of state and law / ed. by A. I. Denisova. Moscow, 1980.

18. Timoshina E. V. Theory and sociology of law in the context of classic and postclassic law understanding: dis. ... doctor of law. St. Petersburg, 2013.

19. Hropanuk V. N. The theory of state and law. Moscow, 1997.

20. Shershenevich G. F. The general theory of law. Moscow, 1910.

Шугуров Марк Владимирович
Shugurov Mark Vladimirovich

профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии доктор философских наук, доцент.

Professor, Department of Philosophy, Saratov State Law Academy, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8(906) 308-61-58.

ФЕНОМЕН ИДЕИ ПРАВА В ОСМЫСЛЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

The phenomenon of the idea of law in the interpretation of the domestic philosophical and legal tradition

Статья посвящена анализу направлений концептуализации категориального статуса идеи права в русской философии права. Автор сосредоточивает основное внимание на многообразии подходов отечественных философов права к месту идеи права в правовой реальности в контексте соотношения естественного и позитивного права. Делает вывод о методологической ценности взглядов русских философов права для современной философско-правовой рефлексии над идеей права.

Ключевые слова: философия права, естественное право, юридический позитивизм, правовые идеи, принципы, правосознание, норма права.

The present article is devoted to analysis of the directions of conceptual approach to categorical status of idea of law in the Russian philosophy of law. Author focuses main attention on the diversity of theoretical positions of Russian philosophers of law concerning a place of idea of law within legal reality in the context of relation between law of the nature and positive law. There is formulated conclusion on a methodological significance of opinions of domestic legal scholars for modern examining the idea of law.

Keywords: legal philosophy, law of nature, legal positivism, ideas of law, principles, sense of justice, norm of law.

В ситуации значительных изменений, происходящих в праве в условиях XXI века, актуализируется необходимость дальнейшего философско-правового осмысления его идеи. Будучи с точки зрения современной философии права одной из форм правовой реальности [1, с. 161–163], идея права выполняет двоякую функцию: она не только задает содержательные контуры права на той или стадии его исторического развития, но и служит средством его познания, оценки и преобразования. Вполне очевидно, что условием осуществления данных функций является достижение необходимого уровня понимания, с одной стороны, ее содержательного наполнения, а с другой – ее категориального статуса. В последнем случае мы имеем в виду четкие представления о сущности идеи права, на основании знаний о которой открывается понимание ее места в системе форм правовой реальности и права в целом.

Идея права – это достаточно традиционный предмет философско-правовой рефлексии, а также предмет рефлексии той области

теории права, которая достигает наивысшего уровня обобщения при проникновении в суть правовых явлений, которые позволяют идентифицировать право как родовую форму социального бытия. Глубокую заинтересованность в проблематике идеи права, наиболее ярко введенной Гегелем в русло философско-правовых изысканий, в XIX – начале XX века высказала не только западноевропейская философия права, но и отечественная философия и теория права, детально учитывавшая общеправовый контекст анализа данного правового феномена. В ситуации современных поисков иных рубежей обновления методологического арсенала концептуализации феномена идеи права весьма важным является не только осмысление соотношения вариативного и инвариантного в ее содержании и структуре, но и фиксация вариативного и инвариантного в самих многообразных подходах к ее познанию.

Вполне очевидно, что идея права отвечает за идентичность права как самостоятельной сферы социального бытия, сочетая в себе представления о его сущем и должном состоянии.

Поэтому философско-правовые размышления об идее права должны не только генерировать ее оригинальные прочтения, проистекающие из свободного характера размышлений о праве, но и стремиться к выработке некоего согласованного концептуального ядра, которое позволило бы ей приобрести необходимую меру идентичности в качестве фундаментального среза бытия права. Представляется справедливым и обоснованным говорить не только о востребованности такого диалога в синхронном, но и диахронном историческом измерении. Иначе говоря, всякая попытка продвинуться вперед в понимании идеи права с точки зрения ее содержания, задаваемого категориями свободы, справедливости, равенства и так далее, а также с позиции ее онтологического статуса предполагает возвращение назад – к тем достижениям философско-правовой мысли, которые имели место в прошлом. Не вызывает сомнения то, что важнейшей формой такого диалога с прошлым опытом философско-правовой рефлексии является анализ представлений о феномене идеи права, сформировавшейся в отечественной философско-правовой традиции.

Непреодолимое значение имеет исследование Н. И. Хлебникова, который посвятил целую главу своей книги о соотношении права и государства сущности и происхождению идеи права [2, с. 1–52]. Особенностью его исследования является то, что эволюцию содержания идеи права в новоевропейской мысли он погружал в контекст эволюции представлений о том, что такое идея в целом. Особый акцент был сделан на сопоставлении подхода И. Канта и О. Конта. Автор, очевидно, симпатизировал кантовскому пониманию идеи как таковой, что говорит о его кантианской ориентации в философии права [2, с. 6–7]. Н. И. Хлебников отмечает, что идею он рассматривает в платоновском и кантовском смысле как некие вечные типы (образы. – *М. Ш.*), которые управляют нашим духом и регулируют различные стороны человеческой духовной деятельности. В собственном понимании Канта, идея – необходимое понятие разума, у которого нет соответствующего предмета в нашей чувственности: данные понятия являются прирожденными, свойственными душе, поэтому дух неизбежно приходит к ним как к руководящим началам, определяющим душевную деятельность. Идеи составляют незначительную часть возможного содержания нашего мышления,

в которой нет ничего относящегося к ощущению или чего-либо заимствованного от ощущения: они есть чистые произведения разума. Данные предметы мы не способны видеть. Полагаем, что если идеи являются врожденными (например, добро, польза, обязанность и другие), то столь же врожденной является идея права, но права естественного как некоего идеального права, которого нет в опыте. В данном случае происхождение позитивного права тесно связано с созданием идеи права, в частности естественного. Далее Н. И. Хлебников дает характеристику представления О. Конта об идеях, согласно которому они возникают на основе опыта, и полемирует с ними.

В то же время идея права рассматривается данным правоведом в качестве производной от более фундаментальной, столь же «до-опытной», общесоциальной идеи справедливости, имеющей моральное содержание. Будучи изначальной, последняя не производна от законов. Достаточно интересна проводимая концептуализация идеи права в кантовском духе как регулятивного принципа, который незаменим в определении общественных отношений. В последних содержится дозволение действовать, но в лишь в той мере, которую как раз и определяет идея справедливости. Специфика собственных заключений Н. И. Хлебникова состоит в понимании права как явления, тесно связанного с моралью. Он пишет, что «бесполезно отыскивать различие права от нравственности, то есть от добра и справедливости, не говоря уже о том, что полное отделение их немислимо, ибо доброе, справедливое и правовое находятся в постоянной связи, составляют элементы одного духа» [2, с. 52]. Это означает взаимный переход содержания одной идеи в другую: права – в добро, добра – в справедливость, права – в справедливость и так далее. Именно эта особенность данных идей находится в основании позиции цивилизации, связанной с феноменом государства и государственного воздействия на общество с помощью права.

Примечательно, что Н. И. Хлебников не останавливается на двух возможных концептуализациях понятия «идея», но рассматривает всю палитру наиболее значимых осмысленных данного явления в новоевропейской мысли, отдавая предпочтение именно кантовскому пониманию идеи права как правовому началу, выступающему в качестве регулятива по отношению к праву, имеющему нравственное содержание. Такой подход можно рассматривать как

ответ на правовой позитивизм того времени, который лишил право его широкой ценностной основы и, в сущности, самостоятельной, независимой от политической власти значимости. Таким образом, русская философия права очень тонко реагировала на возможные последствия правового позитивизма, который стремился освободить право от великих идей и представить его как сугубо техническую подсистему. Но вместе с тем мы можем увидеть стремление отечественной философии права разобраться в причинах и последствиях кризиса правосознания и упадка великих идей как значимых регулятивов самого права.

Так, Ф. В. Тарановский связывал кризис правосознания с кризисом метафизического подхода к идее права. Характеризуя суть такого подхода, известный правовед показывает, что идея права в метафизическом мышлении, свойственном естественно-правовой доктрине, постулируется как нечто априорное, осуществляющееся в праве положительном [3, с. 34]. Однако данное осуществление не следует понимать буквально: речь скорее может идти об изменениях в материи позитивного права вследствие его приближения к идее как конечной цели, которая, разумеется, не достижима. Именно на основании такой схемы выстраивалась история права: устанавливалась метафизическая идея права, показывалось ее раскрытие в праве положительном. Более того, естественно-правовая доктрина оперировала понятиями человечества, человеческого разума, вследствие чего идея права преподносилась как имеющая абсолютное, то есть безусловное и всеобщее значение в том смысле, что ее носителем является все человечество.

Вышесказанное не означает, что метафизический подход к идее права означал полное подавление эмпирического начала началом рационалистическим. Так, постулировалось, что эмпирическое содержание идеи права раскрывается во всемирной истории права. Однако метафизическое мышление и рационализм суть не одно и то же. Известно, что в рационализме идея права дедуцировалась из более общих идей, например справедливости и добра, то есть из самоочевидных истин. В метафизике же такого выведения нет. Отказавшись от исходных аксиом, идеалистическая философия пришла на помощь этому недостатку рационализма и начала устанавливать метафизические идеи как конечную цель мирового процесса и сводить познавательную

деятельность к наблюдению за явлениями для раскрытия в них постепенного осуществления метафизических идей. Таким образом было допущено наблюдение, но именно это и сыграло роковую роль для данного подхода. Вследствие этого кризис естественного права – это кризис именно его идеалистическо-метафизической версии, которая объявила конечной целью правового развития осуществление правовой идеи равенства всех индивидов перед законом и обеспечение свободы личности. Но было обнаружено фактическое неравенство, а также собственные закономерности развития позитивного права, которые оказались достаточно далеки от возвышенных, но абстрактных идей. «Из этих фактов следовал тот несомненный вывод, что метафизическая идея права не может быть признана конечной целью правового развития и объяснения этого развития следует искать за пределами идеалистической философии» [3, с. 37].

Моменты метафизического понимания идеи права присутствуют во взглядах Н. Н. Алексеева. Мыслитель подчеркивает, что в праве есть некий вечный и абсолютный элемент, который связывается им с идеей права, которая в свою очередь не разлагается в несвязную массу отдельных исторических моментов [4, с. 165]. Но, с другой стороны, здесь совершенно правильно показывается наличие в идее права инвариантного, которое, на наш взгляд, позволяет идентифицировать право именно в качестве права, а не какой-либо иной сферы общественного бытия. Подобное представление можно проинтерпретировать в качестве структурного: идея права есть фиксация некоей его сущности, позволяющей ему быть самостоятельной сферой человеческого общежития. Однако это не может означать отрицания многообразия идейных построений, преломляющих и выражающих это абсолютное начало. Но даже во всей совокупности правовые идеи не могут выразить идею права полностью и окончательно, ибо право есть развивающаяся реальность – реальность, обладающая сущностью, абсолютной в смысле ее идентификационных признаков, но одновременно постоянно дополняющейся новыми элементами. В противном случае мы не могли бы объяснить процесс постоянного возникновения новых правовых идей.

Хотелось бы осветить и еще один нюанс, который прослеживается у Н. Н. Алексеева, связанный с тем, как бытийствует идея в каче-

стве абсолютного начала права. Ссылаясь на Иеринга, автор явствует, что данное абсолютное начало не разворачивается в действительности правовой материи само по себе – только через борьбу субъектов права, отстаивающих данную идею. В любом случае, основная проблема заключается в том, что борьба за право как отстаивание его идеи предполагает усилия, направленные на познание и конструирование данной идеи. А у разных социальных групп и на разных стадиях исторического развития идея права может наполняться различным содержанием. Ситуация, когда все отстаивают единую идею права, относится к области правового идеала.

Важное место в обсуждении категориального статуса феномена идеи права занимает вопрос о соотношении идеи права и позитивного, то есть действующего, права. В сущности, говоря языком современной философии права, это вопрос о соотношении двух форм правовой реальности. В этой связи не утратило своей актуальности меткое замечание Н. М. Коркунова о том, что идея права служит основанием его исторического развития, но она не может быть правом, практически применимым, то есть таким, которое регулирует общественные отношения. «Такая идея определяет развитие права, а не права людей» [5, с. 96]. Как известно, Н. М. Коркунов отличает резко критический подход к естественному праву. Однако в приведенном высказывании он все же признает естественное право, но достаточно верно определяет его как идею права, которую можно рассматривать в качестве его идеологического источника. Вместе с тем вполне понятно, что он не допускал воплощения идеи права, например, в принципах права, которые имеют мощное регулятивное значение. С нашей точки зрения, идея права не только задает горизонт развития права, но и обладает регулятивным потенциалом. Несмотря на данную ремарку, привлекательность подхода мыслителя в отличие, например, от позиции Гегеля, заключается в дифференциации идеи права и позитивного права, которая так и не была осуществлена диалектическим способом. В результате идея права представляла как трансцендентное к позитивному праву начало.

Относительно последовательное осмысление гегелевского подхода характерно для С. П. Мокринского. Суммируя представления Гегеля, он подчеркивал, что идея права есть абсолютный, истинный, существенный эле-

мент права, имманентный его внешним проявлениям. Существующее положительное право – момент в развитии идеи, раскрываемой на пути спекулятивного мышления. Одновременно позитивное право познается из идеи, но та, в свою очередь, – из существующего права [6, с. 230]. Как представляется, в указанных воззрениях констатируется наличие некой очень важной проблемы, которая всего лишь кратко обозначается, но не разворачивается во всей ее объемности. Суть проблемы содержится в соотношении идеи права и действующего права, в имманентности или трансцендентности первой по отношению к второму.

Необходимо отметить, что для российской философско-правовой мысли была характерна концептуализация феномена идеи права именно в контексте тонкого понимания всех нюансов соотношения естественного и позитивного права и понимания эволюции данного соотношения, поскольку идея права длительное время воспринималась в качестве естественного права и наоборот. Данный дуализм с небывалым мастерством был раскрыт Н. И. Палиенко, посвятившим отдельную главу своей монографии идее естественного права, рассмотрев исконный дуализм в понимании права, выражающийся в невозможности подведения естественного и позитивного права под одно определение. Тем не менее попытка интеграции двух типов правопонимания во многом определила, как известно, повестку философии права XX–XXI веков.

Заслуга Н. И. Палиенко заключается в экспликации разных версий естественно-правового мышления. Так, в одном случае естественное право рассматривалось как собственно право, с его нормами и принципами, например, как обычное право. Однако в дальнейшем в философско-правовой мысли возобладал подход к естественному праву как совокупности критериев, идеалов, принципов, как идеальному фактору, наконец. Так, оно утрачивало собственно юридическое содержание, представ в качестве некой основы для оценки права положительного и положительного законодательства [7, с. 55]. В дальнейшем все это привело к априоризму и метафизичности, на которые, как мы видели выше, указывал также Ф. В. Тарановский. С нашей точки зрения, именно сосредоточение философско-правовой мысли на идеальных сущностях привело к тому, что из поля зрения был упущен реальный правопорядок (хотя, конечно, длительное

время многие теоретические вопросы правоведения поднимались именно в данной версии философии права). Реальный порядок и выработка соответствующего понятийного инструментария стали осуществляться на иных – позитивистских – началах в XIX веке, при всех разумеющихся односторонностях такого изучения. Таким образом был сформулирован запрос, например, на уровне той же исторической школы права о том, что идея права должна быть более содержательной. В более конкретной форме вышеуказанный дуализм стал восприниматься как дуализм идеи права и понятия права, которое пыталась сформулировать возникшая в XIX веке теория права в качестве результата обобщений позитивного права.

Попытка детального рассмотрения возможностей преодоления дуализма между идеей права и понятием права была также предпринята в русской философско-правовой мысли. Весьма интересный подход к решению данной проблемы, позволяющий уточнить отношение предмета философии права и предмета теории права, предложил Б. А. Кистяковский. В частности, помимо идеи права, он выделял нормативное понятие права, имеющее в своем фокусе реальную сущность права, отражающее право как нормативную систему. Говоря современным языком, оно свойственно нормативистскому подходу в теории права. «Нормативное понятие права обобщает известную сторону действующего права, и поэтому его нельзя отвлекать от реальности права» [8, с. 280]. Таким образом, данное понятие не претендует на отвлеченность, присущую идее права и во многом имеющую дедуктивный, а не индуктивный характер. Обращает на себя внимание, что Б. А. Кистяковский, сосредоточившись главным образом на нормативном понятии права, замечает в нем некий аспект, некую сторону, которая кажется не соотносящейся с реальностью права. Такой стороной выступает правовая идея, заключающаяся в норме.

Думается, что последнюю фразу следует интерпретировать как идею нормативности права. Более того, Б. А. Кистяковский отмечает, что идея права служит основным признаком нормативного понятия права и должна быть воплощена в конкретных, реально действующих нормах права. Достаточно интересна сама логика мысли выдающегося правоведа: нормативное понятие (понимание. – *М. Ш.*) права есть обобщение действующего права, но оно не про-

сто отражает сущее, но и должно быть воплощено в нем. То, благодаря чему возможно данное воплощение, есть идейный компонент этого представления, предполагающий обратное воздействие на право. Если бы такого идейного компонента не существовало, то, продолжит Б. А. Кистяковский, составленное нами определение было бы понятием права в собственном смысле, а не представлением о каких-то произвольных и фантастических нормах, претендующих на то, чтобы быть правом.

Необходимо отметить, что мысль ученого-правоведа является достаточно сложной и запутанной. Однако вполне понятно, что он ведет речь не об идее права, а о понятии права, которое выражает наиболее важные его свойства, в данном случае нормативность. Но одновременно ученый стремится обосновать то, что, помимо подобного рода понятийного представления, существует еще идея права, которая не тождественна, но все же пересекается с нормативным понятием права, составляет аспект его содержания. Разумеется, идея права – это тоже общее понятие, но его отличие заключается в том, что в нем отражается не только природа права, как она дана в эмпирической реальности, а сущность как нечто заданное (задача, замысел, цель), оцениваемое в категориях должного, претендующего на воплощение. При этом Б. А. Кистяковский говорит о том, что всякая идея права должна рассматриваться главным образом с точки зрения ее значимости и ценности. В свою очередь нормативное понятие права, будучи пронизано идеей, определяет значимость и ценность права [8, с. 281].

Обобщая проводимый анализ, подчеркнем, что идея права обеспечивает сопряжение этого понятия с миром ценностей. В то же время понятие права обеспечивает связь с действующим правом. И если оно включает в себя идейный компонент, то и идея права сочетает в себя представления о сущем и должном, претворяясь многокомпонентным феноменом. Включение в понятие права элементов идеи было свойственно также для философско-правовой концепции Р. Штаммлера. Данный крупнейший философ права неокантианской ориентации в своей известной работе «Учение о правильном праве» признавал правовую идею, или мысль, основным элементом понятия правомерного права. По его мнению, правомерным правом является право, которое в каждом особом положении согласуется с основной мыслью пра-

ва вообще, являющейся трансцендентальной величиной.

Неокантианская методология как основа познания идеи права в качестве предмета философии права получила свое признание и развитие в России. Так, достаточно интересной представляется концептуализация идеи права В. А. Савальского. В качестве идеи права он предлагал рассматривать естественное право как трансцендентальную идею юридического опыта. При этом сам феномен идеи он концептуализировал как то, что не есть бытие, но и не является также и небытием. Из этого следует, что идея не есть право, а право не есть (в духе Гегеля) форма саморазвертывания идеи. Тогда возникает вопрос: чем же она является? В. А. Савальский исходил из того, что идея есть вещь в себе, «так как констатирует прерывность методов познания в целом человеческого опыта и сообразно с этим разграничивает сферы трансцендентального сознания. Как пограничное данной сфере понятие, она есть максима, точка зрения, метод» [9, с. 209]. Опираясь на данное определение, идею естественного права он предлагал рассматривать с двух сторон. С одной стороны, как вещь в себе, с другой – как метод. В первом случае она предстает как метаюридическое понятие, а во втором – как особый способ/метод рассмотрения положительного права, его оценки и критики. Поэтому речь не идет о том, что идея в отношении опыта предстает чем-то трансцендентным. Напротив, идея не является запредельной, она погранична опыту, поэтому имеет силу регулятива и максимы.

Подобные выводы о статусе идеи приводят ученого к признанию неопределенности опыта, то есть невозможности считать его в какой-то исторический момент законченным [9, с. 210]. В итоге можно констатировать, что идея есть метаюридическая сфера, которая активно воздействует на позитивное право и является неотъемлемой частью правовой реальности.

В процессе анализа концептуализации феномена идеи права в рамках отечественной философии права необходимо учитывать, что правоведы обосновывали свои представления в особой ситуации – заявившей о себе в западной юриспруденции неудовлетворенности в затянувшемся доминировании позитивистского типа понимания научности в юриспруденции XIX века, не так заметно проявившегося в России. Как уже отмечалось, правовой позитивизм стал реакцией на излишнюю метафизичность естественно-правовой доктрины и ее подхода к определению идеи права [10, с. 47].

Однако и сам позитивизм, который объявлял философию права чуть ли не шарлатанством, в достаточно короткие сроки продемонстрировал не только свои сильные, но и слабые стороны. Сильные стороны проявились в том, что именно на основании позитивизма был реализован цикл кодификаций в государствах Европы в XVIII – начале XIX века. Действительно, попытка создать нечто абсолютно новое касательно формы и содержания позитивного права вполне удалась, но она стала возможной на основе присутствия, пусть и в затуманенном виде, идеи права, отождествляемой в то время с идеей естественного права. Именно это придало, например, Австрийскому уложению и Code Civil не только теоретический блеск, но и практическую жизнеспособность. Однако уже в кодификационных актах XIX века, например Общегерманском уложении, вполне заметна потеря идейной основы, что привело к отсутствию преемственности между традициями прошлого и устремлениями в будущее.

Если характеризовать слабые стороны обнаружившегося правового позитивизма, то они продемонстрировали свою схожесть с недостатками правовой метафизики и вызвали потребность в том, чтобы дальнейшее правовое развитие требовало сопряженности права со сложной экономической и политической реальностью, то есть большей степени открытости права. На повестке дня появился новый цикл – формирование правовой, в частности законодательной, политики, которая неразрывно связана с категорией «цель права», пересекающейся с идеями и идеалами справедливости и разумности. Возродилось представление о том, что законотворец должен воплощать данные идеи в правовых нормах. В этом контексте и актуализировалась сданная в архив естественно-правовая проблематика, акцентировавшая внимание не на том, что есть, а на том, что должно быть с точки зрения разумного и справедливого. И. А. Покровский убедительно отмечал, что длительное время догматическая юриспруденция пыталась не замечать данные вопросы. Но результат был крайне негативен – охлаждение общества к юриспруденции, представленной учеными и практиками, их взаимное отчуждение, что побуждало вспомнить об одном из изречений Люте-

ра: «Юрист, если он только юрист, – жалкая вещь». Сложившаяся к концу XIX века ситуация побудила ученых вернуться к вопросам поиска идеи права, что наиболее ярко выразил Гирке: «Мы должны найти ее, эту потерянную идею права, иначе мы сами себя потеряем».

Говоря о сложившейся ситуации перелома, в том числе в науке гражданского права, И. А. Покровский отмечал интенсификацию поиска «потерянной» идеи как некоего справедливого и правильного права, что привело к возрождению естественно-правовых представлений и поиску философско-правовых оснований права и его науки. Прилив энтузиазма выразился в дискуссиях о неизменных моральных ценностях, природе социальных отношений и так далее. В итоге появилась надежда на преодоление кризиса правосознания, которое, как известно, разлагается без прочного идейного каркаса и оскудевает без него. «Таким образом, духовные искания вновь повеяли в юриспруденции. Она почувствовала всю свою слепоту и беспомощность без “великих идей” и “всеобщих истин”, и позитивизм перестал ее удовлетворять» [10, с. 50].

Нельзя не обратить внимание на то, что И. А. Покровский говорит не только о правовых идеях, но и о поисках верховного смысла права как ориентира при осуществлении оценки отдельных правовых норм.

Рассмотрение категориального статуса идеи права дополнялось в отечественной философии и теории права вниманием к содержательному ее наполнению, что привело к возникновению вполне оригинальных подходов и оценок, составивших идейный каркас так называемой русской философии права, понимавшей содержание идеи права достаточно самобытно и в некоторых случаях радикально отличавшейся от понимания права в западноевропейской правовой традиции. Однако следует учитывать, что если анализ концептуальных подходов к феномену идеи права в рамках отечественной философии права не нашел своего комплексного освещения в современной философско-правовой литературе, то содержательная сторона отечественного правопонимания изучена основательно [11; 12; 13].

Однако следует обратить внимание на то, что сама концептуализация идеи права как духовно-правового феномена все же не может осуществляться вне и помимо учета контек-

ста специфики национально-правовых культур и культурно-цивилизационных особенностей права. В отечественной философской правовой мысли отстаивалось и реализовывалось право на наполнение идеи права как фундаментального трансцендентального регулятива самобытным национальным содержанием, которое претендовало на то, чтобы стать своего рода идейным ориентиром для развития национального права России, адекватного архетипическим матрицам ее культурно-цивилизационного бытия, которые чужды правовому позитивизму и с позиции которых право выглядит как искусственное построение. Поэтому русская философско-правовая мысль, учитывая процессы, происходившие в западноевропейском правосознании, быть может более интенсивно и решительно, совершала движение в сторону возрождения естественно-правовых начал на основе их глубокого переосмысления.

Как отмечал П. И. Новгородцев, русская философская мысль о праве, которая не во всех случаях стремилась определить себя в качестве философии права, например в лице Вл. Соловьева, выдвигала великие правовые идеи на фоне общей ситуации упадка юриспруденции, которая сосредоточивалась на чисто технических вопросах, в частности кодификации [15]. Тем не менее тезис о непоколебимой связи права с моралью и представление о насыщенности права моральными должностностями представляют собой смысловую ось так называемого русского подхода к праву, русской идеи права. Это означало, что идея права не является замкнутой, но выступает преломлением широкого круга общесоциальных идей в их нравственной составляющей. Так, подходя к идее права в содержательном контексте, И. В. Михайловский рассматривал ее в качестве части мирового этического порядка, замечая, что «абсолютная идея права есть синтез личной свободы и осуществления порядка. Она не допускает превращения личности в средство для общественных целей, ни наоборот – превращения общества в средство для благополучия личности; она говорит: “Каждому свое”» [15, с. 202]. Как видно из данного короткого высказывания, идея права заключается, по И. В. Михайловскому, в справедливости, фиксирующей нацеленность права в его сущности на баланс личных и общественных интересов.

Подводя итог, отметим, что русская философия права характеризуется, во-первых, плюрализмом и самобытностью в вопросе содержательного наполнения идеи права, во-вторых, важным вкладом в понимание категориального статуса последней, что позволяет ответить на вопрос о том, что такое идея права. Развертывание вполне самостоятельной концептуализации феномена идеи права происходило в режиме диалога с западноевропейской философией права, в том числе через развитие и обогащение некоторых ее подходов. Конечно,

отечественная философия и теория права не выработали оригинальных представлений о сущности феномена идеи права, так как для этого понадобились бы сверхоригинальные философские концепции, в которых принципиально по-новому было бы представлено содержание понятия «идея». Тем не менее замечания уточняющего и конкретизирующего характера имеют непреходящую ценность для современной философии права и являются основой дальнейшей концептуализации феномена идеи права.

Литература

1. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002.
2. Хлебников Н. И. Право и государство в их обоюдных отношениях. Варшава, 1874.
3. Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917.
4. Алексеев Н. Н. Введение в изучение права. М., 1918.
5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1908.
6. Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения: в 3-х ч. М., 1902. Ч. 2.
7. Палиенко Н. И. Учение о существе права и правовой связанности государства. Харьков, 1908.
8. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 2014.
9. Савальский В. А. Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии права: Коген, Наторп, Штаммлер и другие. М., 1909. Т. 1.
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917. Ч. 1.
11. Масленников Д. В. Богочеловек и идея права // Мир политики и социологии. 2015. № 2.
12. Васильев Б. В. Концептуальное обоснование идеи права в философии русского неолиберализма // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 6.
13. Медушевская Н. Ф., Уткин Г. Н. Идея правды: сущность, содержание, роль в отечественной правовой культуре. М., 2008.
14. Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. Соловьева // Вопросы философии и психологии. М., 1901. Кн. 56 (1).
15. Михайловский И. В. Очерки философии права: в 2-х т. Томск, 1914. Т. 1.

Bibliography

1. Maximov S. I. The legal reality: experience of philosophical understanding. Kharkov, 2002.
2. Khlebnikov N. I. Law and state in their reciprocal relations. Warsaw, 1874.
3. Taranovsky F. V. Textbook of encyclopedia of law. Yurev, 1917.
4. Alekseyev N. N. Introduction to learning of the law. Moscow, 1918.
5. Korkunov N. M. Lectures on the general theory of law. St. Petersburg, 1908.
6. Mokrinsky C. P. Punishment, its aims and presumptions. Moscow, 1902. Part 2.
7. Palienko N. I. Doctrine of the essence of law and states' legal overlapping. Kharkov, 1908.
8. Kistyakovsky B. A. Social sciences and law. Essay on the methodology of social sciences and general theory of law. Moscow, 2014.
9. Savalsky V. A. Foundations of the legal philosophy in scientific idealism. Moscow, 1909. Vol. 1.
10. Pokrovsky I. A. Main problem of the civil law. Petrograd, 1917. Part 1.
11. Maslennikov L. V. God-man and the idea of law // World of policy and sociology. 2015. № 2.
12. Vasilev B. V. Conceptual justification of the idea of law in philosophy of Russian new liberalism // Social and human knowledge. 2012. № 6.
13. Medushevskaya N. F., Utkin G. N. Idea of justice: essence, content, role in the domestic legal culture. Moscow, 2008.
14. Novgorodtsev P. I. Idea of law in the philosophy of V. Solov'ev // Questions of philosophy and sociology. Moscow, 1901. Part 56.
15. Michaylovsky I. V. Essays of the legal philosophy. Tomsk, 1914. Vol. 1.

**Гришин Дмитрий Александрович
Grishin Dmitry Alexandrovich**

начальник юридического факультета Академии права и управления ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Faculty of Law, Academy of the Law and Administration of the FSIN of Russia, PhD in Law,
Associate Professor.
Тел.: 8 (910) 504-37-22.

**Кутякин Сергей Алексеевич
Kutyakin Sergey Alexeyevich**

профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета
МВД России им. В. Я. Кикотя кандидат юридических наук, доцент.

Professor, Department of Operative and Investigative Activities, Ryazan branch of the Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named by V. Ya. Kikot, PhD in Law, Associate Professor.
Тел.: 8 (920) 980-95-99.

**Напханенко Игорь Павлович
Napkhanenko Igor Pavlovich**

доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического
института МВД России кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Criminalistic and Operative-Investigative Activities, Rostov Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8 (988) 584-40-66.

**ДУХОВНЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КРИМИНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ**

**Spiritual and moral aspects of the combating criminal organizations
of convicts in correctional facilities of criminal executive system of Russia**

В статье исследует влияние исповедуемых ведущими мировыми религиями непреходящих духовных и нравственных идеалов человеческого общества на преступность в целом и криминальную организацию осужденных в исправительных учреждениях в частности. Авторы приходят к выводу, что ключевым аспектом данной проблемы является борьба с нравственными основами криминальной организации, находящими свое выражение в преступной субкультуре, тюремных понятиях и законах.

Ключевые слова: духовность, дугам, идеология, исправительные учреждения, криминальные лидеры, криминальная организация, мечеть, нравственность, противодействие преступности, религия, субкультура, тюремная община, церковь.

In article examine the impact of the world's leading religions practiced enduring spiritual and moral ideals of human society to counteract crime and its organizational forms such as the organization of criminal convicts in correctional institutions of the penal system of Russia. The authors conclude that a key aspect of countering criminal organizations convicted is to counter its moral foundations, which finds its expression in the criminal subculture of prison concepts and laws.

Keywords: spirituality, arcs, ideology, prisons, criminal leaders, criminal organization, the mosque, morality, convicted, crime, combating crime, religion, subculture, prison community, church.

Проведенные одним из авторов данной статьи исследования показали, что во многих исправительных учреждениях среди осужденных распространен институт «смотрящих»

(так называемых «наместников» воров в законе), осуществляющих руководство сообществом осужденных и несущих ответственность перед ворами за положение дел в местах ли-

нения свободы. Таким образом, в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации сложилась организационно-управленческая криминальная структура, регулирующая внутренние неформальные стороны жизнедеятельности осужденных, управляющая ими, определяющая и контролирующая принципы их взаимоотношений с администрацией и другими правоохранительными органами, государством и обществом [2, с. 3–8].

По сути, в настоящее время мы имеем дело с криминальной организацией осужденных, действующей внутри исправительных учреждений.

Противодействие криминальной организации осужденных со стороны администрации исправительных учреждений имеет преимущественно формальный организационно-правовой характер и включает в себя деятельность по предупреждению создания в местах лишения свободы криминальной организации осужденных, по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих возникновению подобных отношений между осужденными, выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и оказанию содействия в расследовании ее противоправной деятельности, восстановлению нарушенных прав лиц, пострадавших от деяний этой организации [1].

Вместе с тем формальный организационно-правовой характер противодействия криминальной организации осужденных не способен адекватно противостоять неформальной природе криминальной идеологии, составляющей основу этой организации. Очевидно, что существует насущная потребность в выработке механизмов идеологического противодействия криминальным лидерам и членам этой организации. В данной статье мы попытаемся обозначить одно из направлений решения рассматриваемой проблемы.

Известно, что закон устанавливает самую строгую ответственность за деятельность по организации преступного сообщества и участие в нем. Однако никакая, даже самая совершенная система законодательства не заменит нравственного чувства, с которым человек подходит к оценке своего поступка. Одного лишь закона, пусть весьма сурового, недостаточно для всеобъемлющего определения ли-

нии поведения человека. Значит, противодействие криминальной организации осужденных, осуществляемое только при помощи жестких организационно-правовых мер, вряд ли позволит нам достичь в этом деле значимых результатов. Исключительно силовыми методами проблему криминальной организации осужденных в уголовно-исполнительной системе России решить невозможно [3, с. 78–82], так как субкультура имеет способность к самовоспроизводству. Это подтверждают и проведенные С. А. Кутякиным исследования: существующая правовая и организационная система противодействия криминальной организации осужденных позволяет, как правило, осуществлять контроль и оказывать влияние на процессы, происходящие внутри ее, а также нейтрализовать ее внешние, противоправные и наиболее агрессивные проявления. Но она не может устранить факторы, детерминирующие возникновение криминальной организации. На вопрос о том, возможно ли искоренение воров в законе и их традиций, отрицательно ответили 52,2 % опрошенных нами сотрудников ФСИН России. Более четверти респондентов (27,41 %) считают, что с ворами и их «законами» бороться не следует, так как это явление ликвидировать невозможно [2, с. 137].

Практика показывает, что в настоящее время в работе с лидерами и активными членами криминальной организации осужденных преимущественно используется метод кнута и пряника, облеченный в формально-правовые юридические конструкции уголовного и уголовно-исполнительного закона. Главный недостаток данного метода заключается в том, что он позволяет воздействовать преимущественно на форму криминальной организации осужденных как внешнее выражение ее деятельности. При этом ее внутреннее содержание, идеологическая, духовная и нравственная (а точнее, бездуховная и безнравственная) неформальная природа остается к этому методу практически невосприимчивой. Как следствие, практика ужесточения режима в отношении лидеров криминальной организации осужденных часто не дает желаемого результата.

В связи с этим одна из важнейших задач науки и практики в сфере исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы и противодействия криминальной организации

осужденных нам видится в выработке механизма трансформации формальных методов исполнения уголовного наказания в неформальные способы воздействия на сознательно-мотивационную сферу осужденных и идеологическую природу их криминальной организации. Мы считаем, что этот механизм идеологического противодействия должен иметь в своей основе непреходящие духовные и нравственные идеалы человеческого общества. «Нравственный идеал, принятый обществом, привитый каждому его члену, будет препятствовать сползанию на кажущийся легким преступный путь» [9].

Влияние нравственности на противодействие преступности и такой ее организационной формы, как криминальная организация осужденных, вряд ли можно переоценить. Роль нравственности в обеспечении физической, психической (душевной) и духовной безопасности человека известна давно. Рассматривая источники физической опасности человека, протоиерей Д. Смирнов приходит к выводу о том, что все они могут быть классифицированы на следующие группы: преступность, безответственность (халатность), стихия (несчастный случай). При столкновении человека с преступностью или халатностью другого человека либо группы людей его физическая безопасность подвергается реальной угрозе. Первопричина этой опасности лежит в области морали, так как преступление и безответственность есть проявление безнравственности личности. Безопасность человека в экстремальной ситуации, будь то несчастный случай или стихийное бедствие, также напрямую зависит от нравственного уровня того, кому угрожает физическая опасность. В таких ситуациях нередко нужно проявлять мужество, терпение, благородство, храбрость, бескорыстие и т. п. Следовательно, любой аспект безопасности личности и общества невозможен без возрождения нравственности. Разделяя эту точку зрения, мы считаем, что ключевым моментом противодействия криминальной организации осужденных является борьба с ее нравственными основами, находящими свое выражение в тюремных понятиях и законах. Как отмечается в разделе III Указа Президента РФ от 10 января 2000 года № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федера-

ции», снижение духовно-нравственного потенциала общества – это один из основных факторов, способствующих росту преступности, угроза национальной безопасности России. Налицо необходимость выработки организационно-правовых форм духовного и нравственного противодействия идеологической природе криминальной организации осужденных как приоритетного направления деятельности УИС России.

Сила общества заключается в его духовном единстве, без этой фундаментальной основы оно распадется на части. Реалии современной общественной жизни говорят о том, что тюремной общине далеко не всегда можно противопоставить круг людей, находящихся в исправительном учреждении. Во многом это обусловлено тем, что общество поражено вирусом безнравственности и бездуховности. Преступность – один из его симптомов и индикатор криминальной запущенности. Современный социум не способен эффективно противодействовать преступности, поэтому он вряд ли сможет не допустить создание криминальной организации осужденных в местах лишения свободы.

Как показали наши предыдущие исследования [2], в учреждениях УИС далеко не всегда пропагандируются идеалы нравственности и милосердия к падшим. Сама их природа содержит в себе безнравственное, разъединяющее людей начало, имеющее своим следствием непримиримый антагонизм между администрацией и содержащимися в них осужденными и заключенными под стражу. Одной из реальных сил, способных идеологически объединить сотрудников с осужденными на основе непреходящих духовно-нравственных ценностей, являются религиозные общественные объединения. Следовательно, в противовес криминальной организации и ее лидерам в местах лишения свободы необходимо создавать православную (мусульманскую и другие) общину со своими духовными наставниками и нравственными идеалами. Религиозная общность позволит, на наш взгляд, добиться следующих результатов:

– идеологически примирить сотрудников администрации мест лишения свободы и содержащихся в них осужденных и лиц, заключенных под стражу;

– объединить тюремную общину на принципиально новой для нее духовной и нравственной основе религиозного вероучения;

– заменить традиционных лидеров тюремной общины из числа «воров», «положенцев», «блатных» и т. п. на лиц, чей авторитет основан на их духовности и приверженности религиозным идеалам [5, с. 99–104].

В целях противодействия криминальной организации осужденных следует использовать потенциал, имеющийся у различных религиозных конфессий, прежде всего у Русской православной церкви как одной из традиционных религиозных общественных организаций России, сыгравшей особую роль в истории страны, становлении ее духовности и культуры. Взаимодействие государства и церкви во многом обусловлено единством стоящих перед ними задач, среди которых главной является служение народу, в том числе путем противодействия преступности. Причем церковь гораздо шире смотрит на преступление и преступника. Если государство борется преимущественно с внешними проявлениями преступного поведения, то церковь – с причинами, коренящимися в самой природе человека. В местах лишения свободы задачи ФСИН России и церкви практически полностью совпадают и заключаются в том, чтобы поставить человека на путь исправления (ст. 1 УИК РФ).

Приобщение преступников к церкви, как и их исправление, невозможно без покаяния. В связи с этим деятельность церкви в местах лишения свободы направлена не только на духовное окормление сотрудников и осужденных, но и нравственное воздействие на них с целью их духовного очищения посредством покаяния и, как следствие, отказа в будущем от преступного образа жизни, а также противодействие криминальной организации осужденных, которое проявляется, прежде всего, в отвоевывании у нее духовного пространства внутри тюремной общины. Как уже отмечалось, неформальная природа криминальной организации осужденных может быть преодолена только при помощи нестандартных методов противодействия, направленных на изменение человеческой личности. «Тюремная субкультура формировалась десятилетиями, даже государство бессильно с ней справиться. Это очень серьезная пробле-

ма в исправительных учреждениях. И ее без церкви не решить» [8, с. 215].

Наряду с Русской православной церковью взаимодействие со ФСИН России активно осуществляют и другие религиозные организации. Например, УФСИН России по Брянской области и местная религиозная организация мусульман заключили соглашение о сотрудничестве в целях образования и духовно-нравственного просвещения осужденных к лишению свободы и лиц, заключенных под стражу. В договоре предусмотрено «создание условий для самосовершенствования осужденных к лишению свободы, осознания ими собственной вины и формирования у них стремления к исправлению имеющихся негативных качеств» [7].

О положительном влиянии религии на осужденных говорит тот факт, что часто они сами выступают инициаторами строительства храмов, мечетей, синагог и других культовых сооружений на территории исправительных учреждений. Как свидетельствует практика, исповедание различных традиционных религий не только не разъединяет, а, наоборот, сплачивает осужденных. Так, в строительстве мечети в ИК-8 УФСИН России по Республике Татарстан участвовали как мусульмане, так и православные христиане. Межконфессиональная сплоченность сохранялась и при возведении здесь церкви [6, с. 9–11]. На территории ИК-1 УФСИН России по Республике Калмыкия построены православная церковь, мусульманская мечеть и буддийский дугам. За весь период их функционирования среди осужденных не было зафиксировано случаев конфронтации по религиозным вопросам.

Влияние на осужденных традиционных для России религиозных организаций, главным образом Русской православной церкви, по оценкам сотрудников и осужденных, положительно сказывается на внутригрупповых, межличностных отношениях в местах лишения свободы [6, с. 12]. Во многом благодаря этому в учреждениях с развитой православной общиной сохраняются стабильность и низкий уровень правонарушений. Наличие храма в местах лишения свободы, возможность совершать в нем божественную литургию, исповедаться, причащаться, получать благословение оказывают положительное влияние не только на осужденных, но и на представите-

лей администрации. Вследствие этого снижается антагонизм верующих осужденных по отношению к сотрудникам исправительных учреждений и обществу в целом. По существу, церковь в местах лишения свободы выступает независимым арбитром между тюремной общиной и администрацией, дающим оценку конфликтных ситуаций с точки зрения не позитивного права, а духовно-нравственного содержания позиций и поступков враждующих сторон. Практические результаты реализации концепции духовного и нравственного противодействия криминальной организации проявляются в том, что православные общины во главе со священниками начинают составлять реальную конкуренцию криминальной организации осужденных и ее традиционным лидерам в вопросах нравственного влияния и психологического воздействия на других осужденных.

Под влиянием церкви практически перестают действовать тюремные «понятия» и связанные с ними проявления негативного поведения осужденных. В сознании верующих библейские заповеди начинают превалировать над нормами криминальной среды. В церкви осужденные, относящиеся к самому низшему разряду в неформальной иерархии («обиженные» и «опущенные»), принимают святое причастие совместно с другими категориями заключенных. При этом церковь рассматривается как семья, что и является ее настоящей, истинной сущностью. Именно в семье и происходит основное воспитание личности, ее становление, развитие, и она защищает своих членов. Мы считаем, что опыт семейного общения, распространенный среди осужденных в местах лишения свободы, может способствовать созданию «семей» на основе традиционных религиозных вероучений. А оказание им всевозможной помощи со стороны администрации, на наш взгляд, станет фундаментом для противодействия криминальной организации внутри тюремной общины.

Вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы. Ключевым аспектом борьбы с криминальной организацией осужденных является противодействие ее идеологическим основам, находящим свое выражение в тюремных «понятиях» и «законах» [4]. Существующая в настоящее время концепция противодействия криминальной организации осужденных

в уголовно-исполнительной системе России не может быть в полной мере реализована только при помощи силовых методов, облеченных в формально-правовые юридические конструкции уголовного и уголовно-исполнительного закона, позволяющих воздействовать преимущественно на форму криминальной организации осужденных как внешнее выражение ее деятельности, когда ее внутреннее содержание практически невосприимчиво к нему. Преодолеть это противоречие можно только с использованием мер, направленных на изменение человеческой личности.

Одной из важнейших задач науки и практики в сфере реализации концепции духовного и нравственного противодействия криминальной организации осужденных видится нам выработка механизма трансформации традиционных методов исполнения уголовного наказания в неформальные методы воздействия на сознательно-мотивационную сферу осужденных и идеологическую природу их криминальной организации, основанные на непреходящих духовных ценностях и нравственных идеалах человеческого общества.

Реальной силой, способной идеологически объединить сотрудников и осужденных, являются религиозные общественные организации. Их взаимодействие с государством в противодействии преступности во многом обусловлено единством стоящих перед ними задач. В этих целях ФСИН России следует использовать потенциал, имеющийся у различных религиозных конфессий, прежде всего у Русской православной церкви, и традиционных религиозных общественных организаций России.

Таким образом, дальнейшая реализация концепции духовного и нравственного противодействия криминальной организации осужденных предполагает решение многих задач организационно-правового характера, в числе которых: создание правовой базы сотрудничества ФСИН России с религиозными конфессиями (объединениями); организация профессиональной подготовки тюремных священников на базе учебных заведений ФСИН России; создание в структуре ФСИН России и ее территориальных органов специальных подразделений по взаимодействию (сотрудничеству) с религиозными организациями (объединениями).

Литература

1. Гришин Д. А., Кутякин С. А. Государственное регулирование противодействия проявлениям организованной преступности в уголовно-исполнительной системе России: монография. Рязань, 2013.
2. Кутякин С. А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России: монография. Рязань, 2012.
3. Кутякин С. А., Гришин Д. А. Структура, содержание и особенности конфликта между криминальной организацией осужденных к лишению свободы и администрацией исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы России // Вестник Российского нового университета. 2015. № 7.
4. Кутякин С. А. Тюремные «понятия» как продукт антагонизма естественного и позитивного права в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 6.
5. Кутякин С. А., Гришин Д. А. Духовное оформление в местах лишения свободы как фактор, обуславливающий противодействие криминальной оппозиции тюремной общины // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т. 46. № 2.
6. Ларин А. Начать жизнь с чистой графы // Преступление и наказание. 2010. № 2.
7. URL: <http://www.fsin.su>
8. Скоморох О., Пономарева Н. В. Тюремное служение Русской православной церкви. М., 2009.
9. Смирнов Д. Духовность, нравственность, право. URL: <http://www.lib.eparhia-saratov.ru>

Bibliography

1. Grishin D. A., Kutyakin S. A. State regulation of countering manifestations of organized crime in the penal system of Russia: monograph. Ryazan, 2013.
2. Kutyakin S. A. Organizing opposition countering criminal in the penal system of Russia: monograph. Ryazan, 2012.
3. Kutyakin S. A., Grishin D. A. Structure content and features of the conflict between the criminal organization of convicts and the prison administration penal system of Russia // Bulletin of the Russian new university. 2015. № 7.
4. Kutyakin S. A. Prison «concepts» as a product of the antagonism of natural and positive law in prisons // Penal system: law, economics, management. 2007. № 6.
5. Kutyakin S. A., Grishin D. A. Spiritual care in prisons as the factors contributing to countering criminal opposition to the prison community // Bulletin of the Academy of General Prosecutor's office of the Russian Federation. 2015. Vol. 46. № 2.
6. Larin A. Start with a blank columns // Crime and punishment. 2010. № 2.
7. URL: <http://www.fsin.su>
8. Skomorokh O., Ponomareva N. V. Prison service of the Russian Orthodox Church. Moscow, 2009.
9. Smirnov D. Spiritual, moral, right. URL: <http://www.lib.eparhia-saratov.ru>

Каломен Александр Геннадиевич
Kalomen Alexander Gennadievich

адъюнкт Ростовского юридического института МВД России.

Adjuncts Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Тел.: 8(929) 820-48-81.

**ПРАВО НА ЖИЗНЬ КАК ОБЪЕКТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ
СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА:
ФИЛОСОФСКИЙ И ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ**

**The right to life as the object of the encroachment
on life of the law enforcement officer: a philosophical and legal aspects**

В статье рассматривается неотъемлемое и естественное право на жизнь, которым в Российской Федерации наделены все граждане, в том числе и сотрудники правоохранительных органов, при посягательстве на жизнь которых данное право выступает в качестве дополнительного объекта уголовно-правовой охраны. Для целостного уяснения понятия и сущности права на жизнь автором проводится анализ различных позиций, представленных в литературе и законодательстве, по его правовому закреплению в разные исторические эпохи.

Ключевые слова: право на жизнь, государство, неотъемлемые права, жизнь человека и индивида.

The article discusses inherent and natural right to life, which in the Russian Federation according to the Constitution belong to all citizens, including law enforcement officers, in the attack on the life which the right to life acts as a secondary object of criminal law protection. For a holistic understanding of the notion and essence of the right to life an analysis of the different positions presented in the literature and legislation on its legal consolidation in different historical epochs.

Keywords: right to life, state, inalienable rights, human life and the individual.

В настоящее время в мире существует множество ценностей. К ним, несомненно, относятся любовь, вера, справедливость, уважение, семья, здоровье, личная безопасность и т. п. Но данный перечень не будет полным без такой ценности, как человеческая жизнь. Она является началом всего. Ввиду этого неотъемлемым правом на жизнь должен обладать каждый человек, чтобы познать все ее ценности, внести свой вклад в развитие мирового сообщества, знать для чего он живет и выполнить свое предназначение в этом мире. Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 317 устанавливает уголовную ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, а равно и его близких. Под посягательством следует понимать убийство или покушение на убийство. Одним из объектов уголовной охраны, согласно диспозиции данной статьи, выступает жизнь сотрудника и его близких. Согласно Конституции Российской Федерации все граждане нашей страны наделяются правом на жизнь. На территории России, как и в любой другой стране, каждый

человек имеет право жить, и никто не может безнаказанно лишать его жизни по своему желанию и без крайних вынужденных причин. Но в различные эпохи взгляды общества и государства на жизнь как на ценность и неотъемлемое право человека отличались. Не всегда человек мог жить так, как ему хочется, не всегда имел право выбора. Предлагаем следующую периодизацию развития права на жизнь: 1) естественно-групповой период существования общества; 2) экономическо-государственный период; 3) правовой период.

Первый период непосредственно относится к первобытному обществу, где жизнь была достаточно сложной. Люди являлись равными перед обычаями и традициями и неукоснительно их соблюдали. Общине принадлежало все имущество и пища, чем она и распоряжалась. Но, помимо этого, в первобытном обществе распоряжались и жизнью человека. Он не был свободен в этом отношении. Человек жил до тех пор, пока мог приносить пользу обществу. Если в силу состояния здоровья или других причин у него не получалось быть по-

лезным для общественного окружения, то соплеменники решали, как с ним поступить (в большинстве случаев убивали или заставляли совершать самоубийство) [11, с. 123–124].

Второй период развития права на жизнь относится к времени становления государственности, возникновения рабовладельческого строя, а также развития духовной культуры и материальных ценностей. Так, в обществе появляется классовое расслоение на богатых и бедных, свободных и зависимых, полноправных и бесправных. При этом жизнью человека распоряжаются боги, только они вправе решать, когда ему жить и когда умереть. В целом представление о жизни сводилось к тому, что человек должен жить во благо других и жертвовать собой, если это потребуется. Во времена Древней Греции жизнь начинает обретать ценность. Об этом свидетельствует мнение древнегреческого философа Диодота о смертной казни, который считал, что даже такая суровая мера наказания не сможет сдержать человека от проступков, так как в силу своей природы люди как совершали преступления, так и продолжают их совершать и никакой мерой наказания преступника не запугать, поэтому нет смысла лишать его жизни [11, с. 126]. Сама же проблема жизни не рассматривалась до появления учений Аристотеля. Как отмечает В. А. Яковлев, «у Стагирита проблема жизни связывается с энтелехиальной причинностью, то есть целесообразностью и направленностью» [16, с. 15]. В понимании Аристотеля жизнь дается человеку для того, чтобы тот делал добро другим. Стагирит признает множество благ. Одно из них – это жизнь, которая является природным благом, а наивысшее благо человеческой жизни – это счастье, ради которого он был рожден [8, с. 171–172].

Если рассматривать другую сторону отношения к жизни, то возникновение института рабства, например, в Древнем Риме приводит к тому, что жизнь одних лиц ни во что не ставится по сравнению с жизнью других. В рабовладельческом обществе у рабов не было никаких прав. Они были не субъектами прав, а объектами прав, то есть признавались имуществом. Так римское право различало римских граждан и рабов. Рабы в Древнем Риме и их жизнь, в частности, полностью зависели от своих хозяев. Раб мог жить столько, сколько

позволит рабовладелец. Соответственно, за убийство раба никакой ответственности не было. Во II веке н. э. римский император Антонин Пий, склоняясь в своей внутренней политике к равенству сословий, улучшил положение рабов. Им была введена ответственность за убийство раба такая же, как и за убийство обычного гражданина, облегчалась процедура освобождения из рабства. Принятие гуманных законов Антонином объяснялось влиянием на него греческой философии [4]. В целом положение рабов кардинально не менялось вплоть до отмены рабства.

Положение свободных людей имело свои особенности. В любом государстве им предоставлялись права. Их объем зависел от статуса человека, занимаемого в обществе. Но по своей сущности жизнь человека имела лишь экономическую оценку. Богатые и имеющие власть люди ценились больше, чем бедные и безвластные, а следовательно, обладали большими правами. Тот, кто оказался в сложном материальном положении, мог быть продан в рабство, тем самым лишившись каких-либо прав. Например, в ст. 55 Пространной редакции Русской Правды говорилось о том, что «если кто-нибудь будет многим должен, а приехавший из другого города купец или чужеземец, не зная того, доверит ему свой товар, а <тот> станет не возвращать гостю денег, и первые заимодавцы станут ему препятствовать, не давая ему денег, то вести его на торг, продать <его> вместе с имуществом, и в первую очередь отдать деньги чужому купцу, а своим – те деньги, что останутся, пусть они разделят; если будут княжеские деньги, то княжеские деньги отдать в первую очередь, а остальное в раздел; если кто взимал <уже> много процентов, то тому <свою часть долга> не брать» [5]. В уголовно-правовых нормах также прослеживался экономический подход к оценке жизни человека в зависимости от занимаемого им положения в обществе. Так, Салическая правда франков предусматривала ответственность за убийство свободного франка или варвара в виде штрафа в размере 8 тыс. денариев. За убийство же человека, состоящего на королевской службе, или свободной женщины предусматривалась ответственность в виде штрафа в размере 24 тыс. денариев [7].

Н. В. Витрук отмечает, что «христианская религия внесла существенный вклад в развитие идей о правах, о равенстве и равноправии человека во время распада рабовладельческого строя в период Средневековья. Богословские положения предполагают то, что все равны перед Богом и несут перед ним одинаковую ответственность. Христианская мысль сформировала взгляд на человека как на существо, обладающее свободой воли. Это привело к возникновению идеи личной ответственности, личной свободы, а следовательно, и идеи прав человека» [9, с. 20]. Идея же права на жизнь человека вытекает из самой христианской религии, а именно из того, что человек был сотворен Богом по образу и подобию Своему. Р. А. Папаян обращает внимание на то, что «именами Адам и Ева, данными прародителям человечества, и Божьим вердиктом “человек прилепится к жене своей и будут одна плоть” в Библии подчеркивается не что иное, как вечное и нерасторжимое соединение человека и жизни, ибо на древнегреческом языке Адам означало “человек”, а Ева – “жизнь”» [12, с. 34–35].

Один из отцов христианской церкви Аврелий Августин в IV веке н. э. оправдывал существование различного имущественного положения среди людей в обществе. Он видел в этом объективный и естественный процесс течения и уклада жизни, который останется неизменным во все времена. Но Августин Блаженный утверждал равенство всех людей перед Богом [3].

Учитель церкви и философ Фома Аквинский также проповедовал идеи равенства всех перед Богом и доказывал, что Бог – это цель, ради которой существуют люди [13, с. 51].

В эпоху Древнего мира и Средневековья взгляд государства на жизнь человека имел экономически-оценочный характер. Неудобные и бесполезные люди уничтожались. Основная часть общества не имела права на жизнь. Переход от рабовладельческого строя к феодальному серьезно не повлиял на изменение отношения к праву на жизнь. Исчезновение класса людей-рабов, которые были полностью бесправными, возникновение сословного деления общества, появление крестьян и их господ сопровождалось наличием большой зависимости одних от других. Объем прав человека определялся его принадлежностью к

тому или иному сословию. Данный период времени нельзя назвать идеальным с точки зрения развития прав человека.

В дальнейшем в мировой истории развития государств происходит централизация власти в руках одного человека – монарха (царя, короля). Он является судьей и главой государства. Монарх становится обладателем огромных полномочий, сам решает, кого удостоить правом на жизнь. Например, в царской Руси Иваном IV во время действия Опричнины было уничтожено множество неугодных ему людей, которые, по его мнению, могли покушаться на власть и не соглашались с проводимой им политикой.

Сложным остается положение конкретного человека с точки зрения равноправия с другими людьми и предоставления ему права на жизнь вплоть до XVIII века. В этот период права и свободы индивида обретают высшую ценность и государство начинает рассматриваться как средство, необходимое для их соблюдения. Данная идея сформировалась вследствие возникновения интеллектуального класса людей. Философские мыслители этого времени внесли существенный вклад в становление и развитие правового государства. Так, воззрения Т. Гоббса сводились к равноправию людей между собой «в отношении умственных и физических способностей» [14]. Он считал, что государство – это результат общественного договора людей. Оно необходимо для выживания индивидов и поддержания гражданского мира. Ради этого люди отказались от всех своих естественных прав, кроме права на жизнь [14]. Данную мысль подтверждает Ж.-Ж. Руссо. Власть принадлежит народу, который должен принимать законы и тем самым гарантировать себе безопасность от произвола правительства и имущественное равенство [6]. По мнению Канта, «каждое лицо, независимо от его социального статуса, обладает совокупностью природных прав, вечных и неизменяемых» [9, с. 24].

«Первыми юридическими документами в истории, которые провозгласили права человека, считаются: Билль о правах (1776), принятый Конгрессом народных представителей штата Вирджиния в Северной Америке, Декларация независимости США (1776), принятая Континентальным конгрессом тринадцати североамериканских колоний, Конституция США (1787)

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

и знаменитые десять поправок к ней, известные как Билль о правах (1791)» [9, с. 25].

Окончательным прорывом в области становления правового государства и законодательно закрепления прав людей явилось принятие Национальным учредительным собранием Франции в результате Великой французской революции 1789 года Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Как отмечает А. И. Косарев, «Декларация прав человека и гражданина 1789 года – один из замечательных памятников, сохраняющих притягательную силу и в наше время. Ей провозглашаются основополагающие принципы права и государственности современного французского общества: 1. Священность и неприкосновенность естественных прав и свобод. 2. Принцип национального суверенитета...» [10, с. 260–261].

В России моментом провозглашения равноправия людей между собой, наделения их естественными и неотчуждаемыми правами можно считать отмену крепостного права в 1861 году. Ярким борцом за естественные права человека в России являлся П. И. Новгородцев. Он был сторонником правового государства. Его интересы концентрировались на рассмотрении естественных прав личности, под которыми ученый понимал вечные и неотъемлемые права, имеющие абсолютную ценность и нравственную природу [14].

В XX веке мировое сообщество приходит

к тому, что неотъемлемые права и свободы человека и гражданина, в том числе и право на жизнь, должны быть достоянием всех людей, а не являться политикой какого-то одного государства. Они получают свое закрепление в нормативно-правовых актах международного права. Так, Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года принимается Всеобщая декларация прав человека, где в ст. 3 указано, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [1]. Впоследствии разрабатывается ряд других международных нормативно-правовых актов, где право на жизнь получает свое закрепление, например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 2). Далее на основе этого международного законодательства как приоритетного и незыблемого источника права во многих государствах мира право на жизнь было закреплено в конституциях в виде неотъемлемого фундаментального права. Так, в пункте 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации было установлено, что «каждый имеет право на жизнь» [2].

В заключение еще раз подчеркнем, что жизнь бесценна. Человек и общество в целом должны понимать это и оберегать жизнь каждого индивида. Только тогда мы сможем говорить о наличии правового и культурного общества и государства и избавить человечество от насилия.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=120805;req=doc>.
2. Конституция РФ. URL: <http://www.garant.ru/doc/constitution/>
3. Аврелий Августин // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Аврелий_Августин.
4. Антонин Пий // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Антонин_Пий.
5. Русская Правда (Пространная редакция) // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4947>.
6. Руссо Ж.-Ж. // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Руссо,_Жан-Жак.

Bibliography

1. Universal declaration of human rights. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=120805;req=doc>.
2. Constitution of the Russian Federation. URL: <http://www.garant.ru/doc/constitution/>
3. Aurelius Augustine // Wikipedia. Free encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Avreliy_avgustin.
4. Antonin Pius // Wikipedia. Free encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Antonin_py.
5. Russian Truth (Vast edition) // Electronic publications of institute of the Russian literature (Pushkin house) of the Russian Academy of Sciences. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=494>.
6. Rousseau Jean-Jacques // Wikipedia. Free encyclopedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Руссо,_zhan-Jacques.

-
-
7. Салическая правда. URL: <http://hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm>.
 8. Античная философия. Энциклопедический словарь. М., 2008.
 9. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.
 10. Косарев А. И. История государства и права зарубежных стран: учебник. 2-е изд. М., 2012.
 11. Лычева А. С. Смысловое наполнение категорий «жизнь» и «смерть» в древней культуре // Философия права. 2012. № 6 (55).
 12. Папаян Р. А. Христианские корни современно права. М., 2002.
 13. Стамп Э. Аквинат / пер. с англ. Г. В. Вдовиной; науч. ред. К. В. Карпов. М., 2013.
 14. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М., 2004.
 15. Яковлев В. А. Метафизика и физика жизни // Вопросы философии. 2012. № 2.
7. Salic truth. URL: <http://hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm>.
 8. Ancient philosophy. The encyclopedic dictionary. Moscow, 2008.
 9. Vitruk N. V. General theory of a legal status of the personality. Moscow, 2008.
 10. Kosarev A. I. History of state and law of foreign countries: textbook. 2nd prod. Moscow, 2012.
 11. Lycheva A. S. Semantic filling of the categories «life» and «death» in ancient culture // Philosophy of law. 2012. № 6.
 12. Popayan R. A. Christian roots it is modern the rights. Moscow, 2002.
 13. Stamp E. Akvinat / transl. from English G. V. Vdovina; ed. of K. V. Karpov. Moscow, 2013.
 14. Philosophy: encyclopedic slovar / under the ed. of A. A. Ivin. Moscow, 2004.
 15. Yakovlev V. A. Metaphysics and physics of life // Philosophy of law. 2012. № 2.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Для опубликования рукописи статьи можно передать в редакцию с помощью следующих видов связи:

– почтовой (в этом случае присылается 1 экземпляр принтерной распечатки статьи и дискета или диск с идентичным текстом в редакторе «WORD –7»);

– Интернет (с последующей передачей в редакцию оригиналов рецензий на статью).

2. Текст рукописи должен быть набран 14 кеглем, шрифт – Times New Roman Cyr, межстрочный интервал – 1,5. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Поля страницы: снизу – 25 мм, остальные – 20 мм. Файл именуется по фамилии автора (авторов).

3. Объем статьи должен составлять от 10 до 15 страниц машинописного текста (включая таблицы, рисунки, аннотацию, ключевые слова и список литературы).

4. Вместе со статьей в редакцию предоставляются: внешняя и внутренняя рецензии (кроме статей докторов наук и членов редакционной коллегии журнала «Философия права»), подписанные рецензентами, с оттисками печатей; сведения об авторе, в которых указываются фамилия, имя, отчество (полностью); место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (в именительном падеже), служебный и электронный адреса, номер телефона/факса. Контактная информация об авторах будет опубликована в журнале.

5. Статья обязательно подписывается автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточниками». При согласии автора на размещение его статьи в сети Интернет: «Согласен на публикацию моей статьи в свободном электронном доступе». Далее ставятся дата и подпись. Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее – дата, Ф.И.О. руководителя, подпись.

6. К статье должны прилагаться: аннотация (не более 5–6 строк), ключевые слова (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой), индексы УДК и ББК.

7. Информация на английском языке: Ф.И.О. автора (полностью), место работы и должность, почтовый адрес, название статьи, аннотация, ключевые слова.

8. Список литературы на русском и английском языках приводится в конце статьи. В тексте должны быть ссылки (в квадратных скобках) на использованные источники.

9. Рукопись должна быть вычитана автором. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать и сокращать статьи.

10. Рукописи не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

11. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

12. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.

13. Редакция не вступает в электронную переписку с авторами, в связи с этим сообщаем, что все возникающие вопросы необходимо задавать ответственному секретарю, позвонив по указанному в журнале номеру телефона.

14. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**